ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ **9**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1966

Ключ к номеру

С новым годом, читатель! Давай пожелаем себе, чтобы он был счастливым, этот наш новый школьный год! Пожелаем, ну и постараемся! Давай?

Самый первый школьный день. И вдруг ссора... А может быть, вовсе не ссора, а что-то другое стряслось с ребятами по пути из школы?

Фотограф нам ничего не сказал, пусть, мол, читатели сами догадаются. Сообщил только, что мальчика с футляром для чертежей зовут Сережа, а другого — Алик.

Попробуешь догадаться? Три самых интересных рассказа мы напечатаем.

Л. МАРТЫНОВ

Э. МОШКОВСКАЯ

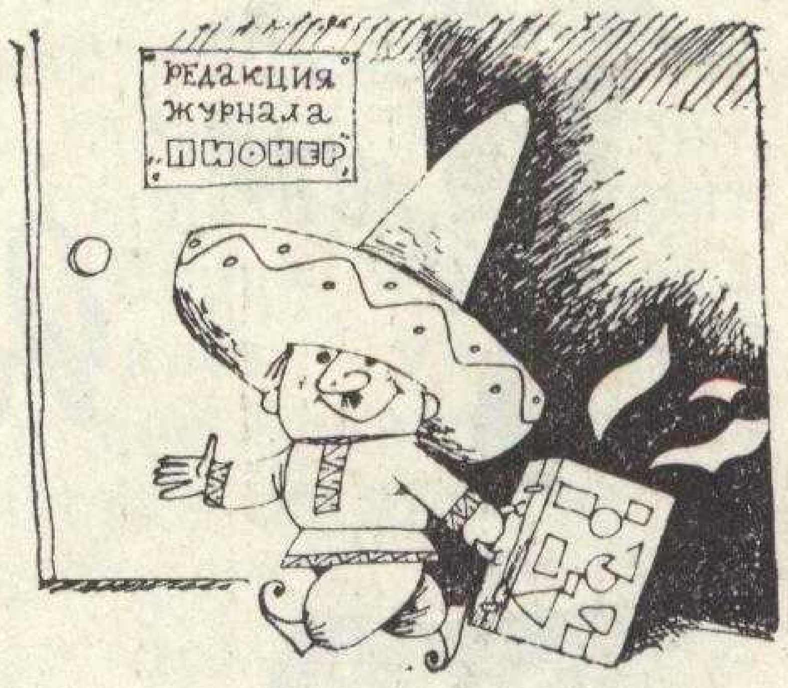
А ЧТО ЖДЕТ ТЕБЯ В ДЕВЯТОМ НОМЕРЕ «ПИОНЕРА»?

● В **Книжной лавке близ площади Этуаль** принимается важное решение...

● **Дети до шестнадцати** не такие уж дети, как принято думать...

● **Встреча** в космосе обескураживает космических путешественников...

Это рассказы и повести сентябрьского номера. Думаем, ты познакомишься с ними поближе.



● Советуем прочитать в номере о стихах известного советского поэта **Леонида Мартынова** и, конечно, сами стихи, которые в журнале публикуются.

● Как нам кажется, ты не раз улыбнешься, читая веселые стихи **Эммы Мошковской.** Если немножко погрустишь, что ж, автор хотел этого.

● **Операция «Цветы на бруствере»** продолжается.

● Конечно, ты найдешь на наших страницах **«Кораблик».** Он обращается к тебе с одним предложением.

● **В «Пионерском глобусе» появился ТЕЛЕТАЙП.**

● **И еще новость: в редакцию пришел ДОКТОР ПОЛИГЛОТ.**

● **ТРИ ТАИНСТВЕННЫХ НЕЗНАКОМЦА хотят с тобой познакомиться.**

● **«Пионер», страницы 51—57 — это адрес нашего «ФОНАРИКА».**

9

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

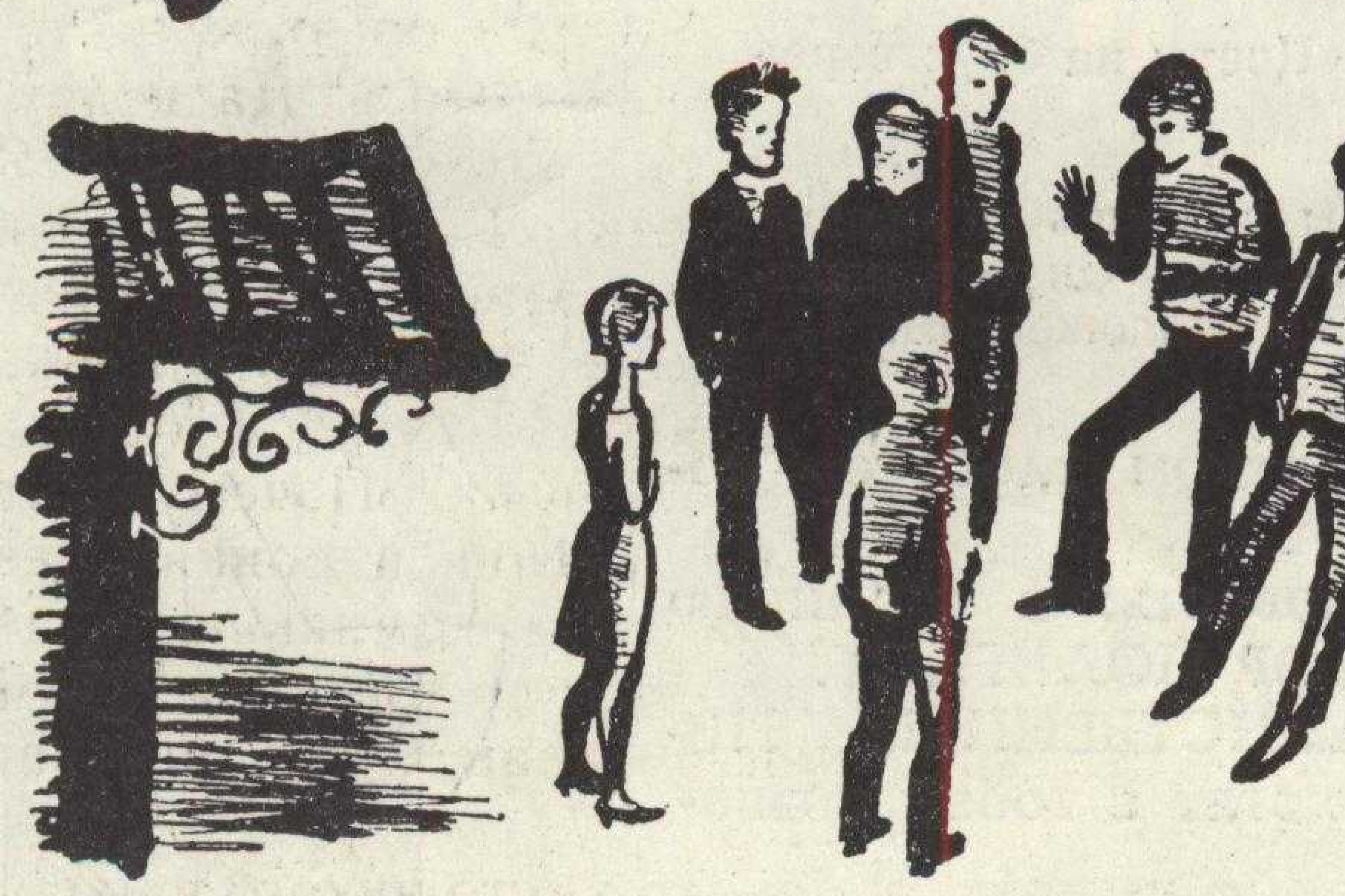
ГОД ИЗДАНИЯ 43

СЕНТЯБРЬ 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г.

ДЕТИ до ШЕСТНАДЦАТИ

ПОВЕСТЬ



Борис НИКОЛЬСКИЙ

Рисунки В. ПЕРЦОВА.

ЕЩЕ БЫ МНЕ НЕ ЗАПОМНИТЬ ЭТУ ФАМИЛИЮ!

По вечерам, как только начинает темнеть, мы все, всей нашей компанией, собираемся во дворе, возле шестого парадного.

Первыми обычно приходят Эрик и Витек. Эрик приносит «Спидолу», он крутит ручки настройки, стараясь отыскать что-нибудь стоящее, а Витек молча стоит рядом, сунув руки в карманы, поглядывая по сторонам.

Двор наш огромный, как площадь, асфальтированный, с клумбой и детской площадкой посередине, с приземистым зданием котельной в дальнем углу. Оттуда, из дальнего угла, из семнадцатого парадного, появляется Вадик. Он идет не спеша, словно вышел просто так прогуляться, словно и не замечает ни Эрика, ни Витька. Он самый старший среди нас, единственный обладатель паспорта, но в то же время самый низкорослый — едва достает до плеча Эрику, который уже успел вымахать за метр семьдесят. Поэтому с Вадиком вечно происходят всякие неприятности и недоразумения, когда мы отправляемся в кино. Мы все, конечно, уже ходим на фильмы, которые детям до шестнадцати смотреть не разрешается, и на вечерние сеансы тоже ходим, ничего, пускают. Только Вадика обычно задерживает билетерша, и Вадик так обижается каждый раз, так злится! Я вижу, его все время подмывает сказать: «А этих что же вы пропустили? Лучше у них паспорта спросите!» Он еле сдерживает себя. А тут еще мы начинаем отпускать всякие шуточки: «Куда ты, мальчик, тебе пора спать!», «Иди домой к маме и не мешай взрослым дядям смотреть кино...» и всякое такое. Мы-то знаем, что его все равно пропустят, как только он покажет паспорт. Раз есть паспорт, как могут не пропустить... Я думаю, он когда-нибудь все-таки не выдержит, не вынесет всех наших издевательств и выдаст нас, накапает на нас контролеру. Единственная надежда, что это случится не скоро, может быть, и мы к тому времени обзаведемся паспортами...

Вслед за Вадиком приходит Серега по прозвищу «Бульдог». У него массивные, тяжелые челюсти, он коренастый и медлительный. Серега — заядлый шахматист, он вечно таскает с собой карманные шахматы и вечно уговаривает кого-нибудь из нас сыграть с ним. Но мы отказываемся — нам неинтересно, исход-то ясен заранее.

— Эх, слабаки! — говорит он.— Ну, хотите, ладью фору дам? А? Ну, ферзя?

Но и на таких условиях никто не соглашается играть. Подумаешь, выиграть с лишней ладьей — не велика честь, зато, если проиграешь, Серега потом прохода не даст, звона будет, звона! На это он мастер.

Пробегает мимо Алик с батоном в руках.

— Я сейчас, ребята! — кричит он.— Мигом! Только провизию оттащу!

Тут уже и я присоединяюсь к компании. Окна нашей квартиры выходят во двор, и мне отлично видно и шестое парадное и ребят возле него. Я не люблю появляться первым, потому что скучно одному торчать во дворе, и последним приходить тоже не люблю, потому что тогда можно пропустить что-нибудь интересное. Спускаясь вниз по лестнице, я встречаю Алика, бегущего из булочной.

— Ну как наши? Собрались? — спрашиваю я. Спрашиваю просто так, оттого, что мне нравится это слово «наши».

— Ага,— отвечает Алик,— иди, я сейчас!

С Аликом я дружу давно, еще со второго, нет, с третьего класса. Помню, когда мы перешли в четвертый, отец подарил мне набор химических реактивов и книжку «Занимательная химия», и мы с Аликом целые дни просиживали у нас в ванной — там была оборудована химическая лаборатория — и делали разные опыты: выращивали кристаллы медного купороса, получали дым без огня — пытались изготовить порох из бертолетовой соли, а то просто наугад сливали какие-нибудь бесцветные жидкости и вдруг неожиданно, к общему нашему восторгу, получали что-нибудь великолепно оранжевое или ослепительно-синее. Однажды Алик прожег соляной кислотой огромную дыру на штанах, и после этого несколько дней его не пускали ко мне. Его мать была уверена, что в один прекрасный день мы отравимся или взорвемся...

Вообще родители Алика всегда очень боялись за него, потому что в детстве он умудрился переболеть корью, коклюшем, скарлатиной, гриппом, свинкой, ангиной, желтухой, воспалением среднего уха, не говоря уже о самых обыкновенных простудах. Сам Алик даже слегка гордился этим: он считался в классе чемпионом по болезням. Но тогда опасения его родителей оказались напрасными — все обошлось благополучно: наше увлечение химией кончилось, как только Алику подарили набор бамбуковых реек, тугой резины, папиросной бумаги и прочих деталей, из которых надо было соорудить модель самолета. С тех пор у нас было еще несколько общих увлечений: самодельный кукольный театр, фотография, коллекционирование марок, но потом наши дороги разошлись, потому что Алик всерьез увлекся физикой — даже какой-то приз получил на районной олимпиаде, а мне было вполне достаточно моей твердой четверки — больше физика меня ни с какой стороны не интересовала.

Приходит еще Лилька из сто четырнадцатой квартиры. Это единственная девчонка в нашей компании. Другие девочки, когда мы собираемся вот так, все вместе, и торчим возле парадного, обходят нас стороной, а Лилька ничего. Говорит, с девочками ей скучно, с мальчишками куда интереснее... Лилька невысокая, стриженная под мальчика, большеглазая. Когда она удивляется или восхищается чем-нибудь, она как-то по-особенному округляет глаза, и они становятся еще больше. «Таращится»,— говорит про нее в таких случаях Вадик. Я пробовал один раз дома перед зеркалом — у меня так не получается. Лилька мне нравится, хотя я, конечно, никому никогда об этом не говорил и говорить не собираюсь. Да и другим ребятам, по-моему, тоже нравится. Я замечаю, когда приходит Лилька, все наши начинают чаще острить, и больше смеются, и разговаривают громче. А Вадику Лилька тоже, наверно, нравится, оттого, я думаю, он и грубит ей все время. Почему для Лильки сделали исключение и приняли ее в нашу сугубо мужскую компанию, я не знаю, это произошло еще до того, как я сам стал появляться по вечерам у шестого парадного.

Конечно, специально никто никого в нашу компанию не принимает и не исключает тоже. Каждый, у кого есть желание, может подойти к нам, и стоять вместе с нами, и слушать «Спидолу» Эрика, сколько угодно, никому это не запрещается. Только бывает так, что какой-нибудь парень буквально из кожи вон лезет, острит, и бросает реплики, и дает понять, что он знаком со всеми футбольными знаменитостями, и к тому же прекрасно разбирается в транзисторных

приемниках и так далее и тому подобное, но все же ничего у него не получается, никто на него не обращает внимания, и все его остроты словно повисают в воздухе, никто даже и не смеется и не отвечает. Мы продолжаем разговаривать между собой, будто его и нет, этого парня: мол, хоть ты и стоишь рядом с нами, ты сам по себе, а мы сами по себе. А бывает, человек с первой фразы становится своим. Так было, например, с Аликом. Алик подошел, постоял молча, послушал, а потом сказал неожиданно:

— Ребята, а вы знаете, оказывается, дельфинов можно научить говорить по-человечьи, я сегодня прочел...

И все почему-то захохотали, а Эрик сказал:

— Во дает! Во дает! — и похлопал Алика по плечу.

Не знаю даже, от чего это зависит, может быть, просто от настроения.

Итак, Вадик, Эрик, Витек, Серега, Алик, Лилька и я — все наши в сборе.

Как-то мой отец сказал:

— Интересно бы послушать, о чем вы говорите, когда толчетесь там, у парадного? О чем?

Ну, о футболе, конечно, в первую очередь. Кажется, у «Зенита» в этом году есть шансы выйти на пятое место.

— Ну что ты! Если «Нефтяник» выиграет завтра у «Крылышек», у него будет столько же очков, но лучше соотношение мячей...

— Зато на одну игру больше!

— Подумаешь! Вот если минское «Динамо» сделает ничью с киевлянами, а «Кайрат» проиграет «Пахтакору»...

— Ничего, Вася вчера говорил с Грачом, ребятишки настроены законно, должны выиграть,— вступает в разговор Вадик.

Я не знаю, кто такой Грач, и остальные ребята тоже, наверно, не знают. Но никто не возражает, потому что Вадик у нас признанный авторитет в вопросах футбола. Его старший брат — футболист, играл в заводской команде на первенство города. Правда, вот уже два года, как его больше не берут в команду, но он по-прежнему ярый болельщик, не пропускает ни одного матча и, говорят, знаком со многими известными футболистами. Со стадиона он обычно возвращается, изрядно подвыпив, и жалуется на свою жизнь, и рассказывает всегда одну и ту же историю: как три года назад он обвел двух защитников и забил гол в верхний левый угол ворот,—и старается показать на пальцах, как это произошло. По вечерам и по воскресеньям, когда нет футбола, он играет во дворе в домино, если только по телевизору не показывают какой-нибудь интересный фильм...

Вот кино — это тоже постоянная тема наших разговоров. «Законная картина!» «Обхохочешься!» «Бред, каких мало...» «Мура, не стоит ходить...»

О чем еще мы говорим? Ну, о боксе, тут первое слово Витьку, он занимается боксом, ходит в секцию, правда, человек он молчаливый, из него и двух слов не вытянешь, всегда стоит молча, слушает наши разговоры и изредка загадочно улыбается... Ну, еще о мотогонках, иногда о шахматах Серега расскажет что-нибудь, иногда о школьных делах, да мало ли еще о чем, обо всем, что придет в голову, о том и говорим...

А то и молчим просто, если не о чем разговаривать. Тогда Эрик берется за свою «Спидолу», отыскивает подходящую музыку, а сам в такт музыке подрыгивает ногами, и растягивает рот, и весь извивается, словно вот-вот начнет танцевать твист. «Ай лав ю! Ай лав ю!» — выкрикивает он или что-нибудь в этом роде, недаром он учится в специальной английской школе. А мы дружно хохочем — невозможно не смеяться, когда он откалывает свои номера.

«Взрыв смеха потряс воздух». — так пишут в подобных случаях.

— И чего гогочут! И чего гогочут! — говорит дворничиха тетя Катя.

А из окна со второго этажа выглядывает пожилая женщина и сердито смотрит на нас. Лицо у нее очень недовольное, но она не делает нам замечания, молчит, наверно, думает: «Свяжись только с ними, а потом одному богу известно, что они могут вытворить. Пульнут камнем в стекло, и иди доказывай, кто разбил...»

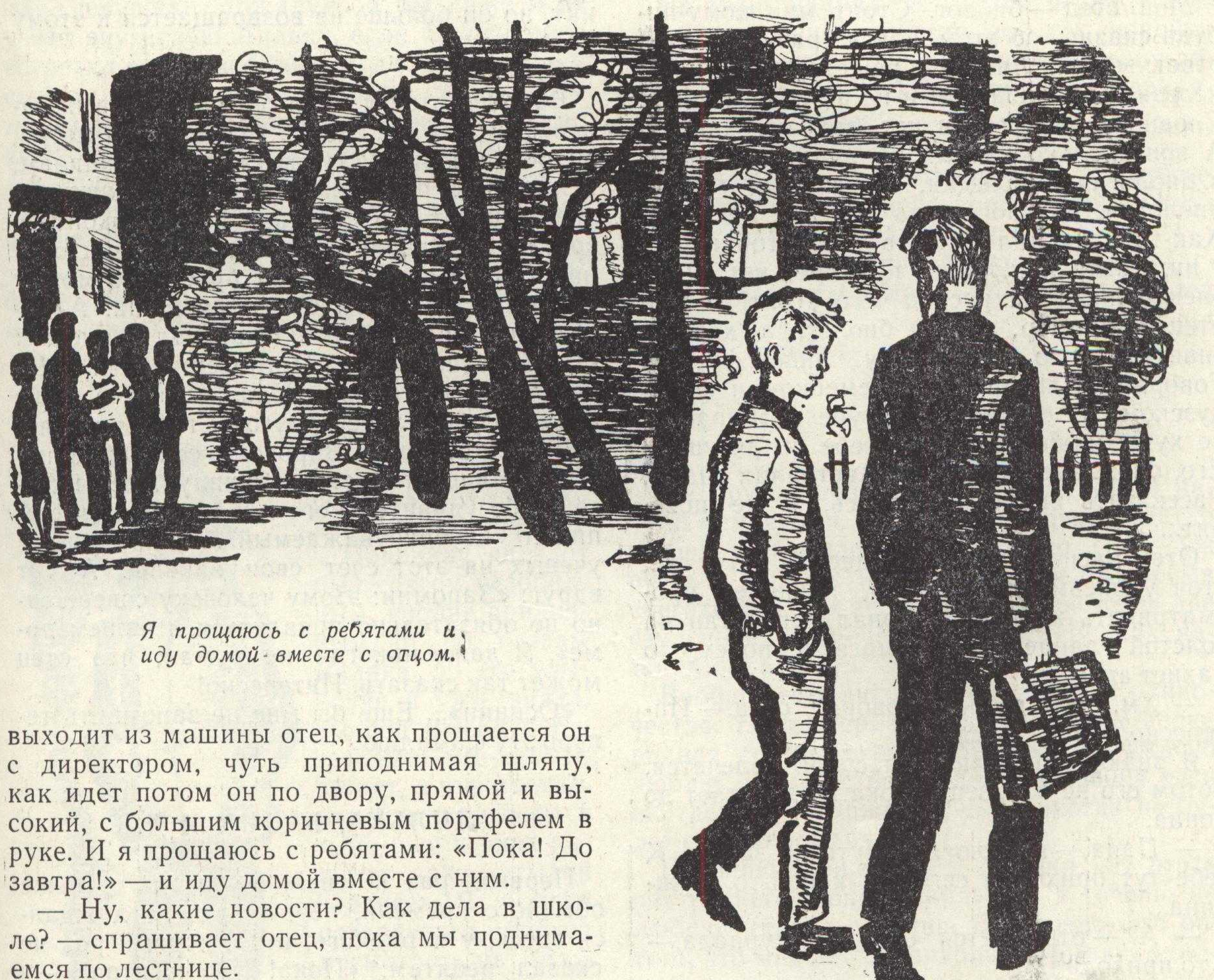
Напрасно она так думает. Мы вовсе не собираемся пулять камнями в окна. А если громко хохочем, так просто оттого, что нам весело. Весело и хорошо стоять вот так вместе, и чувствовать себя сильными — попробуй-ка тронь только кто-нибудь! — независимыми, и знать, что каждый из нас защитит другого. Как это поется в песне: «Если радость на всех одна, то и беда одна...» И потом еще: «Другу уступит друг место в шлюпке и круг». Мне очень нравится эта песня, я могу ее слушать хоть сто раз подряд.

Так мы стоим обычно и разговариваем

или слушаем «Спидолу» часа полтора, два, пока не надоест, а потом, если не отправляемся все вместе в кино, расходимся по домам — кто готовить уроки, кто смотреть телевизор...

Чаще всего к этому времени возвращается с работы из института мой отец.

Я вижу, как останавливается у ворот светло-зеленая «Волга» — это машина директора института, он живет недалеко от нас и обычно завозит отца домой, вижу, как



Я прощаюсь с ребятами и иду домой вместе с отцом.

выходит из машины отец, как прощается он с директором, чуть приподнимая шляпу, как идет потом он по двору, прямой и высокий, с большим коричневым портфелем в руке. И я прощаюсь с ребятами: «Пока! До завтра!» — и иду домой вместе с ним.

— Ну, какие новости? Как дела в школе? — спрашивает отец, пока мы поднимаемся по лестнице.

— Порядок! Пятерка и две четверки.

— Лучше бы наоборот,— замечает он.— А? Ты как думаешь?

Конечно, лучше бы, но что поделаешь, если я никак не могу угодить нашей англичанке своим произношением. Впрочем, об этом я не говорю вслух. Мой отец не любит, когда я жалуюсь на учителей. Помню, однажды, это было еще в четвертом классе, я получил тройку за диктант. Это была первая тройка в моей жизни и, главное, несправедливая. Я сделал всего три ошибки, другим за три ошибки учительница ставила четверку. Я пришел домой и, когда стал рассказывать обо всем, что произошло, не выдержал и заплакал. Тогда с нами жила папина двоюродная сестра, моя тетя, она расстроилась не меньше меня, схватила тетрадь и хотела тут же бежать в школу.

— Успокойся,— сказал ей отец,— и, пожалуйста, никуда не ходи. Я не хочу, чтобы мой сын с детства привыкал винить в своих неудачах других людей. Надо винить прежде всего себя. Если бы он написал работу безукоризненно, он бы не получил тройку. А раз в диктовке есть ошибки, стоит ли обвинять кого-то?

Этот случай я запомнил надолго.

Дома отец первым делом просматривает почту. Сегодня ему принесли две бандероли, письмо из Минского университета и ма-

ленькую заграничную открытку с австралийской маркой.

«Dear sir Ovsjannikov»,— написано в открытке сверху. Хотя я и не учусь в специальной школе, как Эрик, и у меня всего лишь четверка по английскому, эту-то строчку я могу перевести.

«Дорогой сэр Овсянников!»...

«Сэр Овсянников!» Смешно...

Оказывается, какой-то австралийский ученый просит выслать статью о последних опытах моего отца.

Мой отец — биолог. Стоит мне кому-нибудь сказать об этом, как я сразу слышу в ответ: «А-а... Лягушек режет?» Как будто нельзя быть биологом и не резать лягушек! Словно у биологов и нет других занятий! А вон сколько разных направлений теперь в биологии: биохимия, биофизика, микробиология, цитология, да все я и не знаю! Как-то я заходил к отцу в лабораторию, так у них там каких только приборов нет! Один электронный микроскоп чего стоит! И мой отец, например, хоть и биолог, а хорошо знает высшую математику. Знает физику. Говорит на английском, немецком и французском. В радиоаппаратуре разбирается не хуже инженера. Вот тебе и лягушки! Его, оказывается, даже в Австралии знают. Рассказать ребятам — небось, и не поверят...

Отец распечатывает бандероль и тут же, стоя у письменного стола, начинает просматривать журнал. Журнал напечатан на толстой глянцевитой бумаге и почему-то пахнет аптекой.

— Хм, интересно,— говорит отец.— Интересно.— И садится.

Я знаю, что, если сейчас он увлечется, потом его не оторвешь, пока не дочитает до конца.

— Папа,— говорю я.— Чуть не забыл. К тебе тут приходил сегодня какой-то мужчина...

— А? — отрывается отец от журнала.— Кто приходил?

— Сказал: передайте, что заходил Осинин...

— Ах, вон оно что...— говорит отец и прищуривается.— Интересно, что ему было нужно?

— Не знаю. Просил передать привет...

— Значит, привет? — повторяет отец, усмехнувшись. Несколько минут он сидит молча. На чистом листе бумаги старательно крупными круглыми буквами выводит: «ОСИНИН». И еще раз — «ОСИНИН». Потом рвет листок и выбрасывает.

— Вот что,— говорит он.— Запомни: этому человеку совершенно не обязательно появляться у нас дома. Я не имею никакого желания его видеть. Понятно? А теперь давай ужинать. Что там у нас запрограммировано на сегодня?

Мы вместе идем на кухню готовить ужин, но я не могу не думать об этом человеке, об Осинине. На вид он человек как человек — невысокого роста, в очках, я даже как следует не разглядел его... Я жду, что отец еще что-нибудь скажет о нем, объяснит, но он больше не возвращается к этому разговору.

Странно...

Вообще отец у меня очень вежливый человек. Когда мы едем в трамвае или метро, он обязательно уступает место женщинам, и женщины при этом нередко смущаются и уговаривают его сидеть и не беспокоиться зря, но я-то знаю, что это напрасно, что он никогда не сядет, что он просто не может сидеть, если рядом стоит женщина. А однажды я видел, как он написал в письме: «Глубокоуважаемый Петр Сергеевич...» Никогда раньше я не слышал, чтобы в наше время один человек другому говорил «глубокоуважаемый». Впрочем, если отца называют «дорогой сэр», пожалуй, нет ничего особо удивительного и в том, что он сам пишет «глубокоуважаемый»... Возможно, у ученых на этот счет свои законы. А тут вдруг: «Запомни: этому человеку совершенно не обязательно появляться в нашем доме». Я даже никогда не думал, что отец может так сказать. Интересно!

«Осинин»... Еще бы мне не запомнить теперь эту фамилию!

ЛИЛЬКА, ВАДИК И Я

Первый раз я ушел со двора раньше обычного времени, первый раз не дождался здесь, у парадного, отца, первый раз не сказал ребятам: «Пока! До завтра!» — и не услышал в ответ привычное: «Пока, старик!» А произошло все из-за Лильки. Вернее, из-за Лильки и Вадика, из-за них обоих.

В этот день к вечеру начал накрапывать дождь, и мы ушли с улицы в парадное. Парадные в нашем доме просторные, точно залы, кое-где даже скульптуры стоят, будто в музее, и лестницы широченные — прямо хоть танцы устраивай.

Мы толпились в углу возле телефона-автомата, и жильцы, проходя мимо, подозри-

тельно косились на нас. Может быть, оттого, что шел дождь, а может быть, оттого, что не было Лильки — она что-то запаздывала, только разговор в этот день не клеился, мы вяло перебрасывались случайными фразами.

И вдруг Лилька появилась — да еще как! — не в обычном своем коротком пальтишке, а в новенькой стеганой куртке из нейлона, поролона, орлона, не знаю даже, как правильно называется этот материал, и в черных узеньких брюках — совсем взрослая девушка! Пожалуй, я бы даже и не узнал эту новую Лильку, если бы случайно встретил ее где-нибудь на улице. Во всяком случае, я сразу почувствовал себя совсем мальчишкой, ничтожным, невзрачным мальчишкой, обыкновенным школьником. А Лилька держалась так, словно ничего и не случилось, словно она даже и не замечала наших взглядов, нашего восхищения.

— Ой, мальчики, что это вы такие скучные сегодня? — сказала она, чуть растягивая слова.— Рассказали бы что-нибудь интересное...

— Ой, девочки! — хохотнув, моментально отозвался Вадик.— Сейчас расскажем. Новенький анекдот, свеженький, только вчера услышал.

— Ой, мальчики, что это вы такие скучные сегодня?

Поначалу анекдот был совсем безобидным, вполне приличным, но по глазам Вадика, по его улыбочке я уже видел, что под конец он обязательно что-нибудь загнет, и чувствовал, как уже краснеют у меня шея и уши, кажется, даже затылок краснеет. Я боялся повернуться, боялся посмотреть на Лильку. Я еще надеялся, что Вадик все-таки остановится, все-таки не станет рассказывать при ней все до конца. Но он не остановился.

И когда он кончил и ребята захохотали — первыми Эрик и Серега, затем Витек, а потом неуверенно и смущенно Алик,— и я понял весь неприличный, грязный смысл этого анекдота, я ощутил, как краска заливает мне лицо.

«Кажется, в таких случаях полагается бить в морду»,— подумал я.

И я представил, как ударю сейчас Вадика по его улыбающейся, довольной физиономии, как потом поворачиваюсь я к Лильке, и говорю: «Пойдем отсюда»,— и вижу ее глаза, полные слез и благодарности. Все это в одну секунду пронеслось у меня в голове.

Я шагнул к Вадику.

Не знаю, ударил бы я его или нет — все-таки это очень непросто вот так подойти и первому неожиданно ударить по лицу человека,— но в последний момент я обернулся и увидел Лильку.

Лилька смеялась.

Правда, она чуть отвернулась и прикрылась рукой, и щеки ее порозовели от смущения, но она смеялась!

И тогда я повернулся и пошел прочь.

— Колька, ты куда? — крикнул мне вслед Эрик.

Я не ответил.

●

На другой день после школы, когда начало темнеть, я не вышел во двор. Честно говоря, мне было как-то не по себе: уж очень я привык каждый день в это время сбегать вниз по лестнице, прыгая через две ступеньки, и кричать Алику: «Ну, как наши? Собрались?»

Вообще есть люди, которые любят одиночество. Например, моя тетя, папина двоюродная сестра, всегда говорит: «Я ужасно люблю одиночество. Если у человека есть внутреннее содержание, ему никогда не будет скучно одному».

Не знаю, может быть, у меня нет этого внутреннего содержания, но я очень не люблю оставаться один. Возможно, это оттого, что мне часто приходится бывать одному — отец целые дни на работе, а я дома, но, когда я один, я буквально не знаю, куда себя девать.

И теперь я сначала без толку слонялся по квартире, потом остановился у окна. Я видел, как постепенно сходятся ребята. Вот и Серега, и Витек, и Лилька уже пришла, и Алик... Думают ли они обо мне? Обсуждают ли между собой, почему я не пришел? Наверно, обсуждают. Может быть, ругают Вадика — в конце концов из-за него все получилось.

Я отхожу от окна и снова начинаю бродить по квартире. Даже выхожу на лестничную площадку посмотреть, не появилось ли что-нибудь в почтовом ящике. Но все равно меня так и тянет назад к окну.

Во дворе уже зажглись фонари, светятся окна лестниц, и над парадными тоже горят лампочки. Около детской площадки за дощатым столом сгрудились доминошники. А «наши» все еще не разошлись по домам, все еще стоят возле шестого парадного. Лилька сегодня в своем обычном пальто, покрасовалась один день в новом наряде, и хватит... Мне видно, как Эрик чуть наклоняется — наверно, колдует над своей «Спидолой», видно, как начинают смеяться ребята. Смеха я, конечно, не слышу—далеко, да и окна закрыты. Интересно, смеются они сегодня так же, как всегда, или, может быть, все же не так громко, не так весело? Должны же они все-таки заметить, что меня нет!

Я вижу, как идет через двор мой отец, как по привычке смотрит в сторону шестого подъезда — знает, где меня искать. Наверно, удивляется, наверно, думает: «Что такое, куда это делся мой сын?» А его сын стоит у окна, один, в пустой квартире...

Мне кажется, я даже слышу, как поднимается он по лестнице. Первый этаж, второй, третий...

Я выскакиваю в коридор и бегу открывать дверь. Ура! Вот и кончилось мое одиночное заточение! Наконец-то!

— Ты что это не на своем посту? — спрашивает отец весело. Я давно уже замечаю, ему не очень-то нравится мое вечное торчание у этого парадного.

— Да ну их!

— Временное недоразумение или серьезный конфликт?

Я молча пожимаю плечами. Почему-то мне неловко, стыдно рассказать о вчерашнем происшествии.

Когда отец дома, у меня сразу и настроение меняется. Даже уроки могу делать спокойно, не отвлекаясь. А когда один, обязательно сто раз встану из-за стола — то во двор выгляну, что там за машина приехала, то радио включу, немного послушаю, то вдруг вспомню, что целую неделю собирался починить выключатель в кухне, и сразу бегу в кухню. Когда отец рядом,— совсем другое дело. Он сидит за своим письменным столом, сняв пиджак, в рубашке с засученными рукавами и подсчитывает что-то на логарифмической линейке, выписывает в тетрадку колонки цифр, вычерчивает на миллиметровой бумаге какие-то графики. Иногда он берет счеты — такие маленькие счеты, мне их подарили на день рождения, когда я учился во втором классе,— и начинает щелкать костяшками. Это меня всегда очень смешит — ну настоящий счетовод или кассир. Посмотрит на него сейчас кто-нибудь со стороны, разве скажет, что мой отец — биолог? Но я-то знаю, он подытоживает результаты своих опытов. А я пристраиваюсь рядом, раскладываю свои тетради, свои учебники, и мы работаем вместе.

Утром в школе я все ждал, что Алик спросит, почему не было меня вчера во дворе, почему я не вышел. С Аликом мы учимся в одном классе и даже сидим за соседними партами, так что часто играем в «морской бой», или в «слова» — это когда из одного длинного слова нужно составить много новых,— или в «балду». Но Алик нет-нет да и сжульничает, схитрит, начинает придумывать какие-нибудь несуществующие, дикие слова, что-нибудь вроде «ледовитости» или «яйценоскости», а потом еще уверяет, что я «балда» и что он победил честно.

Я все посматривал на Алика, все ждал, когда же он спросит, и думал, что я ему отвечу. Пожалуй, только пожму плечами: «Так, был занят». Но он, конечно, поймет, что вовсе не «так», и спросит: «Нет, Колька, правда?» И тогда я скажу ему, что просто мне стало противно слушать, как Вадик рассказывал свой дурацкий анекдот, и что напрасно все смеялись, ничего в этом смешного не было...

Но Алик все не спрашивал и не спрашивал. Может быть, он совсем забыл, что меня вчера не было, может быть, у него голова другим забита; как-то на днях он так и сказал про себя: «У меня теперь голова другим забита». Оказывается, он мечтает поступить в какую-то особую школу для математически одаренных детей.

Эрик уже учится в специальной английской школе. Алик собирается переходить, так, чего доброго, скоро я один-единственный неодаренный останусь в нашей обыкновенной школе. И от этих мыслей и оттого, что Алика вовсе не интересовало, почему я не вышел вчера, мне стало вдруг так грустно и одиноко, словно я опять очутился один в пустой квартире. И тут я понял, что, как бы я ни старался, сегодня я уже не выдержу и выйду вечером во двор к нашей компании.

И я вышел.

Я вышел, только немножко попозже, когда все уже были в сборе.

— А-а! Колька! — как ни в чем не бывало крикнул Эрик.— А мы уже думали, что ты заболел...

— Да нет, не заболел,— ответил я, стараясь не смотреть на Лильку.

И больше никто ничего не сказал, словно они не поняли, почему я ушел тогда, или не хотели теперь показывать, что поняли.

«Глупо как-то получилось,— подумал я.— Ужасно глупо».

— Парни! Есть ценное предложение,— сказал Эрик.— Пошли в кино! Кто «за»?

Все были «за», правда, у меня не хватало пяти копеек на билет, я не думал сегодня идти в кино, но Алик дал мне пять копеек, и мы все отправились в кинотеатр «Космонавт». Вадика, как обычно, не хотели пропускать, и мы, стоя уже в фойе, потешались над ним:

— Мальчик, ты ошибся, здесь не кукольный театр...

— Мальчик, возьми дядю за ручку...— и хохотали. Но потом Вадика, конечно, пропустили.

В ТЕАТРЕ

Если бы не случилось тогда такое совпадение, может быть, и мысли эти, мысли, о которых потом не хотелось вспоминать, никогда бы и не пришли мне в голову. Но совпадение случилось, ничего не поделаешь, «судьба», как говорит в таких случаях моя тетка, двоюродная сестра отца: «От судьбы никуда не денешься».

Я, конечно, не верю в судьбу, я просто не знаю, что это такое.

Да и началось-то все с пустяка. Я давно уже заметил: многие очень важные вещи начинаются именно с пустяков.

— Знаешь,— сказал мне отец в тот вечер,— к нам на гастроли приезжает МХАТ...

«Неужели он взял билеты на субботу?» — подумал я.

— ...и мне повезло, у меня как раз свободный вечер в эту субботу, я взял билеты на «Трех сестер»... Ты что, недоволен?

У меня дурацкое лицо: как бы я ни старался скрыть свои мысли, по нему всегда все можно прочесть, во всяком случае, отец угадывает мое настроение безошибочно.

— Нет, почему? — как можно веселее сказал я.— Почему ты решил, что я недоволен?

— Да? Значит, мне показалось...

Я видел, что отец все-таки расстроился, он-то был уверен, что я обрадуюсь, я всегда очень любил ходить с ним в театр. А я разве виноват, что так получилось? Я и сам не знал, что теперь делать. Как раз в эту субботу мы все, всей компанией, собирались махнуть за город, устроить небольшой туристский походик с ночевкой в лесу, с костром, с палатками — все как полагается. Мы уже давно поговаривали об этом, но все как-то впустую, а тут вдруг собрались, договорились точно. Даже обязанности уже распределили: кто за что отвечает, кому что брать. Когда дошла очередь до меня, Вадик усмехнулся: «Да его папаша не пустит, вот увидите...» «Это почему не пустит? — рассердился я.— Прекрасно пустит». Правда, однажды отец не пустил меня в кино, когда мы как-то собрались на последний сеанс, он вообще очень не любит, когда я возвращаюсь домой поздно, но это же только один раз, да и верно, совсем не обязательно мне было идти тогда в кино на последний сеанс. Но Вадик до сих пор забыть этого не может. А я-то знаю, что, когда мне действительно нужно, отец всегда поймет и возражать никогда не станет. Но я также знал, что пустить-то он меня пустит, но, пожалуй, будет недоволен этой затеей с походом и ночевкой, потому что ему вообще-то не очень нравилась наша компания. Поэтому я и не сказал ему сразу, а все ждал, хотел заговорить о походе как-нибудь мельком, к слову, как о деле уже решенном. Вот и дождался!

Если бы не МХАТ и не «Три сестры», я бы, конечно, просто-напросто сказал отцу, что идти в театр мне не хочется, что лучше я поеду за город с ребятами. И ничего страшного. Но я хорошо знал, что на этот спектакль он собирался давно и мечтал пойти именно со мной, может быть, какие-то воспоминания были у него связаны с этим спектаклем, он видел его в молодости, может быть, видел вместе с мамой, когда они только познакомились, не знаю, но теперь он хотел обязательно показать его мне — он не раз говорил об этом. Заикнись я ему о субботнем походе, и он бы, конечно, сказал: «Смотри сам, твое дело, иди». И ничего больше, он бы даже постарался сделать вид, что не расстроен и не обижен, но для меня это тяжелее всего, я просто не могу вынести этого.

Я не мог ничего сказать о походе, никак не мог. В конце концов я сам был виноват, что так получилось: надо было предупредить раньше. Видел же я эти афиши — они по всему городу расклеены. Как только мне сразу в голову не пришло! А теперь можно было лишь надеяться, что вдруг в субботу

у отца появится какое-нибудь срочное дело, внеочередное совещание или что-нибудь в этом роде. И тогда все решится само собой.

Но эти мои надежды, конечно, не оправдались, и в пятницу вечером, когда мы все собрались во дворе, мне уже не оставалось ничего другого, как только проговорить с самым наибезразличнейшим видом:

— Да, между прочим, завтра у меня с отцом очень важное дело, так что я...

Это было для меня не очень-то легко — решиться вырвать зуб куда легче, честное слово,— и я мог гордиться и утешать себя тем, что я это все-таки сделал. Впрочем, это было слабое утешение.

— Вот видите!—сразу закричал Вадик.— Что я говорил! Эх, дурак, надо было мне тогда поспорить!

Больше на меня в тот вечер не обращали внимания, словно я и не существовал, словно меня и не было рядом с ними. Несколько раз я пытался вмешаться в разговор, даже подавал советы, и со стороны это выглядело, наверно, довольно унизительно, потому что никто меня не слушал и никто не отвечал. Конечно, мне нужно было сразу уйти, я это прекрасно понимал, но все-таки не уходил, хотя меня теперь и в самом деле совершенно не касалось, хватит ли одной палатки на всех, и сколько надо закупать хлеба, и на что сейчас лучше всего будет клевать рыба...

●

В субботу мы с отцом отправились в театр. Мы вызвали по телефону такси и подкатили к самому театру, к ярко освещенному подъезду.

Отец взял билеты в ложу — я знал, что это специально для меня. Я не люблю в театре сидеть в партере: сидишь будто в кино, никакой разницы. Зато когда поднимаешься в ложу бельэтажа или бенуара — одни слова чего стоят! — и билетерша подводит тебя к узкой дверце, и ты сначала попадаешь в крошечную комнатку, где стоят низенькие мягкие диваны, а потом уже в ложу,— тут уж сразу чувствуешь, что ты в театре.

В другой раз мне бы вполне хватило такси и билетов в ложу, чтобы чувствовать себя на седьмом небе. Но сейчас...

Я смотрел на сцену, я изо всех сил старался смотреть на сцену, но ничего не мог поделать с собой. Я думал о ребятах, о нашей компании, как они едут сейчас в электричке, или идут уже по лесу, или выбирают место для привала. Я все время отвлекался и не мог уловить смысл того, что происходило на сцене. Спектакль мне казался скучным.

В этот вечер я первый раз почувствовал себя несвободным, первый раз я завидовал свободе своих приятелей.

Почему я должен сидеть в театре, когда мне совсем этого не хочется? И разве это честно перед отцом? Ведь он прекрасно чувствует мое настроение, даже в темноте чувствует, хоть и глядит все время на сцену. А что, он же не заставлял меня идти, он бы даже не прикрикнул на меня, не рассердился, если бы я отказался. Если бы он закричал, если бы он рассердился, если бы запретил, не пустил, не разрешил, тогда было бы проще, тогда было бы совсем другое дело. Тогда я мог бы спорить, отстаивать свое право на самостоятельность, доказывать, что я взрослый. Вон Вадик, тот каждый день спорит со своей матерью. Она ему: «Дурак!», — а он ей: «Сама дура!» Она ему: «И зачем только я тебя растила, зачем силы тратила?»,— а он ей: «Я же тебя не просил об этом». И ничего, к вечеру уже разговаривают мирно, как ни в чем не бывало. Я даже представить себе не могу, чтобы отец сказал мне грубое слово, обругал меня, я бы не знаю, что тогда сделал.

У Эрика родители вообще не вмешиваются в его дела. Они всегда заняты, у них свои заботы, они всегда что-то ищут, покупают, достают: покрышки для автомашины, абонементы в филармонию, нитрокраску для дачи, сборник стихов Окуджавы, финский плавленый сыр — времени у них совершенно не остается. «Наш Эрик ничего плохого сделать не может, в этом я уверена,— говорит его мать,— а в остальном пусть он поступает, как хочет. В конце концов он человек уже взрослый, отца перерос».

У Сереги папаша, так тот вообще подлаживается под нас. Он лысый, суетливый и веселый. Хлопает нас по плечам и называет стариками, хлопцами или братвой, как когда. И анекдот иногда расскажет и закурить даже предложит полушутя, полусерьезно. Мы, конечно, отказываемся, а он смеется: «Бросьте, эти штучки мне известны, я сам в тринадцать лет начал дымить». Отец Сереги — художник. Одна его картина даже была на городской выставке. Мы все ходили ее смотреть, потому что Серегиному отцу для этой картины позировал Эрик. Картина называлась «Заседание комитета

комсомола». Нам-то, конечно, было интересно посмотреть, потому что Эрик получился как живой, очень похож, но вообще-то картина вышла скучная. Конечно, из вежливости мы не сказали об этом Серегиному отцу, но он, кажется, и сам догадался. «Ничего, старики,— сказал он нам,— у Репина «Заседание Государственного Совета» тоже не самая удачная картина, не так ли?» Серега отцом доволен: «У меня батя свой в доску».

Я и сам не заметил, как начал сравнивать отца с родителями приятелей. Раньше мне и в голову не приходило, что его можно с кем-то сравнивать. А когда заметил, мне стало очень неприятно: ведь отец сидел рядом и даже не подозревал, о чем я думаю. Я принялся усиленно смотреть на сцену, чтобы отогнать эти мысли, но тут как раз опустился занавес, в зале начали медленно наливаться светом люстры — первое действие кончилось.

Во время антракта мы ходили с отцом по фойе, ели мороженое, рассматривали фотографии артистов и макеты декораций, и я немного отвлекся, но, как только погас свет и началось второе действие, все прежние мысли снова вернулись ко мне.

Я стал думать, что теперь-то наверняка ребята больше никуда не возьмут меня с собой, и настроение у меня опять испортилось. И опять Вадик будет насмехаться надо мной и рассказывать всем, что меня не пустил папаша. Не могу же я объяснить ребятам, что должен был пойти в театр, что просто не мог поступить иначе,— они все равно ничего не поймут. Да я и сам, даже если бы и захотел, не сумел бы толком объяснить все как есть... Сколько раз я им говорил, что отец мне ничего не запрещает, что даже таких слов: «Нельзя, не пущу»—он никогда не произносит,— они все равно не верят. «А чего ж ты тогда вечно торопишься домой, на минуту опоздать боишься?» — спрашивают. И опять — как им объяснить? Просто я знаю, что отец не любит, когда я прихожу поздно, и поэтому я стараюсь прийти пораньше. Он у меня человек очень точный, даже в мелочах, любое, самое маленькое обещание всегда выполнит и от других тоже ждет верности слову. И я знаю: отец будет переживать и волноваться, если я пообещаю прийти в девять, а сам явлюсь в одиннадцать, а я не хочу, чтобы он переживал, волновался и расстраивался. Для меня это хуже всего. Просто я люблю его, ведь он у меня один, и я у него один тоже, как же я могу сказать или сделать что-нибудь такое, что бы огорчило его. И вот поэтому я сижу сейчас здесь, в театре, в темной маленькой ложе рядом с отцом, а не разжигаю в лесу костер вместе с ребятами...

И тут я вдруг подумал, что, выходит, это любовь делает человека несвободным, выходит, ничто так не связывает человека, как любовь.

Эта мысль была такой неожиданной, что даже испугала меня. Но потом я вспомнил, что где-то уже встречал ее, в какой-то книге, только не обратил тогда на нее внимания, а теперь она возникла вдруг в памяти, словно я сам до нее додумался.

«Ведь, если бы я не любил отца, я мог бы поступать как угодно, и мне было бы совершенно все равно, как он отнесется к этому...»

От такой мысли мне стало совсем не по себе: получалось, будто я хочу, чтобы что-то изменилось в наших отношениях с отцом, чтобы я стал меньше его любить, но я же этого не хотел, я этого никогда не хотел, ни раньше, ни теперь, никогда не хотел, не хотел...

— Ты что это шепчешь? — тихо спросил меня отец.

— Да нет, ничего,— смущенно пробормотал я. Оказывается, я уже начал думать вслух.

«Я очень люблю твоего отца,— как-то сказала мне папина двоюродная сестра,— он, безусловно, прекрасный, замечательный человек, но жить вместе с ним я бы не смогла. У него ужасно трудный характер. Своей верностью принципам, и своим молчанием, и своей требовательностью он может доконать кого угодно». Она сказала это полушутя, и я тогда пропустил эти слова мимо ушей, но теперь, как нарочно, они тоже вспомнились и лезли в голову.

«Голова пухнет от мыслей» — так говорят в подобных случаях. Я, и правда, чувствовал, как моя голова словно распухает, словно становится тяжелее.

Неизвестно, до чего бы еще я додумался и что бы еще мне вспомнилось, но, к счастью, кончилось и второе действие.

— Ну как? — спросил отец, подозрительно поглядывая на меня.— Нравится?

— Да,— ответил я не очень уверенно.

Мы отправились в буфет и уже допивали свой лимонад, когда я вдруг увидел Осинина. За нашим столиком было одно свободное место, и он пробирался именно сюда. Отец сидел спиной, он еще не видел Осинина, и я хотел сказать: «Вон тот самый тип». Но не успел — Осинин уже стоял возле столика.

— Разрешите? — сказал он.— Здравствуйте, Алексей,— и чуть поколебавшись, добавил: — Николаевич.

— Здравствуйте,— сухо ответил отец.

Теперь я мог как следует разглядеть Осинина. У него было гладкое, округлое, тщательно выбритое лицо — «холеное лицо», как пишут обычно в книгах. Очки в толстой роговой оправе придавали ему серьезное, значительное выражение. Редкие блестящие волосы были аккуратно зачесаны назад.

Осинин взял с вазы бутерброд с копченой колбасой, но не откусил сразу, а держал в руке.

— Ваш сын, наверно, уже сказал вам, что я заходил. Решил, как говорится, нанести визит вежливости, я ведь теперь стал вашим соседом. Да, да, построился, в кооперативном доме. Вот и надумал по старой памяти заглянуть к вам, потолковать...

— Сергей Геннадьевич,— сказал отец,— вы же прекрасно знаете мое к вам отношение. Если я еще раз повторю все то, что уже говорил однажды, думаю, это не доставит удовольствия ни мне, ни вам...

— Люди меняются,— сказал Осинин.— Время идет, и люди меняются.

Отец промолчал. Он искал глазами официантку, чтобы расплатиться.

— А ваш сын,— сказал Осинин,— между прочим, гораздо любезнее своего отца.

И он улыбнулся мне.

— До свидания,— сказал отец.

— До свидания,— сказал Осинин.

Какой-то неудачный получился у нас этот поход в театр! И так отец был не в настроении, потому что чувствовал, что со мной что-то неладное, а тут еще этот Осинин... Откуда только он взялся?

Но зато я теперь отвлекся от своих прежних мыслей и стал думать об Осинине. Интересно, за что отец так не любит этого человека?

Когда мы возвращались домой, я не выдержал и спросил:

— Пап, а почему ты не хочешь разговаривать с этим... Осининым?

Отец посмотрел на меня и потом сказал:

— Потому что в свое время он поступил так, как не поступают порядочные люди. Понимаешь, он предал человека, которому был всем обязан...

— Тебя? — быстро спросил я.

— Нет, почему же меня? — усмехнулся отец.

— А кого?

— Это длинная и не очень интересная история, когда-нибудь я расскажу ее...

Мне совсем не хотелось ждать этого «когда-нибудь», мне хотелось все узнать сейчас же, но отец думал о чем-то своем и больше ничего не добавил.

— Вот все и рухнуло... Ну, пока! — И Алик побежал дальше, размахивая авоськой.

Когда мы подошли к дому, я, конечно, снова вспомнил о ребятах — сидят они у костра, гоняют чаи, поют песни, рассказывают разные истории... И в этот момент я вдруг столкнулся с Аликом. Я даже не поверил сначала своим глазам! Алик не сидел у костра и не гонял чаи, а бежал по двору, наверно, торопился в магазин, пока не закрыли.

— Алик! — крикнул я.— Тебя что, не пустили?

— А-а...—Он приостановился на минуту и махнул рукой.— С нашими разве кашу

сваришь? У Сереги, видишь ли, тетка приехала в гости, у Лильки зуб заболел. Вот все и рухнуло... Ну, пока! — И он побежал дальше, размахивая авоськой.

А я сразу повеселел.

Выходит, все мои переживания были напрасными. Ну и прекрасно! Я был уверен, что мысли, которые не давали мне покоя в театре и которых я теперь стыдился, завтра же забудутся, и все опять будет по-прежнему.

Но я ошибся. Так уж, видно, была устроена моя голова, что чем больше я старался не думать о чем-нибудь, тем больше думал...

ПРОФЕССОР КОЛЕСОВ

Легко сказать: «Подожди, я когда-нибудь расскажу тебе обо всем...» А если я себе места не находил, так мне хотелось узнать, кто такой этот Осинин и что же он все-таки сделал?

В моем воображении рисовалась картина одна ужаснее другой: то мне представлялось, будто он предал кого-нибудь из наших во время войны и об этом теперь не знает никто, кроме моего отца, а у отца нет никаких доказательств; то я сочинял длинную историю о том, как Осинина послали в разведку, а он испугался, не дошел до цели, а потом доставил командиру неверное, выдуманное донесение. Почему-то я был уверен, что история эта наверняка произошла во время войны.

Я несколько раз приставал к отцу, все просил рассказать, но он отшучивался:

— Усмирить собственное любопытство труднее, чем укротить льва, так, кажется, говорили японцы в древности?

Ничего подобного древние японцы не говорили — я это знал точно, — просто отец любил придумывать пословицы, когда хотел отшутиться. Иногда такую придумает, что и не отличишь от настоящей!

Я тоже хотел ему в ответ придумать какую-нибудь пословицу: мол, нечестно так мучить человека, раз уж заикнулся, так договаривай, — но выходило как-то нескладно, сразу видно — собственного изобретения...

Впрочем, мучиться, изнывать от любопытства мне пришлось недолго.

Что-то на третий или четвертый день после нашего культпохода в театр к нам пришли гости, папины сослуживцы — Галина Аркадьевна, она работает младшим научным сотрудником, и лаборант Миша Мельников. Миша высокий и ужасно худой. Он похож на школьника-десятиклассника, хотя уже успел окончить университет. Галина Аркадьевна зовет его Мишенькой, и его, по-моему, это всегда сердит, ему, наверно, хочется, чтобы называли по имени-отчеству. Я его понимаю, мне бы, конечно, тоже хотелось.

Вообще и Галина Аркадьевна и Миша — это не настоящие гости, потому что даже здесь, у нас дома, они все время говорят о своих лабораторных делах, о каких-то опытах, схемах и приборах. Я ничего не понимаю в этих разговорах и потому ухожу на кухню и кипячу чай или варю черный кофе так, как меня учил отец. Иногда помочь мне прибегает Галина Аркадьевна. Она называет меня «друг мой, Колька» и расспрашивает о школе, об учителях, спрашивает, какие танцы мы танцуем у себя на вечерах и какие песни сейчас в моде, а потом, когда мы возвращаемся из кухни, вздыхает и говорит отцу:

— Подумать только, даже не верится, что я тоже была такой же. Как быстро летит время! — Но говорит она об этом с удовольствием, по-моему, ей очень нравится, что время летит так быстро.

— Алексей Николаевич, — спрашивает она. — Вы хотели бы вернуться в детство?

— Хотим мы этого или не хотим, — смеется отец, — а впасть в детство нам еще предстоит в старости. — Когда приходит Галина Аркадьевна, он и шутит и смеется чаще, чем обычно.

— Нет, вы знаете, у нас все было как-то по-другому, — говорит Галина Аркадьевна. — Я помню, когда пошла в восьмой класс, в сорок шестом году, у меня даже пальто не было, я целый год в ватнике ходила, и ничего, не стеснялась... А теперь моя племянница настоящий скандал устроила, что ей какие-то там особые чулки не купили, у всех девочек есть, а у нее нету...

Не знаю, может быть, в восьмом классе Галина Аркадьевна и правда ходила в ватнике, но теперь чуть ли не каждый раз она появляется у нас в новом платье, и платья у нее, по-моему, одно красивее другого. И сама Галина Аркадьевна кажется мне очень красивой. Если бы я не знал ее и встретил на улице, я бы никогда не подумал, что она научный сотрудник, кандидат биологических наук и делает опыты на лягушках, крабах и крысах, я бы, наверно, принял ее за артистку.

— Друг мой, Колька, ты тоже, небось, модничаешь? — спрашивает она и смеется.— И за девочками уже ухаживаешь? А? Или еще нет? Ага, покраснел! Ну, значит, да...

За вечер она умудряется задать мне кучу вопросов. Я даже не успеваю на них отвечать. А когда уходит, в комнате, в коридоре еще долго плавает легкий запах духов, и мы с отцом почему-то разговариваем и ведем себя так, словно в квартире есть еще кто-то третий...

И мне кажется, что когда-то, очень давно, это уже было: и легкий запах духов и женские шаги в коридоре,— мне даже кажется, что я отчетливо помню смеющееся лицо молодой женщины — моей матери. Но это неправда. Когда умерла моя мама, мне только-только исполнилось полтора года, все говорят, что я не могу ее помнить...

В этот раз я не дал Галине Аркадьевне накинуться на меня с вопросами. Как только мы остались в кухне вдвоем, я спросил первый:

— Галина Аркадьевна, а кто такой Осинин?

— Осинин? Сергей Геннадьевич? Кандидат биологических наук и порядочная свинья. Достаточно?

— Нет, а почему мой отец его так не любит?

— Странно было бы, если бы он его любил,— усмехнулась Галина Аркадьевна.— Это довольно давняя и длинная история...

Я уже испугался, что сейчас она добавит: «И я расскажу ее тебе как-нибудь в другой раз»,— но Галина Аркадьевна села поудобнее на кухонную табуретку и продолжала:

— В твоем возрасте полезно знать, что люди, нас окружающие, бывают не только благородными героями, так что навостри уши и слушай. Я в те времена была студенткой, а отец твой и Осинин были аспирантами, оба были учениками профессора Колесова, продолжателями его дела, его сменой и так далее и тому подобное, как принято говорить в таких случаях. По-моему, тогда же появилась их первая совместная работа, статья в солидном научном журнале, подписанная тремя фамилиями: Колесов, Осинин и Овсянников. И Осинин и твой отец очень гордились тем, что их фамилии стояли рядом с фамилией Колесова. Как-никак, а профессор Колесов — это имя звучало! Доктор биологических наук, лауреат, заведующий кафедрой, короче говоря, ученый с мировым именем. К тому же он был разносторонним человеком: мастер спорта по теннису, любитель музыки — ни один хороший концерт в филармонии без него не обходился,— знаток живописи. Студенты любили его, на его лекциях всегда было полно народу. Так что Осинину и твоему отцу многие завидовали — работать с таким ученым! В те годы Колесов как раз выдвинул новую, очень смелую теорию. Как бы тебе рассказать попонятнее?.. В общем, она по-новому объясняла важные процессы, происходящие в живой клетке. Впрочем, неважных процессов в клетке и не бывает. Это заметь себе так, на всякий случай, если вдруг надумаешь стать биологом...

Эх, друг мой, Колька, я тогда была девчонка, студентка-первокурсница... Что я понимала?.. И когда я встречала профессора Колесова в университетском коридоре — высокого, грузного, бритоголового, когда я робко здоровалась с ним, я думала: вот человек, жизни которого можно позавидовать. Я думала: вот человек, окруженный всеобщей любовью и уважением. Мне казался он особенным, совсем не таким, как все, и тот мир, в котором он жил, мне тоже казался особенным, удивительным... И я не подозревала, что именно тогда, именно в то время для Колесова уже наступали самые трудные дни в его жизни...

Почему?.. Как бы тебе объяснить попроще?.. Видишь ли, в науке всегда идет борьба, всегда сталкиваются разные взгляды, разные мнения, так и должно быть, в этом нет ничего страшного... Но представь себе, если вдруг находится группа ученых, которые считают, что правы только они, что только их направление единственно верное, безошибочное, плодотворное и так далее и тому подобное, то, само собой разумеется, все остальное, всякое другое направление будет объявлено вредным, бесполезным, ненужным, ошибочным и так далее и тому подобное... И к чему таким ученым проводить научные дискуссии, споры — ведь в спорах может выясниться, что и их работы не так уж безошибочны,— куда проще запретить, отбросить, уничтожить все, что не отвечает их взглядам. Знаешь, как в той сказке, где у короля была безобразная дочь... И чтобы никто не замечал ее безобразия, король велел изгнать из своего государства всех девушек. Поневоле его дочь стала самой красивой.— Галина Аркадьевна усмехнулась.— Примерно так вот получилось в те годы и в биологии...

— А как же...— начал было я, но Галина Аркадьевна перебила меня:

— Ты хочешь спросить, как же все-таки могло получиться такое? Тебе не очень понятно? И знаешь, друг мой, Колька, это очень хорошо, что непонятно. Потому что теперь другое время, и теперь такого уже не может быть. Честное слово, это очень хорошо! Но мы с тобой, кажется, немного отвлеклись. Слушай дальше. Так вот, для профессора Колесова наступили трудные дни. Его обвиняли в ошибках, которые он когда-то совершил, и в ошибках, которых он никогда не совершал. Всегда находятся неудачники, завистники, бездари, которые в своих неудачах и бедах винят других. Такие типы готовы воспользоваться любым случаем, чтобы только свести счеты. В чем только они не обвиняли профессора Колесова: и в идеализме, и в низкопоклонстве перед буржуазной наукой, и еще бог знает в чем! От профессора требовали, чтобы он признал ошибочность своих взглядов, чтобы он публично рассказал о своих заблуждениях, чтобы он покаялся. Он отказался. Он был из тех людей, которые отстаивают свои взгляды до конца. И тогда на факультете устроили общее собрание преподавателей и аспирантов. Нас, студентов, на него, конечно, не пригласили, но уже на другой день, с утра, мы знали, что произошло невероятное: аспирант Осинин, ученик профессора Колесова, последователь профессора Колесова, выступил против своего учителя. Весь факультет только и говорил об этом. Мы не верили своим ушам, мы не хотели верить, но факт оставался фактом: аспирант Осинин выступил против профессора Колесова. Это был последний и, пожалуй, самый тяжелый удар, нанесенный Колесову. Я, помню, грешным делом в первый момент даже подумала: может быть, действительно профессор неправ, может быть, действительно правы те, кто его обвиняет, если даже его ученик выступил против... Ну, в чем я тогда разбиралась!.. Только позднее я поняла, что перед Осининым стоял выбор: либо уйти из аспирантуры, распрощаться с мечтой о диссертации, либо выступить против Колесова. И он выбрал... Конечно, наверняка он нашел всякие высокие мотивы, чтобы оправдать свой поступок, возможно, он даже убедил себя, что это было необходимо, но суть дела от этого не меняется... В жизни каждого человека, по-моему, обязательно бывает такой поворотный пункт, такой момент, когда приходится выбирать...

— А отец? — спросил я хрипнущим, почти беззвучным голосом.— А мой отец?

— Что мог тогда сделать твой отец? Он пытался выступить в защиту Колесова, ему не дали слова... На другой день он принес заявление с просьбой отчислить его из аспирантуры. Его и не собирались удерживать. Месяца три он мотался без дела, устраи-

— Что мог тогда сделать твой отец?

ваясь на работу, наконец ему удалось поступить лаборантом в научно-исследовательский институт. Ему тоже тогда пришлось нелегко. Да разве он сам никогда не рассказывал тебе об этом?

Я покачал головой. Нет, мой отец никогда не рассказывал мне об этом. Наверно, он просто не любил вспоминать то время.

— Года через четыре твой отец защитил диссертацию. Осинину это удалось сделать, разумеется, гораздо быстрее. Защитив диссертацию, он стал видным факультетским

деятелем — так мы обычно называем подобных людей. Вот, кажется, и все «дела давно минувших дней»...

— А профессор? — спросил я.— Что стало с профессором?

— Профессору Колесову тогда сразу же, конечно, пришлось уйти из университета. Он уехал в Среднюю Азию и преподавал в небольшом медицинском институте. Там он и умер. Незадолго перед смертью его приглашали снова заведовать кафедрой, и он собирался вернуться, но не успел... Теперь скоро выйдет книга воспоминаний о нем, твой отец тоже пишет статью...

— А Осинин?

— Что Осинин? Извиняюсь за выражение, дерьмо всегда отлично держится на поверхности.— Галина Аркадьевна любит неожиданно сказать что-нибудь вот такое, резкое, грубое. Раньше я очень смущался, даже пугался в таких случаях, а теперь ничего, привык.

— Такие люди, как Осинин, не теряются ни при каких обстоятельствах. Сейчас он работает в одном из институтов, жизнью доволен, наверно, подумывает, как бы снова объявить себя учеником профессора Колесова. Теперь это выгодно...

Все-таки мне было непонятно: человек совершил подлость, и все знают об этом, а человек тем не менее живет себе припеваючи, и получает зарплату, и ходит по театрам, и здоровается со всеми, и все здороваются с ним — как это может быть такое? Почему его не разоблачат до конца? Мне хотелось спросить об этом у Галины Аркадьевны, но она вдруг спохватилась:

— Ой, друг мой Колька, да у нас весь чайник за разговорами выкипел! И наши мужчины, наверно, нас совсем потеряли!

Но, когда мы вернулись в комнату, отец и Миша набрасывали в блокноте какую-то схему и были так увлечены, что, кажется, даже и не заметили нашего отсутствия.

— Алексей Николаевич,— сказала Галина Аркадьевна,— я сейчас рассказывала вашему сыну об этой истории с Осининым и опять подумала: как незаметно идет время... Мы ведь уже стареем. Даже не верится, что я первый раз увидела вас, когда была студенткой... Помните, вы пришли к нам проводить политинформацию? Помните?

— Помню. Еще бы не помнить такое знаменательное событие!

— Вы всегда шутите,— сказала Галина Аркадьевна и нахмурилась.— Почему вы всегда шутите?

ТИМОФЕЕВ

В воскресенье мы все, всей нашей компанией, отправились на стадион. Это был последний матч в нашем городе, а потом — прости-прощай, футбол, до свидания, до следующей весны...

Мы поехали пораньше, мы всегда любили приходить на стадион заранее, чтобы купить билеты подешевле и получше, чтобы потолкаться среди болельщиков и потом занять свои места еще задолго до того, как команды выйдут на разминку.

В трамвае было немного народу, но мы не стали входить в вагон, а оккупировали заднюю площадку.

Трамвай кружит, пробирается по узким булыжным переулкам, едем мы довольно долго и успеваем по нескольку раз обсудить все футбольные проблемы. На одной из остановок в вагоне появляется контролер — пожилая женщина в потертом пальто и сером шерстяном платке.

— Молодые люди, ваши билеты!

Билеты у нас, конечно, есть, но мы нарочно долго роемся в карманах, делаем испуганные лица, растерянно поглядываем друг на друга и острим:

— Ой, у меня, кажется, дыра в кармане, билет провалился!

— Арестуйте вот этого, длинного, он всегда без билета ездит!

Контролер стоит перед нами и терпеливо ждет.

Наконец даже пассажиры в вагоне не выдерживают и начинают возмущаться:

— Человек на работе, а они хахалятся!

— Молодежь нынче пошла!

— И еще девочка, главное, с ними!

— Да теперь девочки еще почище!

Мне уже немного не по себе от подобного развлечения. Будь билеты у меня, я бы давно их показал. Но билеты у Вадика. А он продолжает рыться в карманах, извлекает оттуда расческу, пуговицу, несколько медных монет, использованный билет в кино, мятый носовой платок, перочинный нож... Причем каждый раз он пожимает плечами и удивленно закатывает глаза, как клоун в цирке. Глядя на него, ребята так и покатываются с хохота.

Конечно, в одиночку каждый из нас наверняка бы не стал затевать подобных представлений — просто побоялся бы, да и к чему... Вместе — дело другое. Мы все словно подогреваем, словно подстегиваем друг друга.

И вдруг я вздрагиваю и чувствую, как все внутри у меня холодеет. С передней площадки на меня смотрит отец.

Я отодвигаюсь, я стараюсь спрятаться за Эрика и тут же понимаю, что ошибся. Это вовсе не отец. Просто незнакомый мужчина в черном пальто и шляпе, даже ни капли не похожий на моего отца. Да и с чего бы отцу оказаться сейчас здесь, в трамвае? Вот уж поистине: у страха глаза велики... Я-то хорошо представляю, что бы сказал мне отец, если бы увидел эту сцену!

Рядом с братом Вадика стоял высокий мужчина в плаще.

Наконец Вадик все же извлекает билеты и говорит, по-прежнему кривляясь:

— Вы уж извините, мамаша... Бывает... Склероз...

— Если бы я была твоей мамашей,— мрачно отвечает контролер,— я бы тебя выпорола. Понятно, сынок?

Пассажиры смеются. Вадик на минуту замолкает, а потом кричит уже вслед контролеру:

— Вы не имеете права грубить! Дайте жалобную книгу!

Вот и кольцо.

Мы выбираемся из трамвая и идем по парку Победы.

Стоит ясный осенний день, в воздухе пахнет холодом и прелыми листьями. Хороший у нас все-таки стадион, лучше, наверно, не найдешь ни в одном городе! Когда мы поднимаемся и взгляду открывается Финский залив и свежий ветер ударяет в лицо, у меня сразу исправляется настроение. Отсюда, сверху, очень интересно наблюдать за яхтами и на парк Победы смотреть тоже очень интересно. Видно, как по тропинкам, по аллеям стекаются маленькие фигурки на главный проспект, ведущий к стадиону,— людей много, точь-в-точь, как на демонстрации. Сначала они идут не спеша, потом, чем меньше остается времени до начала матча, все быстрее, быстрее, совсем как в старых немых фильмах, и, наконец, уже почти бегут, словно ими командует, их подгоняет кто-то невидимый.

●

«Около сорока тысяч зрителей стали вчера свидетелями на редкость бесцветной игры. Случайные, сумбурные атаки нападающих обеих команд не принесли результата, и к концу матча счет не был открыт. 0 : 0» — так написали на другой день газеты об этом матче.

Обычно я очень люблю читать газетные отчеты о футбольных встречах, которые видел сам, читать, и сравнивать, и выискивать неточности. Но в этот раз и сравнивать было нечего. «На редкость бесцветная игра» — точнее не скажешь. Ну, хоть бы 2 : 2 или 1 : 1. Мне очень нравится смотреть, как забивают мячи, а тут 0 : 0, ни одного гола не смогли забить, мазилы!

Поэтому обратно мы возвращались совсем не так весело, как шли на стадион.

У выхода, возле касс, мы вдруг натолкнулись на брата Вадика. Кажется, он был уже навеселе.

— А! — закричал он.— И вы здесь! Вася, знакомься, это, так сказать, наша смена.

Рядом с ним стоял мужчина в синем плаще. Он улыбнулся и посмотрел на нас. Что-то очень знакомое было в его лице. Широкий, слегка приплюснутый нос, белозубая улыбка...

Вадик незаметно кивнул в его сторону и как-то особо значительно подмигнул нам.

Ну, конечно, как же я не узнал сразу! Это был Тимофеев, Василий Тимофеев, очень известный еще год-два тому назад футболист, один из лучших защитников. Сколько раз я видел его фотографии! «Тима» — так звали его болельщики. Когда он выходил наперерез вырвавшемуся вперед нападающему, весь стадион кричал: «Тима, давай! Давай, Ти-ма!»

Конечно же, это был он. Брат Вадика суетился возле него и торопливо сыпал словами:

— Разве ж это игра? Вот раньше бывало, правда, Вася? Я, помню, раз вышел на самые ворота, понял? А на меня сразу два защитника, понял? А я между ними и мяч через себя перекинул. Что тут было!

Мы все сбились вокруг Тимофеева и так и шли по аллее толпой — всем хотелось идти рядом со знаменитым футболистом.

— Эх, ребята, не устроилась у меня жизнь,— говорил брат Вадика,— не повезло мне! Вот Вася не даст соврать, я ведь тоже мог в команде мастеров играть, по заграницам мог ездить! Ведь какой у меня удар левой был! Правда, Вася?

— Правда, правда,— рассеянно сказал Тимофеев.

— А вот не повезло. Это уж точно говорят: кому какая удача в жизни выпадет...

Обычно каждый раз, когда брат Вадика, подвыпив, заводил свои жалобы, я думал: для чего он живет, для чего живут такие люди?

Вообще последнее время меня часто одолевали подобные вопросы: для чего живет тот или другой человек, для чего живу я? В чем смысл? Вот если спросить его, что он ответит? Ну, ученые, писатели великие, врачи—это понятно зачем. А такие, как брат Вадика? Днем он ходит на работу, которую не любит, вечером играет в домино или пьет водку и вечно жалуется на свою жизнь. А какая у него цель в жизни, какой смысл? Кто может сказать?

Иногда мне даже становится страшно: у меня пока еще тоже нет в жизни никакой определенной цели, никакого сильного увлечения, а вдруг и не будет? Неужели и у меня может сложиться жизнь так же бессмысленно и я тоже потом буду жаловаться и уверять всех, что мне просто не повезло?

Но в этот вечер, после футбола, я вовсе и не думал ни о чем таком. Я первый раз в жизни шел рядом с футболистом, которого знают десятки, сотни — да что там сотни! — тысячи людей! Болельщики, обгоняя нас, оборачивались, смотрели на Тимофеева и многозначительно переговаривались между собой. А один мужчина в очках даже наклонился ко мне и спросил шепотом:

— Простите, это правда тот самый Тимофеев?

И я небрежно ответил:

— Да, тот самый.

Я даже не представлял никогда раньше, что это так приятно: идти рядом со знаменитостью и делать вид, что для тебя это привычно, ничего особенного, и ловить на себе любопытные и завистливые взгляды...

Ребята осмелели и наперебой задавали Тимофееву разные вопросы: и кто, по его мнению, войдет в сборную, и правильно ли сегодня судья определил офсайд, и какая команда вылетит из класса «А»? И он отвечал нам, он разговаривал с нами, как равный с равными, видно было, что он привык быть в центре внимания и давно уже научился держаться просто и естественно.

Больше всего я боялся, что вдруг сейчас он скажет: «Ну, пока, ребята, я пошел»,— и свернет, исчезнет в толпе, и тогда сразу станет ясно, что никакие мы не знакомые, а только случайные попутчики, шли вместе, пока было по дороге, а как дороги разминулись, так и все — до свидания! Но, видно, он никуда не торопился: уже осталось позади и трамвайное кольцо с толпой болельщиков, осаждавших вагоны, и троллейбусная остановка с бесконечной, извивающейся очередью, а он все шел вместе с нами.

Я думал, как удивятся завтра все в классе, когда я расскажу, что познакомился с самим Тимофеевым. Ведь не поверят, черти! Ни мне, ни Алику не поверят, скажут: разыгрываем, сговорились...

— Сейчас бы кружечку пива—в горле пересохло,— сказал брат Вадика и просительно посмотрел на Тимофеева. Видно, у него у самого уже не было денег.

— Хорошо бы! — засмеялся Тимофеев и развел руками.— Да вот я тоже на мели... Без копейки...

Я почувствовал, как у меня от волнения заколотилось сердце.

— У меня есть деньги! — радостно воскликнул я.— У меня есть... Пожалуйста,— повторил я, со страхом ожидая, что сейчас они откажутся, решат, что неудобно пить пиво на деньги мальчишки, школьника. Но Тимофеев переглянулся с братом Вадика,

потом посмотрел на меня, улыбнулся широко и белозубо, по-тимофеевски, в точности, как на фотографии, которая висела в витрине фотоателье на Невском.

— Значит, угощаешь? Ну что ж, как говорится, рука дающего не оскудеет. Пошли, ребята!

И мы всей гурьбой двинулись к пивному ларьку.

Неожиданно мне пришла в голову нелепая мысль: а вдруг я потерял деньги? Я торопливо сунул руку в карман — нет, все в порядке, вот они, на месте, два рубля и мелочь. Как удачно получилось, что сегодня дома не оказалось денег мельче и мне пришлось взять на билет трешку. Вообще деньги у нас хранятся в ящике письменного стола, и я беру, когда нужно, когда иду в магазин или в булочную, а потом кладу сдачу назад в ящик, и отец никогда не проверяет меня — у нас все строится на полном доверии. И если мне нужны деньги на кино или еще на что-нибудь, я тоже беру сам, только, конечно, говорю отцу, сколько и зачем мне нужно.

Мы подошли к пивному ларьку, и все, кто стоял в очереди, сразу стали смотреть на Тимофеева: тоже узнали его. Если бы он был один, наверняка бы его пропустили без очереди, но нас как-никак было девять человек, целая орда, так что пришлось постоять.

Конечно, все ребята тоже захотели пить. Выпить пива с самим Тимофеевым — такой случай они просто не могли упустить, и я купил восемь кружек и бутылку лимонада Лильке. Себе я, честно говоря, тоже хотел сначала купить лимонада, потому что пиво не люблю: горечь, как лекарство, не понимаю, что хорошего в нем находят! — но потом постеснялся и все-таки взял кружку пива.

— Ну, брат, спасибо, теперь я твой должник,— говорил Тимофеев, вытирая губы.— А пиво что надо! Холодное пиво!

Он говорил со мной так, словно мы остались вдвоем, словно из всех нас он взял себе в товарищи меня одного. Еще десять минут назад я плелся с самого края, дальше всех от Тимофеева, потому что Вадик и Эрик совсем оттеснили меня и почти не замечали, а тут вдруг я сразу стал главной фигурой, и никто уже не мог оспорить мое право стоять рядом с Тимофеевым и разговаривать с ним! Честное слово, в этот раз даже пиво показалось мне вовсе не таким уж не вкусным!

— Это что! — говорил брат Вадика, хотя его никто и не слушал.— А я однажды двенадцать кружек выпил. Как сел с утра,— понял? — так к обеду только и отвалился...

Мы выпили пиво и пошагали дальше.

Мы прошли еще два квартала и вышли на площадь.

Здесь, у стоянки такси, Тимофеев распрощался с нами.

— Ну, пока, ребята,— сказал он, садясь в такси.— Дела, тороплюсь. Если что понадобится,— звоните! — И он помахал нам рукой.

В тот момент я был так переполнен впечатлением от знакомства с Тимофеевым, что даже не подумал, как же это он поехал на такси, если у него нет ни копейки... Эта мысль пришла мне в голову позже, когда я поднимался по лестнице домой. Но я тут же успокоил себя, решив, что могли же быть у него деньги дома и, приехав, он мог вынести их шоферу, только и всего. Да Тимофеева, наверно, любой шофер и бесплатно согласился бы провезти.

И тут я вспомнил о двух рублях, истраченных на пиво. Я вовсе не должен был их тратить. Я должен был вернуть их, положить назад в ящик письменного стола, как всегда возвращал сдачу.

Теперь, когда я остался один, мое радужное, восторженное настроение улетучилось. Я совсем не был уверен, что сумею объяснить отцу все так, чтобы он правильно понял. Если посмотреть со стороны, получалось, что я просто угощал пивом подвыпившего брата Вадика и его приятеля да еще сам пил вместе с ними... Нечего сказать, хороша картина!

Но ведь дело было в настроении! А как это объяснить, как рассказать об этом словами, я не знал...

Я поднялся на свой этаж, так ничего и не придумав.

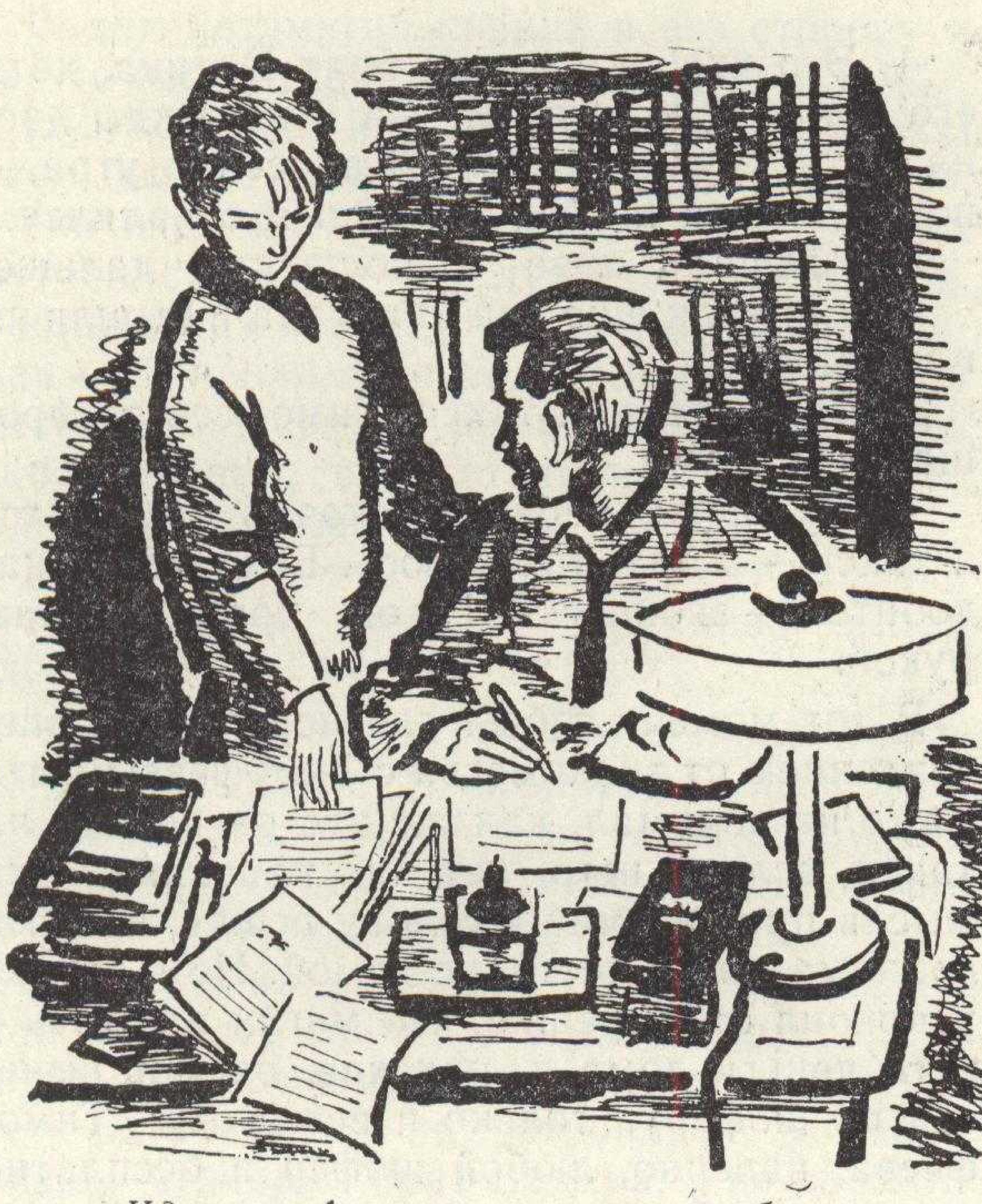
Отец работал у себя в кабинете. Последнее время он работал особенно много, даже лицо у него осунулось, похудело, выражение озабоченности все чаще появлялось на нем.

— Ну как, опять продулся твой великолепный «Зенит»? — спросил он.

— Нет, почему, ничья...

— Ну, тогда поздравляю. Ужин на кухне. Разогревай и ешь.

Я торопливо поужинал и сел делать уроки, но из головы никак не выходили эти деньги. И задача по алгебре как назло попалась на рубли.



— Иди спи. А я еще немного поработаю.

«Подумаешь,— говорил я себе,— какие-то несчастные два рубля! Было бы из-за чего переживать. Вон Эрик берет у своей мамаши из сумки то рубль, то трешку, и ничего. «Нужны же мне,— говорит он,— карманные деньги». «Эрочка, у меня не монетный двор,— отвечает ему мамаша,— будь, пожалуйста, экономней». И все. И никаких переживаний. А тут два рубля — мог же я в конце концов угостить своих товарищей...»

Я старался убедить, успокоить себя, но сам-то прекрасно понимал, что дело вовсе не в двух рублях...

«Ну и что же,— опять убеждал я себя,— вон ни Эрик, ни Вадик никогда не рассказывают обо всем своим родителям, даже Алик и тот не рассказывает. Почему же я должен? Я же вовсе не хочу обманывать отца или что-то скрывать, просто может же быть у меня что-то свое, собственное, что даже и непонятно отцу...»

И все-таки перед сном я решил попробовать рассказать отцу обо всем, как сумею. Я вошел к нему в комнату. Он на минуту оторвался от своих вычислений и посмотрел на меня отсутствующим взглядом.

— Ты уже ложишься? Ну, иди спи. А я еще немного поработаю.

Если бы он посмотрел на меня немного повнимательнее, он бы сразу понял, что я хочу с ним поговорить. Почему он не посмотрел на меня повнимательнее? Я бы рассказал ему все. Я бы ничего не стал скрывать. Но он не посмотрел, он сказал только: «Ну, иди спи».

И я пошел к себе в комнату. И опять, как тогда в театре, я подумал, что, наверно, моим приятелям живется проще с их родителями. Во всяком случае, расскажи я о своих переживаниях Вадику, или Сереге, или Эрику, они бы только посмеялись надо мной: стоит ли волноваться из-за такой чепухи? А я вот волновался и ничего не мог поделать с собой.

Мне нечего было опасаться, я мог быть спокоен, я знал, что отец не станет проверять меня и никогда не заподозрит в нечестности, но именно это сознание и было для меня сейчас тяжелее всего.

«Ладно,— подумал я, засыпая,— пусть уж все будет так, как получилось. Но зато больше никогда... никогда больше... я ничего не скрою от отца...»

Я еще не знал, что обмануть во второй раз куда легче, чем в первый...

Окончание в следующем номере.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, РЕБЯТА!

Я хочу поговорить с вами о деле. Дело простое, и заключается оно в самом простом вопросе: ВЫ ПОДПИСАЛИСЬ НА ЖУРНАЛ? ИЛИ ЕЩЕ НЕТ?

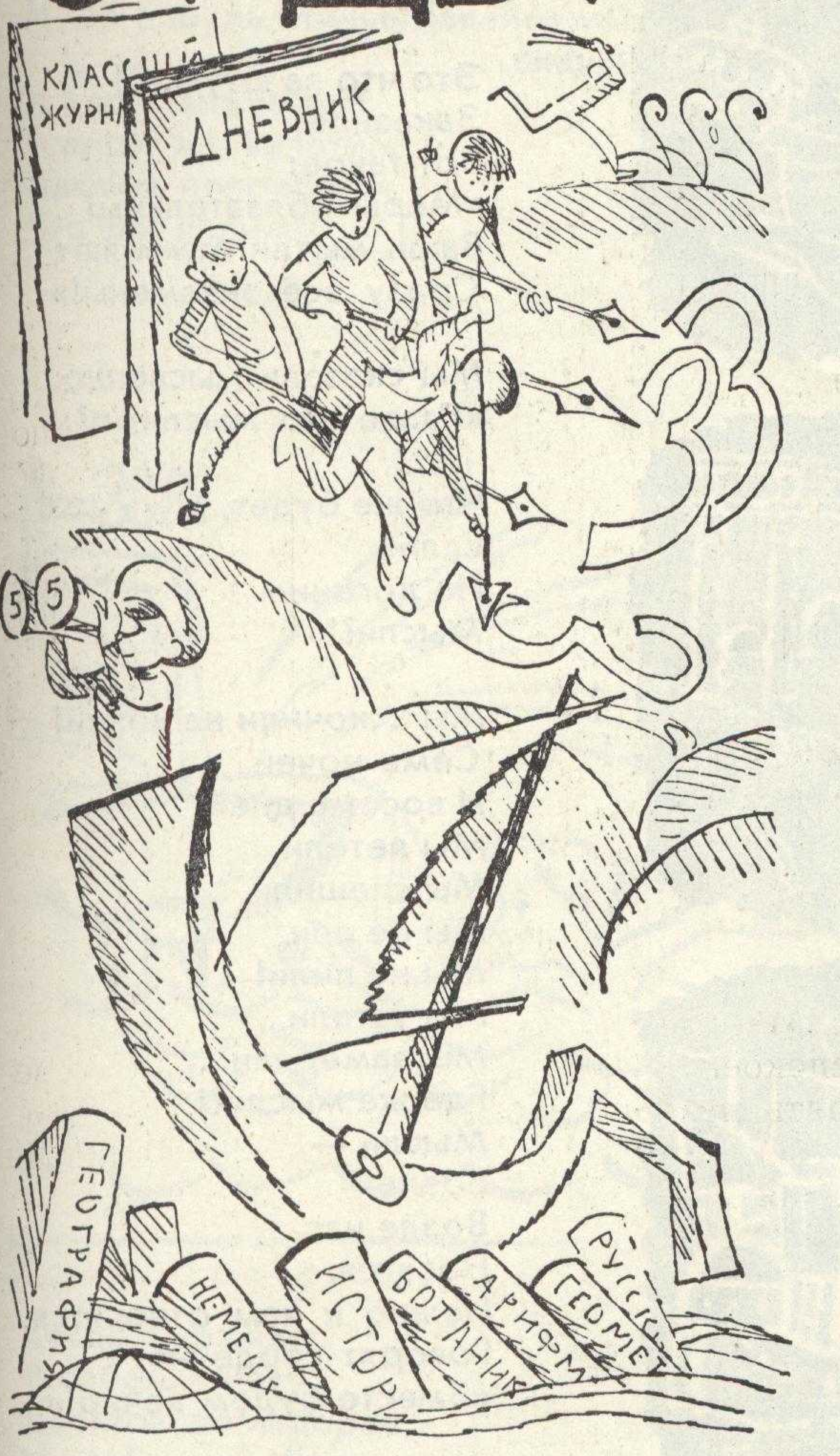
Если нет, тогда вы оставили себя на весь год без новых повестей и без рассказов, без фантастики и приключений, без смешных историй, в которых из номера в номер действую я, самый веселый на свете маленький электронный робот.

Так вот, бегите скорей на почту и подпишитесь на журнал.

ИТАК, ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ!

Ваш Смехотрон

ОТ ДВУХ



ЗНАЕШЬ, ПРО ЧТО ЭТО? Про твои отметки. Разные — от двойки до пятерки. От двух до пяти! Единица тоже существует. Но, если говорить честно, какая уж это отметка!

И двойка, конечно, тоже не радость. Может, у тебя их и не было ни одной. Случаются же на свете чудеса! А если и были, то это же было давным-давно, еще в прошлом году. А теперь совсем другое дело — ты теперь на целый год старше. Тебе теперь не только двойку — тройку получить и то неудобно. Да и, говоря по чести, тройка — ну что это за отметка? Серая, унылая, скрипучая.

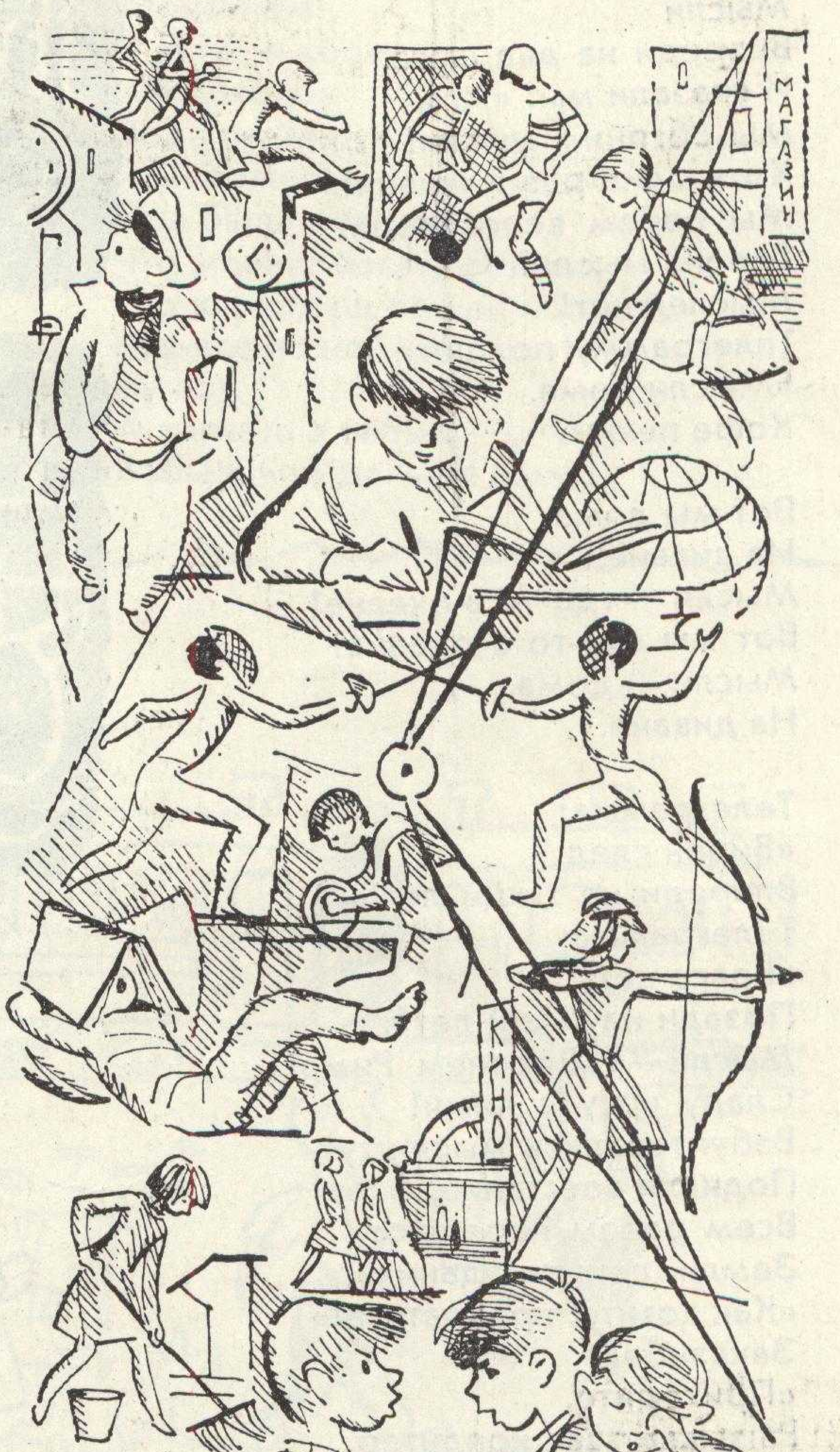
Если бы все троечники объявили войну тройкам, вот была бы красота!

Учебный год как дальнее плавание. Если первые недели учебы прошли у тебя хорошо, мы говорим тебе: «Так держать, капитан! Твой корабль идет верным курсом — не зевай. Впереди немало рифов, мелей, коварных водоворотов — не задирай носа, смотри в оба!»

Ну, а если в твоем корабле пробоины, мы скажем: «Не робей, капитан, смело в бой! Твоя шпага — упорство». Выравнивайте курс, капитаны! Курс проложен точно: от двух до пяти.

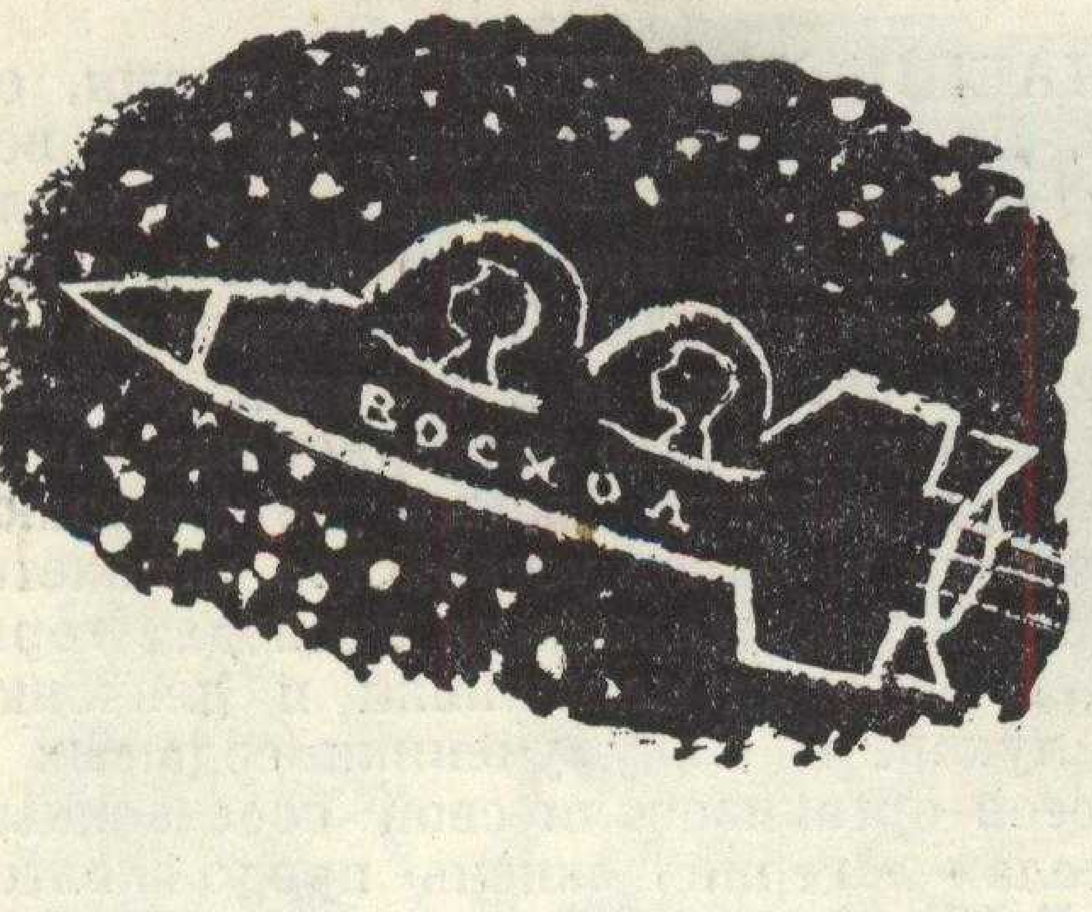
■ **А ЭТО ЗНАЕШЬ ПРО ЧТО?** Про время, от двух до пяти. До двух ты в школе. До двух все ребята заняты одним делом — учатся. А вот после двух — дела разные. Кто идет на стадион, а кто попусту слоняется по улицам. Кто успевает за эти три часа и уроки сделать, и в магазин сбегать, и с друзьями поиграть, а кто растеряет часы впустую, и сам удивляется: ничего не успеваю. В Риге мальчишки изучают устройство самолета. В Тбилиси ребята-фехтовальщики проводят горячие турниры. В Эстонии мальчишки и девчонки стреляют из луков. В Баку ученики седьмых и восьмых классов организовали свой собственный лагерь, и веселая лагерная жизнь продолжается круглый год. В Каунасе в 20-й школе открыт клуб юных дзержинцев «Красная гвоздика», в Горьком во дворах работают ребячьи штабы.

А кроме того, все эти ребята готовят уроки, помогают дома, убирают классы, ходят в кино. И даже ссорятся. И все успевают. От двух до пяти.



ДО ПЯТИ

Стихи Э. МОШКОВСКОЙ.



По дороге
Мы
Шли,
И шли
Мысли
Впереди на два шага.
И сказали мы: «Ага,
Мы обгоним мысли!
Хоть один раз в жизни!»
Мы берем велосипед...
Где же мысли?
Мыслей нет!
Телеграмму подают:
«Мысли дома.
Кофе пьют».

Вот мы дома,
На диване,
Мысли — где-то в океане!
Вот мы где-то в океане!
Мысли — дома,
На диване.

Телеграмма:
«Виден след
Впереди на тыщи лет!»
Телеграмма:
«Вовсе нет.
Позади на тыщи лет».
Мысли—в Древнем Риме!
Сладу нету с ними!
Взбунтовались мысли тут,
Подняли восстание,
Всем рабам передают
Земли, деньги, здания...
«Как хотите, прекратите!»
Заказное:
«Приходите.
Вызывает вас кондитер.
Ваши мысли... всем
бесплатно!..
Раздают тянучки!
Шоколадный
Торт бесплатный!»

Это что за штучки?!
Заказное.
Вот такое:
«Меры обязательны!
Ваши мысли отменяют
Сразу все экзамены!»

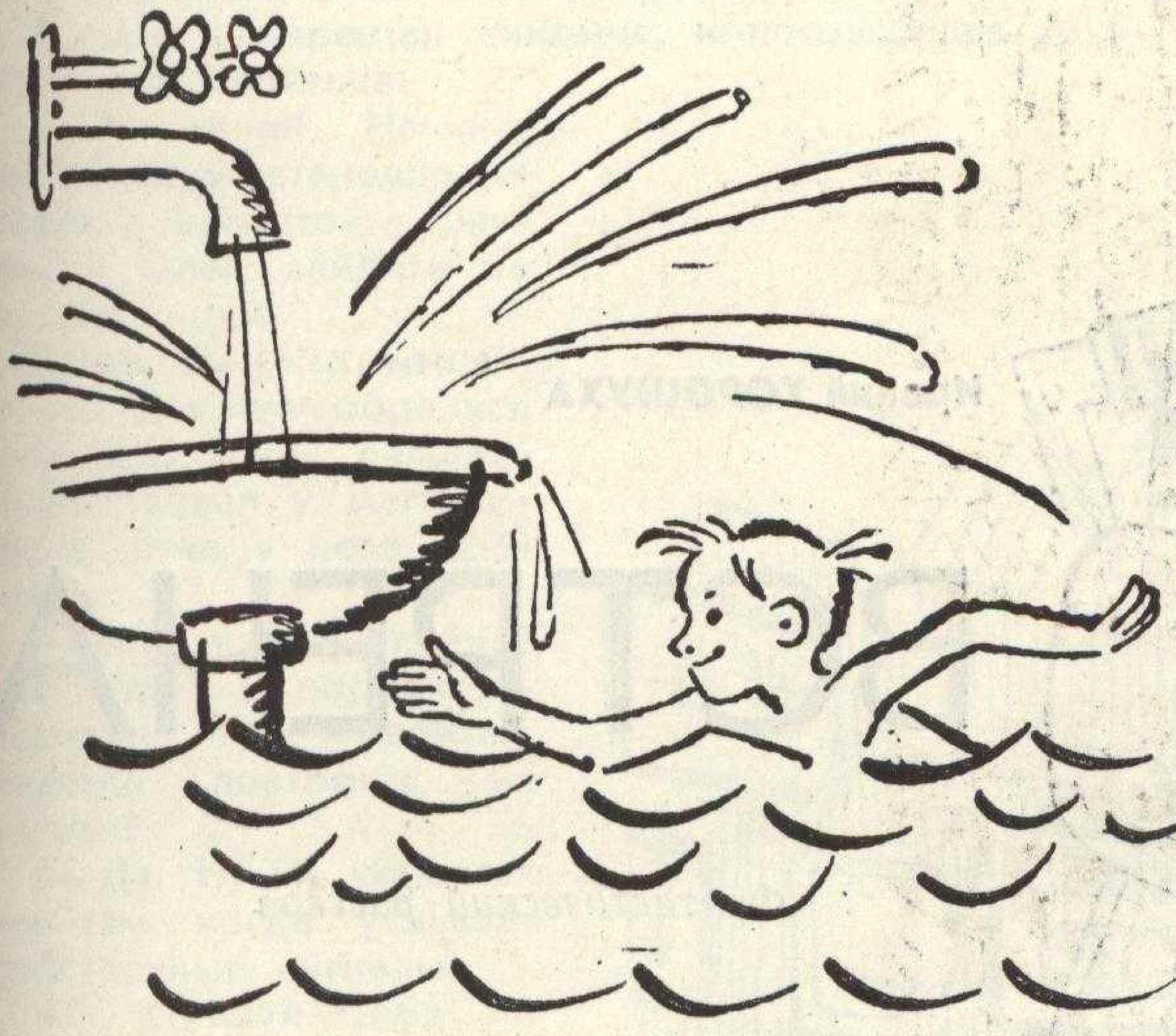
Мы сказали мысленно:
«Разве это мыслимо?

Что же будет,
Если
Не догоним
Мысли?!»

Мы вскочили на коней!
Семь ночей
И восемь дней
Мы летели,
Мы спешили,
Мы не ели,
Мы не пили!
Мы устали...
Мы замерзли...
Где же мысли?!
Мысли —
Возле!
Возле нас
Носятся,
Нежно к нам относятся,
Говорят сердечно:
«Вместе будем вечно!»

Вот легли мы отдохнуть,
Вот над нами Млечный
Путь...
Вдруг туда,
В такую высь,
Наши мысли унеслись!

Давайте мы с вами руками помашем
И что-нибудь птичье давайте мы
скажем...
А вдруг это будет?
А вдруг мы взлетим?
Давайте попробуем,
Что мы сидим?!



Сказал я как-то сам себе:
«Зачем воде
Сидеть в трубе?»
Поговорил я с краном —
Пошла вода
Фонтаном!
И вбок, и вбок,
И в потолок
Вода пошла.
Я ей помог!
Она была довольна,
Что можно бегать вольно,
Что карандаш по ней поплыл,
Все-все по ней поплыло!
Ну вот...
А дальше я забыл,
Забыл, что дальше было...

Когда я уезжаю,
С собою я несу
Десяток помидоров,
И хлеб, и колбасу.

Беру белья на смену
И носовой платок,
Беру с собою стены,
И пол, и потолок.

Беру мой переулок
И школу на углу.
Знакомый пес мне дорог,
И я его беру...

Знакомая ракита,
И речка, и вокзал —
Ничто не позабыто!
Я все с собою взял!

Багаж такой огромный,
Но все проводники
Его не замечают —
Такие чудаки!

Рисунки Е. МОНИНА.

Я Джулио Каррейра, диктую последнее письмо. Прощальное. Нет, не думайте, что я боюсь смерти. Но сейчас никто из членов экипажа не подвергается такой опасности, как я. Именно я поведу разведочную ракету, чтобы первым столкнуться лицом к лицу с новой, неведомой цивилизацией.

Если я не вернусь из этого полета, то рано или поздно вы отыщете это письмо в моей кабине. Возьмите его с собой на Землю — последнее, что останется от меня, штурмана межзвездного корабля «Кеплер».

Прощайте, друзья. Мы провели вместе немало лет. Прощайте, Капитан. Докладываю: я выполнил свой долг до конца. Вам не будет стыдно за меня. Прощай, Аб. Ты был моим лучшим другом. Одному тебе я мог доверить все, что лежало у меня на

В буфете за остывшим обедом сидел Аб...

сердце. Прощайте, Яхимов. Я всегда уважал Вас как большого ученого и правильного человека. Прощай и ты, Джеспер. Я всегда завидовал твоей работоспособности и скромности.

Вспоминайте меня добром. Старт через несколько часов.

Разрешите мне только сказать вам то, что я носил в себе много лет, с самого старта, и что было моим сокровенным желанием: я хотел бы, чтобы моим именем назвали какую-нибудь улочку в моем родном городке Монте-Северо в Альпах.

Джулио Каррейра.

Джулио вынул из диктофона лист с записью и вложил его в конверт. На конверте написал: «Открыть после моей смерти». Долго думал, куда бы его положить. Наконец положил на столик рядом с койкой и вышел из кабины с покрасневшими щеками, но довольный собой.

В Централи вдоль распределительных щитов бегал Капитан. Джулио остановился в дверях и безразлично глядел на него. Капитан нажимал то одну, то другую из бесчисленных кнопок и кричал:

— Джес, а теперь?

Сверху звучал спокойный голос Джеспера:

— Не действует.

— Чтоб его молния спалила! — кричал Капитан. — А теперь?

— Все равно не действует.

— Что, опять не действует? Сил моих больше нет! Минутку, сейчас-то уж наверняка заработает! — Он кинулся к соседнему щиту и щелкнул каким-то тумблером. — Ну?

Динамик молчал.

— Джес, действует?

Тишина.

— Джес, что там такое? Действует или нет?

—...

— Что за черт! И ты тоже не действуешь?

Джулио почувствовал удовлетворение.

— Капитан, — сказал он тихо, — вообще-то этот тумблер выключает динамик.

Капитан пронзил его взглядом.

Ирений ХОРОШУХА

ВСТРЕЧА

Фантастический рассказ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Точно. В таком балагане можно совсем спятить. — И он щелкнул переключателем.

Из динамика тут же послышался голос Джеспера:

— Капитан, спишь ты, что ли? В таком темпе мы никогда не исправим этот треклятый передатчик!

— Все в порядке, не шуми, — успокоил его Капитан, — тут... небольшая... эээ... неисправность в динамике. Но я уже исправил.

— Ну, тогда поехали дальше, — сказал уже совершенно спокойно Джес.

Капитан повернулся к Джулио.

— Разведочная ракета готова к старту?

— Так точно,— гордо ответил Джулио, — я сделал все, что вы приказали!

— Можешь идти обедать.

Джулио вышел из Централи. Минуту стоял в нерешительности, потом пошел в сторону буфета, надеясь встретить там кого-нибудь. Есть ему не хотелось. Обед в такой день?! Самый значительный день экспедиции! Восемь лет полета в герметически закупоренной банке. Восемь лет на «Кеплере» — это шестьдесят два земных года. И подумать только, что еще столько же их ждет впереди, на обратном пути! Даже мороз по коже пробирает! И вдобавок ко всему никакой связи с Землей с того самого момента, как «Кеплер» столкнулся с планетоидом. «Просто

счастье, что я до сих пор не помер со скуки, — подумал он. — Но кто мне поручится, что этого не случится на обратном пути? Разве что я погибну еще раньше, а это вполне возможно», — задумчиво отметил он про себя.

В буфете за остывшим обедом сидел Аб, уткнув нос в большую толстую книгу.

— Ага, явился, — обрадовался он, увидев Джулио.— Когда летишь?

— Думаю, часа через два. Надо еще немного притормозить.

— Капитан уже должен начать им сигнализировать?

— Да.

— Ну, так я в Централь.

Джулио остался один. Вытянул ноги далеко вперед, голову положил на спинку кресла.

В стене заверещал динамик, и послышался трубный голос Капитана:

— Внимание! Начинаем попытку установления связи с планетой. Джулио и Олег, зайдите на радиостанцию.

Когда Джулио вошел, в радиокабине собрались уже все. Джес священнодействовал у магнитофона. Руки у него дрожали.

— Еще минуту, сейчас все будет в порядке,— говорил он.— Капитан, сначала повторить их сигнал?

— Да. Ну, и удивятся же там, когда услышат собственные сигналы.

Аб стукнул себя по лбу.

— А если это не их сигналы? И все... впустую...

Олег Яхимов кашлянул.

— Молодой человек...— начал он укоризненно.

— Простите. Я только...

— Ладно, ладно,— прервал Капитан,—включаем.

Завертелись кассеты магнитофона. Зашуршала лента.

Из контрольного динамика поплыли сигналы, полученные и записанные еще на Земле Олегом Яхимовым шестьдесят с лишком лет назад. Когда магнитофон уже замолк, Капитан торжественно сказал:

— А теперь человеческая речь.

Джес взял в руку кассету с лентой.

— Нет, нет, — удержал его Капитан, — надо сказать что-нибудь экспромтом, так будет лучше. Понимаете? Мы, космонавты, кружащие вокруг незнакомой планеты, приветствуем ее обитателей несколькими простыми, сердечными словами. Это не то что голос из магнитофона. Вдобавок записанный еще на Земле.

— Но ведь в инструкции... — начал было Аб.

— Я здесь единственная инструкция, — Капитан хватил ладонью об стол, — и не потерплю замечаний, подрывающих мой авторитет. — Олег, говори ты. Ты самый старший, — добавил он спустя минуту, уже остыв.

— Не знаю, что говорить, — озабоченно вздохнул тот.

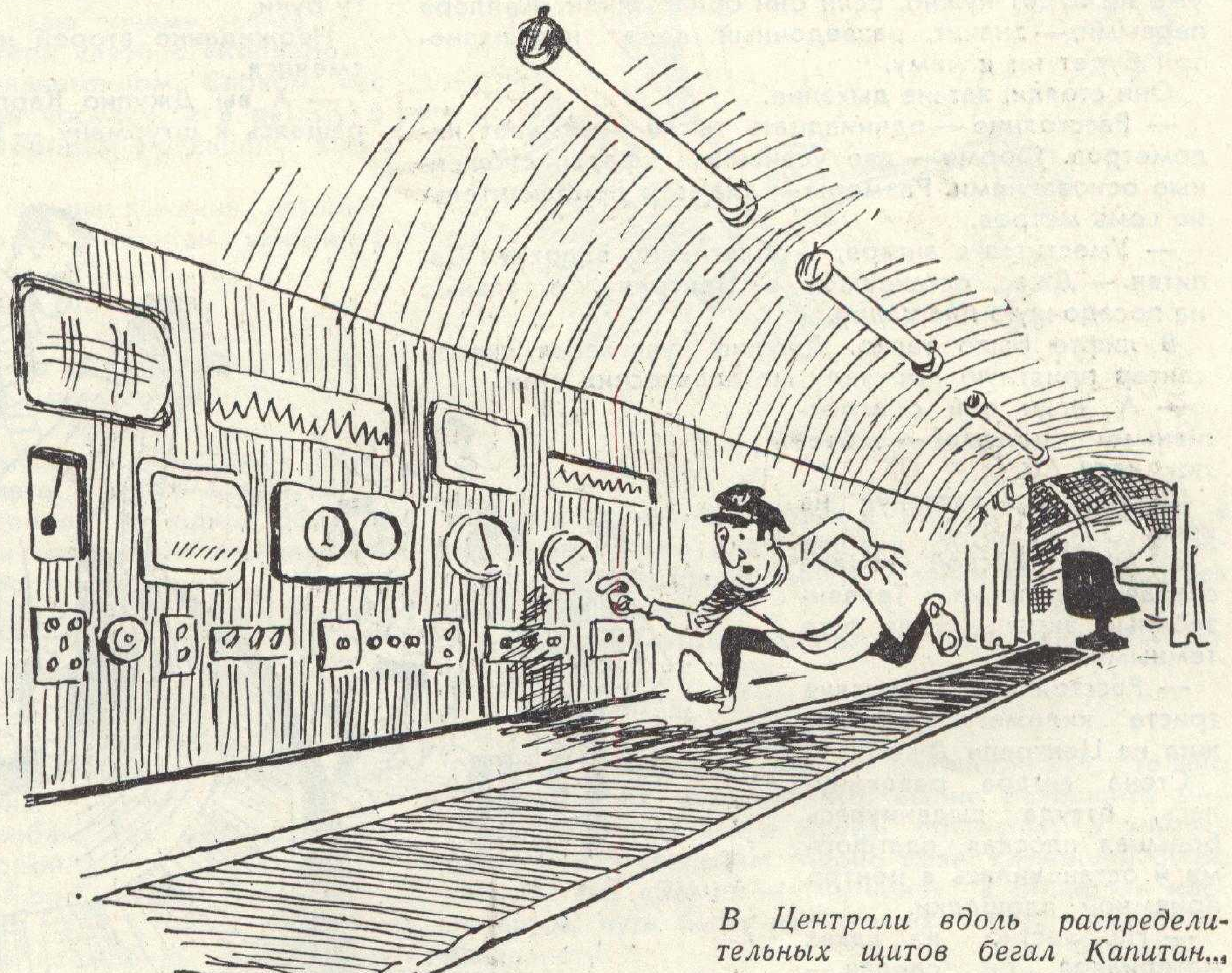
— Небольшое приветствие. Не надо специально подбирать слова, они все равно не поймут.

— Ты мог бы хоть заранее предупредить...

— Не мог, это только сейчас пришло мне в голову. Говори.

— Дорогие... эээ... дорогие разумные существа. Мне очень приятно... — потел перед микрофоном Олег.

Джулио подумал, что этот момент следовало бы запечатлеть на фотографии. Олег Яхимов, рослый, с коротко подстриженными седыми волосами, приветствует неизвестных обитателей планеты. Немного позади стоит Капитан. На его большом загорелом лице торжественная улыбка. Джеспер явно взволнован — низко наклонился над магнитофоном, большой, широкоплечий, длинноногий. Только Аб невидящим взглядом шарит по стенам.



В Централи вдоль распределительных щитов бегал Капитан...

— ...мы приложим все усилия, чтобы между нами сложились самые лучшие отношения, — закончил Олег.

Над его головой загорелся красный свет. Лампа пульсировала. Олег Яхимов замолчал. Капитан вздрогнул. Быстро подошел к динамику внутренней связи и нажал кнопку.

— Говорит командная система. Обнаружен неизвестный объект. Предположительно: космический снаряд с планеты, к которой мы летим. Приближается. Направление — «Кеплер». Расстояние — двадцать три тысячи километров.

Они кучей кинулись к двери. Капитан тяжело дышал. Джес споткнулся и растянулся во весь рост. Олег Яхимов бежал первый длинными спортивными шагами. В Централи над правым радарным экраном мерно гудел зуммер.

— Расстояние — двадцать одна тысяча километров, — доложила командная электронная система.

— Делает около двухсот в секунду.

— Значит, все-таки они заметили нас первыми.

— А может, он из антиматерии? — забеспокоился Аб.

— Расстояние — девятнадцать тысяч километров.

— Теперь делает больше двухсот.

— Будем принимать внутрь? — спросил Джулио.

— Не знаю, — ответил Капитан. — Если поместится и они согласятся...

— Расстояние — пятнадцать тысяч километров.

— Успеет ли он затормозить? — забеспокоился Джес.

Джулио вспомнил о своем письме. Может, оно уже не будет нужно. Если они обнаружили «Кеплер» первыми, — значит, разведочный полет над планетой будет ни к чему.

Они стояли, затаив дыхание.

— Расстояние — одиннадцать тысяч восемьсот километров. Форма — две усеченные сферы, сложенные основаниями. Размеры — диаметр приблизительно семь метров.

— Уместится в ангаре, — облегченно вздохнул Капитан. — Джес, останешься в Централи, остальные на посадочную площадку.

В лифте было тесно. Джулио чувствовал сквозь свитер приятную прохладу металлических стен.

— А если они с агрессивными целями? — забеспокоился Аб.

Капитан зло взглянул на него.

В диспетчерской горела слабая лампочка. Телевизионные экраны были еще темными.

— Расстояние — тысяча триста километров,—доложил из Централи Джес.

Стена ангара раздвинулась, оттуда выдвинулась большая плоская платформа и остановилась в центре приемной площадки.

— Неизвестно, из каких материалов он сделан,— объяснил Капитан,— поэтому не удастся применить магнитное поле.

У Джулио зачесалось под лопаткой. Оставалось всего несколько секунд до того момента, который ему не забыть до конца жизни и который с волнением ждали в течение всего этого страшно долгого и ужасно скучного пути.

— Есть! Садится! — неестественно высоким голосом выкрикнул Аб.

Над округлой поверхностью площадки неподвижно повис серебристый шар. Потом медленно, словно нехотя, опустился на платформу, которая дрогнула и двинулась в сторону ангара.

— Сели? — допытывался из Централи Джес, но отвечать было некогда. Космонавты уже стояли перед люком герметической переборки. Как только ангар заполнился воздухом, переборка открылась.

Они вошли в ангар и, сбившись в кучку, остановились около стены. Где-то на самом верху лежащего на платформе космолета поднялся блестящий купол. Из-под него выбрались две фигуры. Аб вдруг начал подскакивать и бить в ладоши.

— Похожи на нас! Похожи на нас! — орал он во весь голос.

Обе стороны с живейшим интересом смотрели друг на друга, но Джулио показалось, что в глазах прилетевших затаилось недоверие. Один из них особенно внимательно вглядывался в Олега.

— Олег Яхимов? — неожиданно заговорил он, обращаясь к Олегу. — Его портрет висел у нас в институте, — объяснил он своему товарищу. — Позвольте вас приветствовать.

Олег и пришелец из иного мира подали друг другу руки.

Неожиданно второй из прилетевших громко рассмеялся.

— А вы Джулио Каррейра! — воскликнул он, обращаясь к штурману. — На снимке вы выглядели гораздо моложе. Знаешь,— начал он рассказывать своему товарищу, заливаясь смехом,— Каррейре перед отлетом с Земли было двадцать с небольшим лет, но выглядел он лет восемнадцати. Представь себе, на

— Похожи на нас! — орал Аб во весь голос.

аэродроме в Риме собрались официальные лица, журналисты, телевизионщики, несколько тысяч человек, чтобы попрощаться с ним перед отлетом. Ждут, ждут, а Каррейры нет. Почетный караул ждет, и члены правительства ждут, ждет уйма людей, а он, главный герой, все не появляется. Проходит пять минут, десять, четверть часа, все в нетерпении... А знаешь, что случилось? Просто милиции было приказано больше никого на аэродром не пускать, и Каррейра, ты не поверишь, Каррейра не мог выбраться из аэровокзала. А когда он пытался доказать милиции, что он как раз и есть тот, кого все ждут, ему ответили: «Прыткий ты парень, но не делай из нас идиотов». А показать удостоверение он тоже не мог. Ну да, потому что все документы остались в хранилище. Зачем человеку документы в звездном корабле? Только минут через двадцать все выяснилось.

— Откуда ты все это знаешь? — с интересом спросил его друг.

— Из записей. У нас в школе были записи о полете «Кеплера». Только, не знаю почему, запись кончалась очень трагично: потеря связи с «Кеплером», какое-то столкновение с планетоидом. Словом, вас считают погибшими героями космоса, и в память о вас нескольким земным городам присвоены ваши имена.

Джулио и его товарищи, затаив дыхание, слушали эту беспорядочную болтовню. Капитан ухитрился робко пробормотать:

— Я... я ничего не понимаю. Кто вы?

Старший из прилетевших стал серьезным.

— Простите, что я сразу не объяснил. Мы тоже с Земли. Просто мы прилетели раньше вас.

— Раньше?

— Применение теории мегапространства к межзвездной связи. Вы не знаете, что это за штука? Я тоже толком не знаю. Перенос из одной области пространства в другую при сохранении неизменных физических свойств... что-то в этом роде, — неуверенно пробормотал младший. — Этот метод разработан лет пятьдесят назад.

— Вы раньше ...это трагично,— надломленным голосом сказал Аб.

— Да нет же. Мы вовсе не космонавты. Я просто скромный работник дипломатического представительства Земли на Амитиции...

— Амитиция, или «Дружба». Так мы называем эту планету, — объяснил второй.

— А мой друг — агент бюро путешествий «Земля — Амитиция».

— Сейчас сюда прилетит космобиль, на котором вы отправитесь на заслуженный отдых, на действительно заслуженный отдых в наш дом отпусков, а через несколько дней сюда с Земли прибудет экскурсия студентов, и вместе с ними вы отправитесь на осмотр планеты.

Капитан.

— Жителей этой планеты мы тоже увидим? — допытывался Аб.

— Разумеется.

— А как они выглядят?

— Они похожи на наших членистоногих, только побольше. Да, еще вот что. Вы не разрешите мне сфотографироваться в вашем обществе? У меня в бюро будет сенсация: Марио Розе, служащий бюро путешествий «Земля — Амитиция», в обществе космонавтов, чуть было не ставших первооткрывателями планеты.

Перевел с польского Евг. Вайсброт.

ОТЧЕГО ГУСИ ВОПЯТ?

Улуро АДО

Вот и опять
лету — каюк.
Гуси вопят,
улетая на юг.

Не оттого ли
ты грустью объят,
что над тобою
гуси вопят?

Гуси вопят —
поднебесье дрожит.
Гуси летят
за море жить.

Гуси вопят —
улетать не хотят.
Жалко бросать
родину-мать...

Перевел с юкагирского Г. ПЛИСЕЦКИЙ.

Без разбега

Было время, когда самолеты взлетали с любого лужка. Еще в годы войны нашим ночным бомбардировщикам, небесным тихоходам «ПО-2», хватало для взлета стометровой травяной или снежной дорожки.

Времена эти безвозвратно прошли. Современному воздушному кораблю, полетная скорость которого превышает скорость звука, для разбега нужна широкая, гладкая, прочная взлетно-посадочная полоса длиной в полтора-два километра.

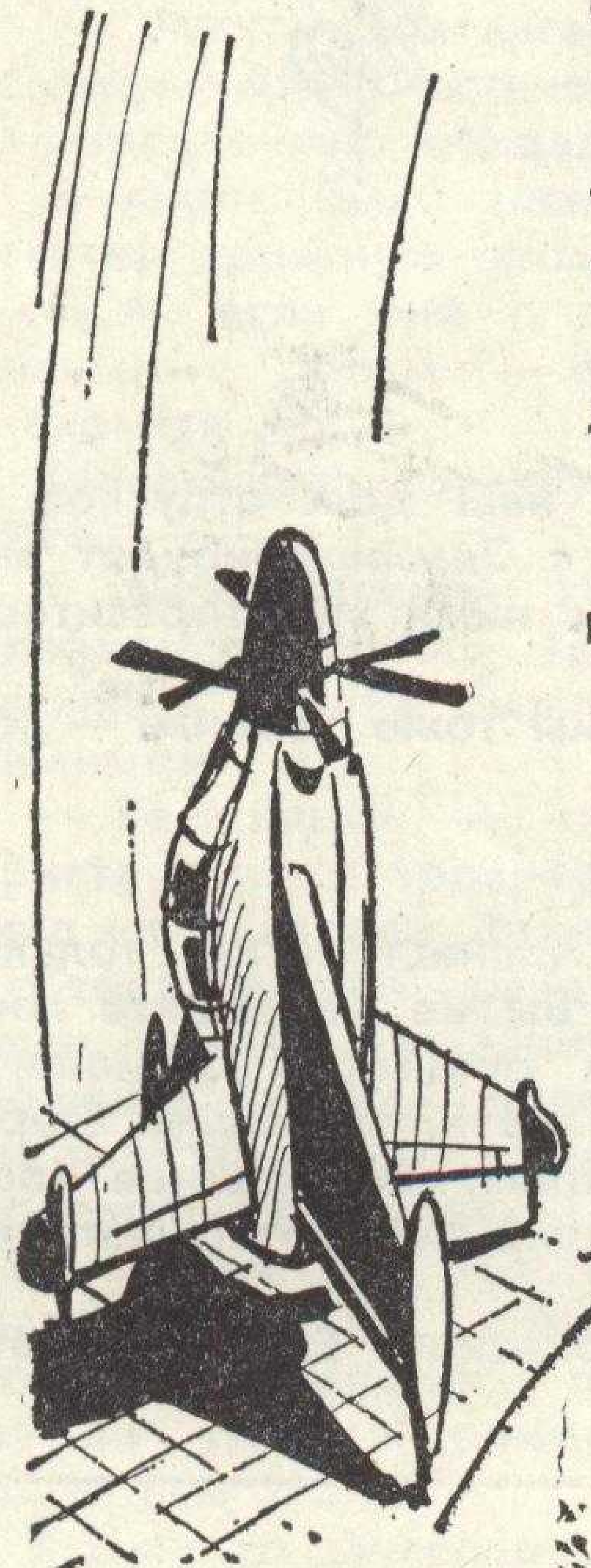
Строить такую полосу дорого, содержать ее хлопотно.

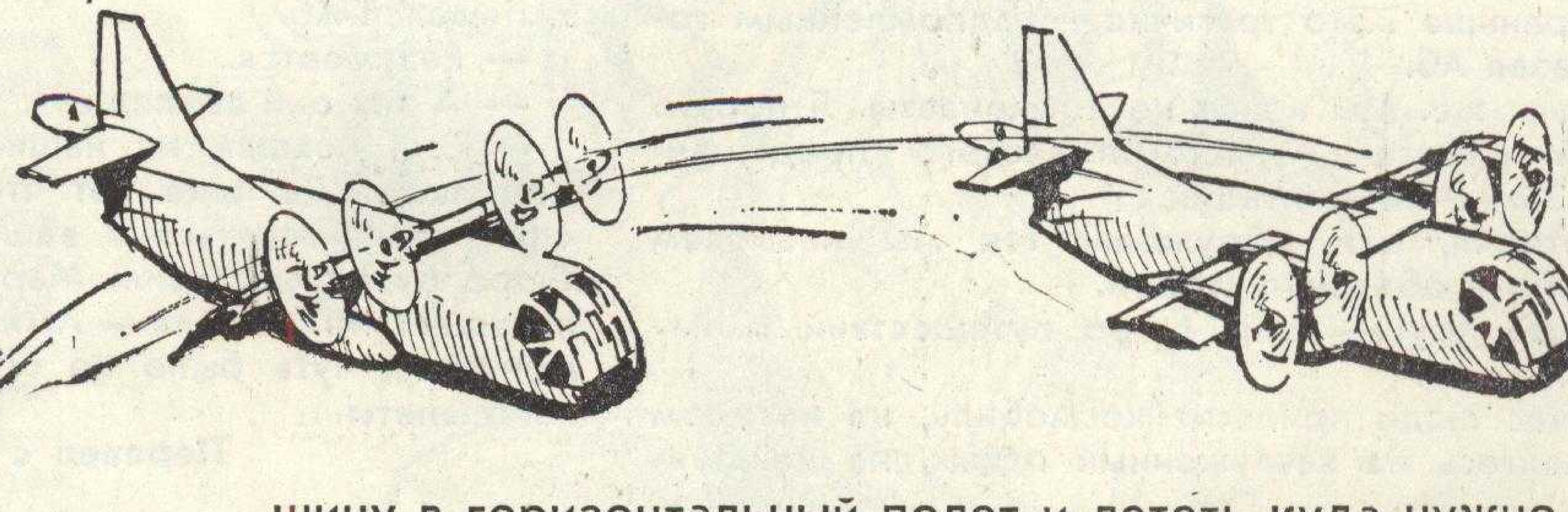
Вот поэтому авиаконструкторы всего мира стараются построить такие машины, которые могли бы взлетать вертикально, с любого «пятачка», с крыши дома, с палубы корабля...

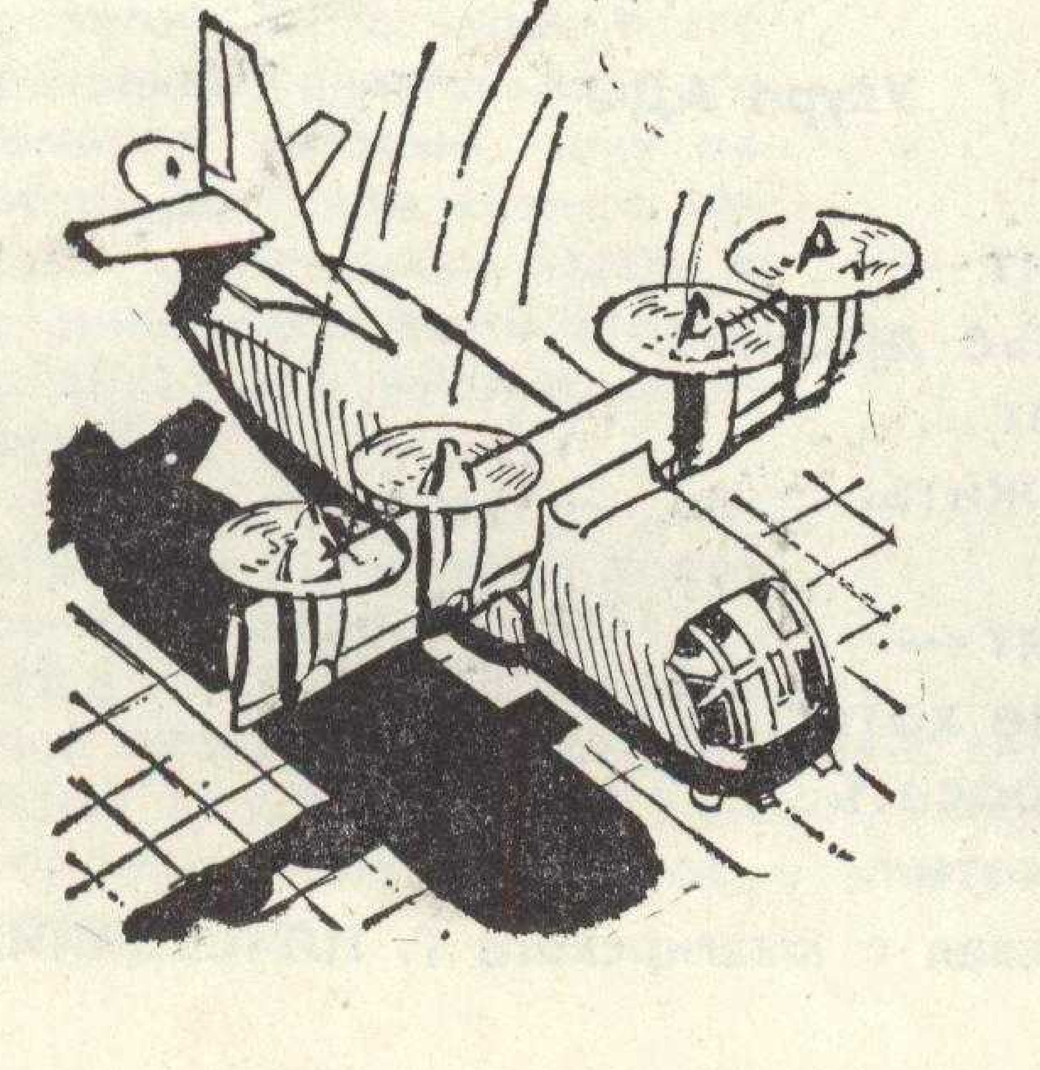
— Что же тут сложного?— скажет иной.— Ракеты взлетают, а самолет чем хуже?

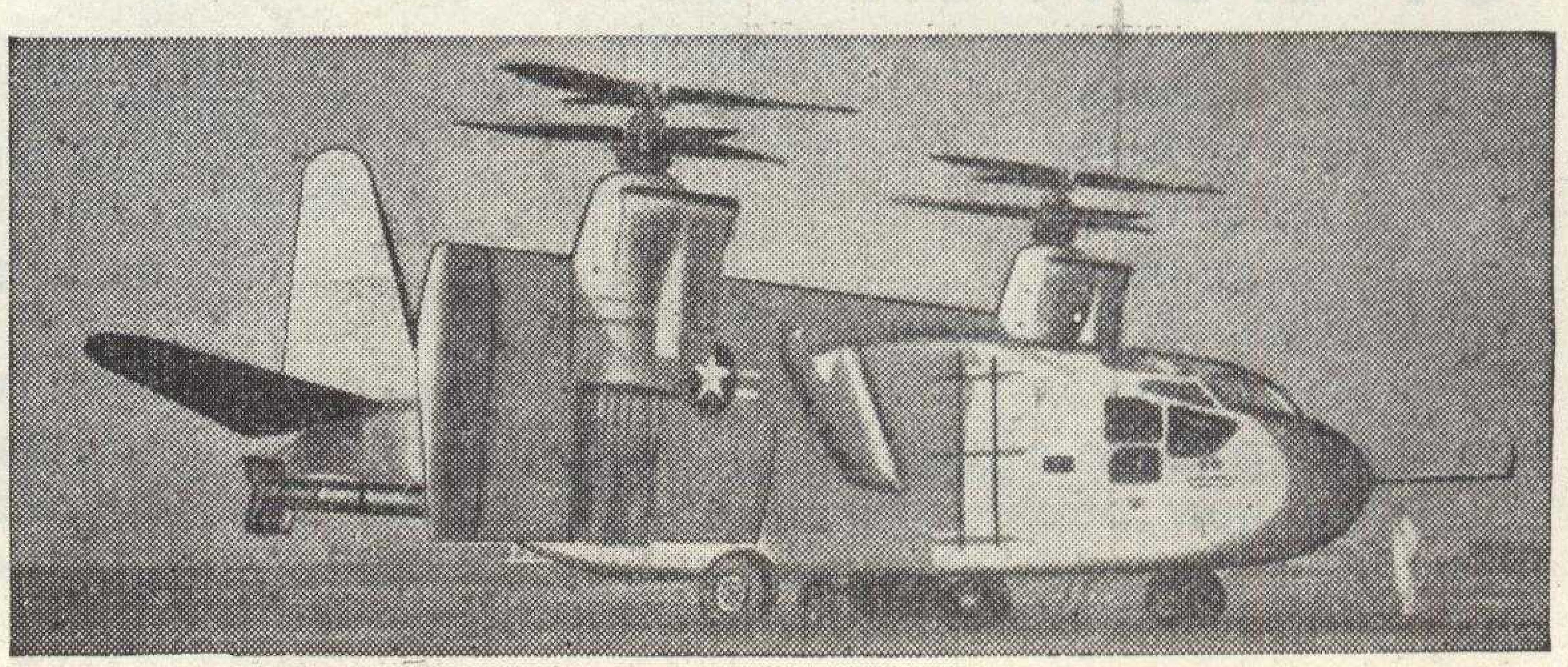
Мысль верная. Но претворить ее в жизнь не так-то просто.

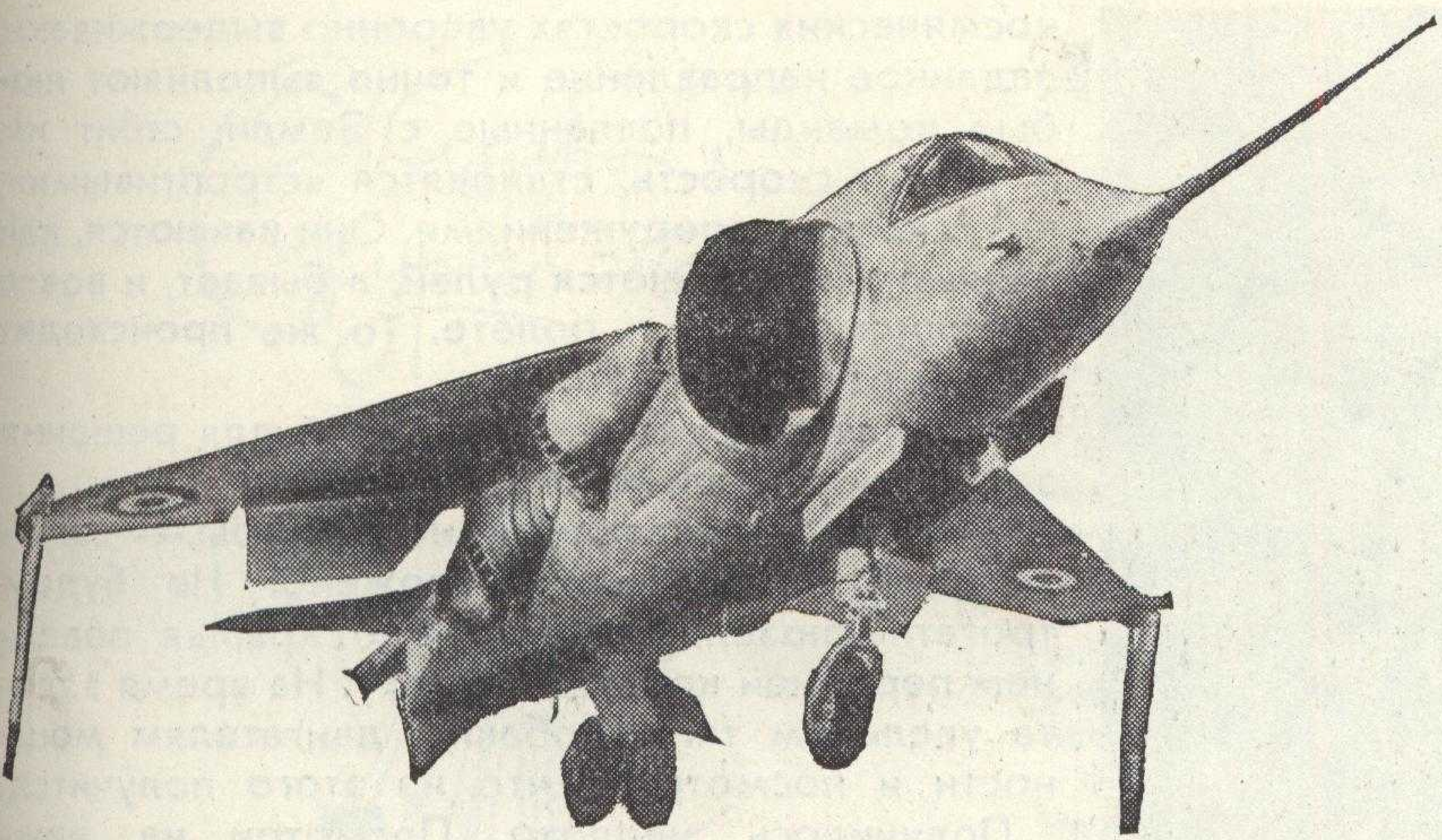
Можно, конечно, поставить самолет на хвост, запустить двигатели и свечой взмыть в небо. А там, уже в воздухе, на высоте перевести машину в горизонтальный полет и лететь куда нужно. Но при таком решении вопроса возникает столько трудностей и неудобств, что приходится задуматься: а стóит ли, как говорится, овчинка выделки?





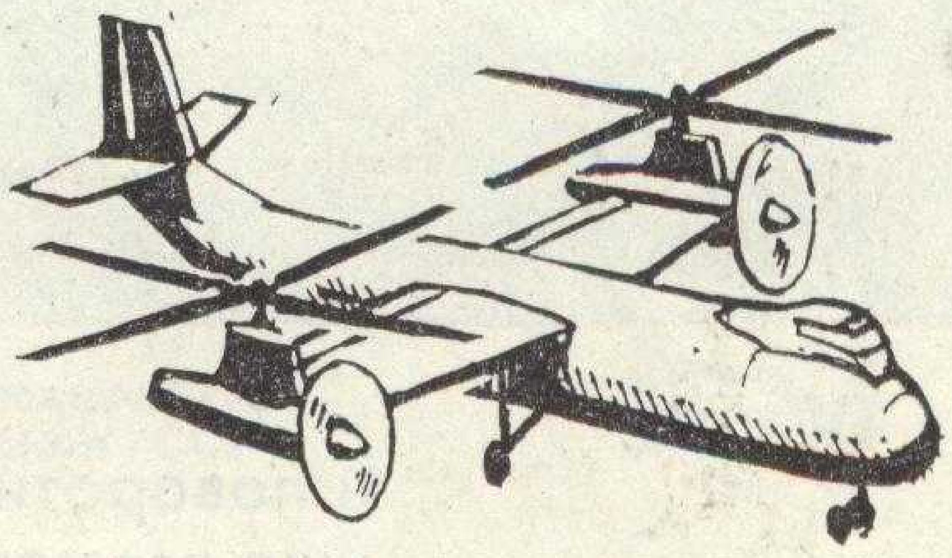






Во-первых, как сажать пассажиров на такую машину? Ведь вместо того, чтобы спокойно пройти к своему месту по полу коридора и расположиться в удобном кресле, им пришлось бы карабкаться по лестницам, ложиться на спину и, задрав ноги, ждать, пока самолет не перейдет в горизонтальный полет.

Во-вторых, пришлось бы значительно увеличить мощность двигателей. Ведь самолет держится в воздухе за счет подъемной силы крыльев, а сила эта возникает только в горизонтальном полете, на определенных скоростях.

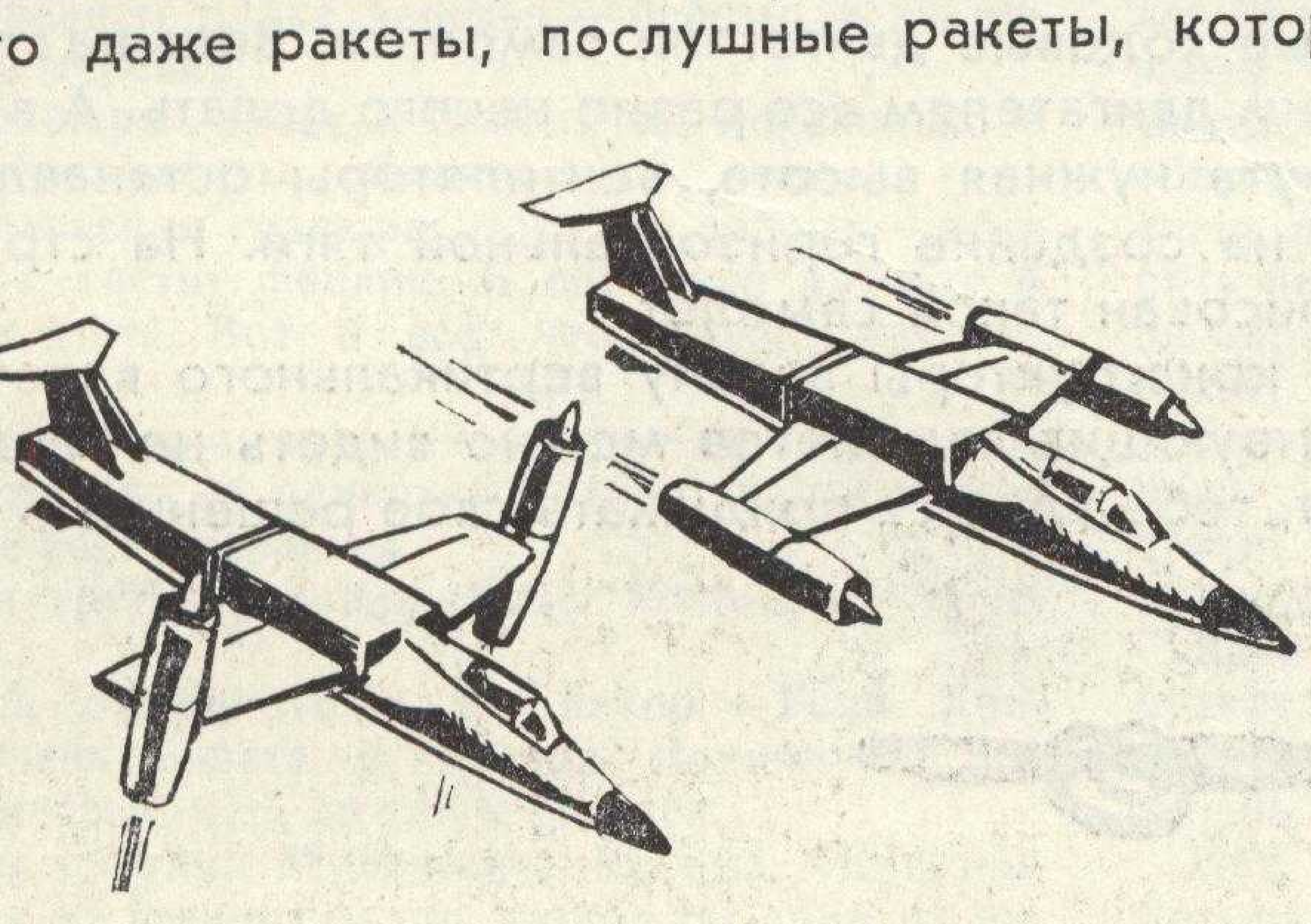


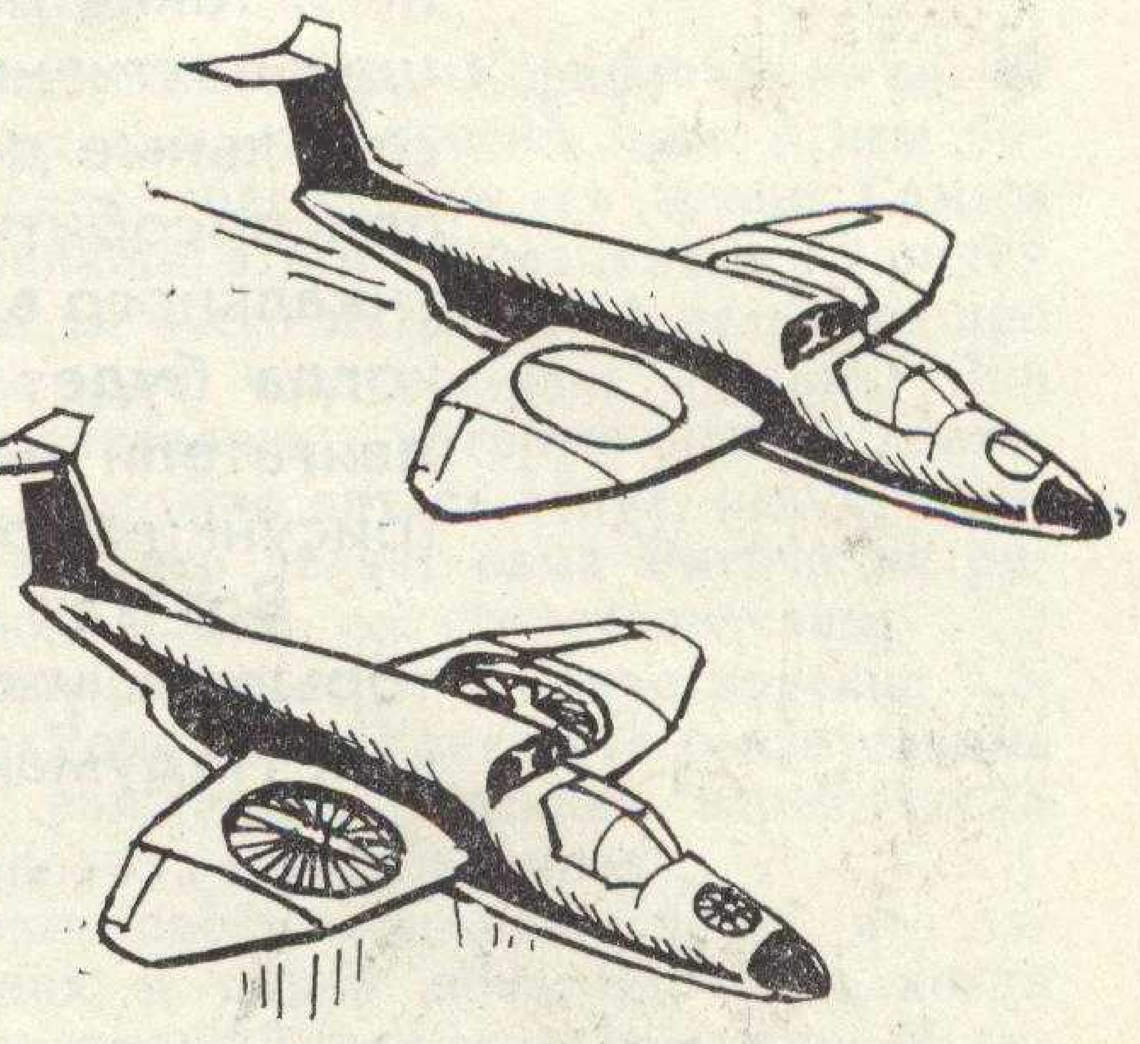
А механикам и заправщикам как быть? Ведь им вместо низеньких стремянок, на которых они работают у обыкновенного самолета, пришлось бы пожарные автолестницы расставить вокруг машины.

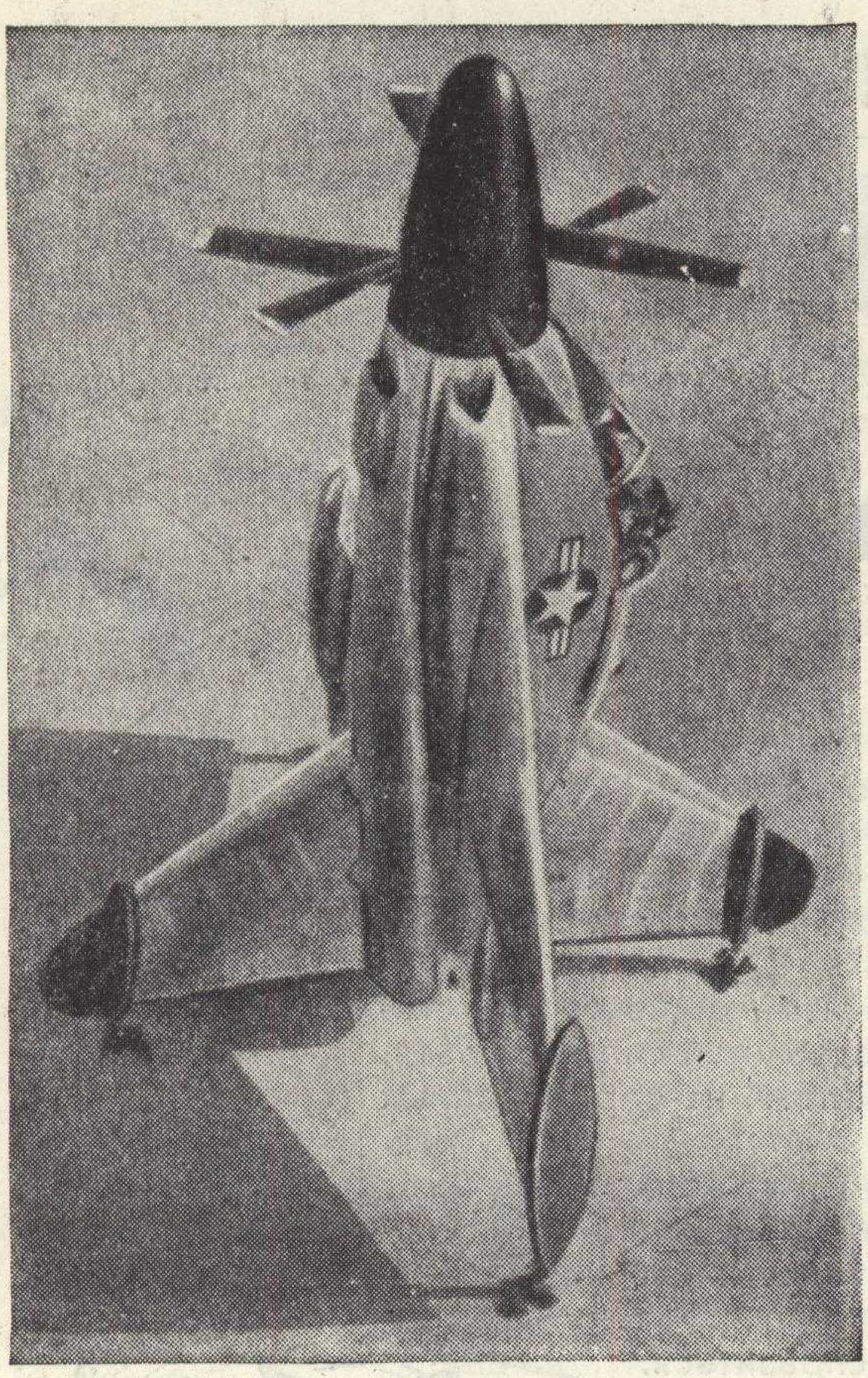
Допустим все же, что со всем этим удалось справиться. Но нужно подумать и о летчике. Взлететь — еще куда ни шло, он взлетел бы. А как он после полета будет садиться? Посадка на таком самолете — дело очень сложное: нужно строго вертикально выровнять машину над землей, повиснуть в воздухе неподвижно, хвостом вниз, и, постепенно снижая тягу, опустить самолет на землю. А земли-то летчику не видно!

Но и с этим удалось справиться. Такие машины появились и летали. На соседней странице на трех верхних рисунках показано, как стартует такой самолет.

Есть еще одно обстоятельство, справиться с которым оказалось трудно. Большинство конструкторов в результате отказалось от такой схемы вертикального взлета. Дело в том, что даже ракеты, послушные ракеты, которые на







космических скоростях уверенно выдерживают заданное направление и точно выполняют любые команды, посланные с Земли, сто́ит им потерять скорость, становятся «строптивыми», неуклюжими сооружениями. Они качаются, как пьяные, не слушаются рулей, а бывает, и вовсе опрокидываются в полете. То же происходит и с самолетом-ракетой.

Пришлось искать других путей для решения задачи вертикального взлета.

— Пусть,— сказали конструкторы,— самолет стоит так, как ему положено. Не будем трогать фюзеляж и шасси, а вот крылья повернем передней кромкой кверху. На время взлета увеличим тягу, добавим двигателям мощности и посмотрим, что из этого получится.

Получилось неплохо. Посмотри на нижние рисунки на странице 28. Самолет вертикально отрывается от земли, в воздухе крылья постепенно переходят в горизонтальное положение. Продолжая подъем, машина набирает скорость, и к тому времени, когда она достигает нужной величины, крылья принимают нормальное положение и послушно делают свое дело.

А можно и вовсе не трогать крылья. При вертикальном взлете они все равно не работают — пусть и остаются на своих местах. Двигатели, поставленные вертикально, и без них справятся со своим делом — хватило бы только тяги.

Такие самолеты с неподвижными крыльями и поворотными двигателями (рисунок на странице 29, внизу слева) тоже уже летают.

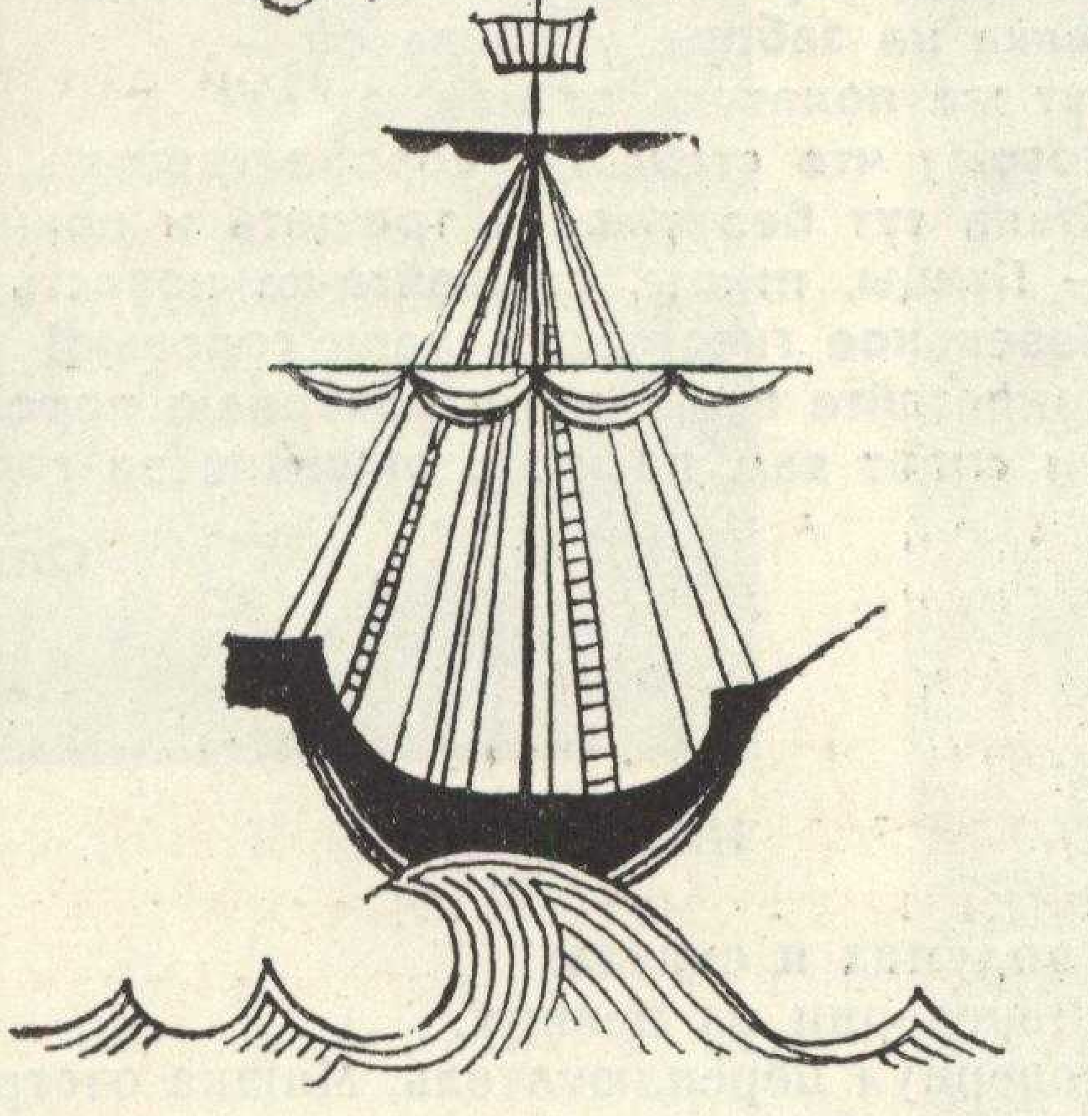
Есть и еще один путь к решению этой задачи.

Когда ты начал читать эту статью, тебе, наверное, пришла мысль, что можно на вертолете поднимать самолет с аэродрома.

Конструкторам тоже пришла такая мысль. Но это неудобно, конечно,— прицеплять вертолет к самолету, а потом отцеплять его в воздухе. Проще сделать по-другому: в широкой части крыла вмонтировать роторы вроде вертолетных, поменьше диаметром, но зато многолопастные. Такие роторы-вентиляторы развивают тягу в три-четыре раза больше реактивных двигателей, которые их крутят. И вовсе не нужно ставить отдельные двигатели для этих вентиляторов — для их вращения удалось приспособить обычные ходовые двигатели самолета. Ведь на время вертикального взлета этим двигателям все равно нечего делать. А в воздухе, когда будет достигнута нужная высота, вентиляторы останавливают, и двигатели работают на создание горизонтальной тяги. На странице 29 (рисунки справа) нарисован такой самолет.

Вот так решают конструкторы задачу вертикального взлета. Некоторые из уже существующих самолетов можно видеть на наших снимках. Подумай, может, тебе удастся придумать свое решение?

Журнал в журнале



КОРАБЛИК

печатает только тебя

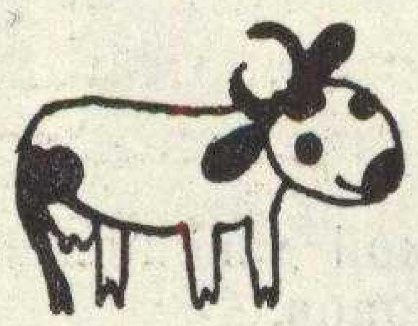
От редакции «Кораблика»

Многие ребята еще задолго до дня своего рождения начинают думать, какой они устроят праздник. Вот и мы уже сейчас вспомнили, что в январе будет месяц рождения «Журнала в журнале».

Большие журналы справляют юбилеи десятилетние, двадцатилетние и еще крупнее. А у такого маленького журнала, как наш, может быть и однолетний юбилей.

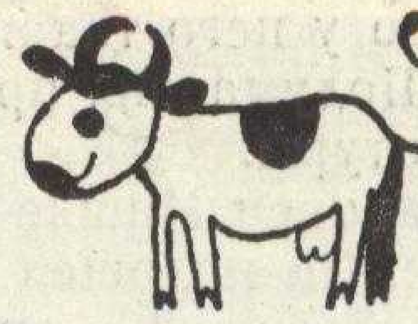
В январском номере «Кораблика» будут напечатаны новые стихи Сережи Зяблицева, Ольги Сафир, ребят, уже знакомых вам. Но и другие ребята будут нашими авторами.

Скорее присылайте письма «Журналу в журнале»! Не опаздывайте! СКОРО «КОРАБЛИКУ» ИСПОЛНИТСЯ ГОД!



КОРОВА

Ты корову накорми,
Ты корову напои,
Ты ворота ей открой
И впусти ее домой,
А корова вечерком
Нас напоит молоком.



Миша ЗАНФИРОВ,
11 лет.
Ст. Бессарабская,
Молдавская ССР

„КОРАБЛИК" за Февраль и Март

Передо мной второй и третий номера «Кораблика»; к сожалению, я не мог увидеть первого. Самым ярким и самым красивым, по-моему, получился третий номер. В нем очень много рисунков, которые сразу оживили и выделили его.

Среди этих рисунков выделяются гравюры Вовы Минкова. «Деревня» — так называется одна из гравюр. На переднем плане деревья — березы, а за ними — поле и деревня.

Сюжет гравюры прост и лаконичен, но сколько в ней лирики и красоты, обыкновенной, земной!

Очень интересная гравюра этого же автора — «Автобус». Ночь, светят фонари. И одинокий автобус. А где-то стоят дома. Вот и все, что можно увидеть сначала.

Но задержите внимание подольше — и становится немножко грустно за одинокий автобус и эти неловко торчащие ветви деревьев.

Хороша и третья гравюра Вовы Минкова — «Басня».

А гравюра «Фламинго»!.. Ее автор — Гена Ярощук. Она очень проста и красива. Поднял на вас глаза фламинго, замер, да так и остался...

Интересны рисунки Мухиджича Касима. «Крестьяне по дороге на рынок» — так назвал он один из рисунков. Солнце еще только поднимается, а крестьяне уже в дороге: они спешат на рынок.

«Водяная мельница» — это второй рисунок Касима. Оба рисунка о людях, об их труде. На рисунке все взято из жизни.

Второй, февральский номер «Кораблика» — он не вышел таким же ярким, как третий, зато в нем более интересные стихи, содержание его лучше. Самым юным членом экипажа этого «Кораблика» является Светлана Кукина, ей всего пять лет. А ее стихи про обезьянку Ритичи — до чего же они веселые! Они очень похожи на считалочку, которую можно повторять не уставая, ее можно читать вслух, идя по улице вприпрыжку, как это делает сама Ритичи на рисунке, помещенном рядом со стихотворением.

Больше всего понравилось мне стихотворение Сережи Зяблицева «Ромашки». Какие это осязательные стихи! Влажные, рожденные весенней зарей, когда природа щедро пролила на них акварели.

Во втором стихотворении слышишь ветер, что запутался в проводах, и видна ночь. Это ночь, когда гуляет ветер, заполнивший, кажется, весь мир. И думаешь, что нет ничего, кроме этого ветра и ночи.

Нет. На горизонте видны огни. Они зовут, манят, потому что за ними — жизнь и люди.

В это стихотворение веришь и видишь в нем не отдельные строчки, а то, что они означают: и ночь, и ветер, и огни, и людей...

Вздыхает мерно пристань, мерно отходит теплоход, и течет пряный запах с полей. «На пристани» — эти стихи Сережи, как и все другие, очень зримы. В зримости — их художественное достоинство.

Этим стихотворением заканчивается первое знакомство со стихами Сережи Зяблицева. И очень хочется, чтобы знакомство продолжилось.

Я хочу добавить «Кораблику»: так держать!

Вальтер МИЛЛЕР
14 лет.
г. Душанбе.

СОРОКА

Мокрая сорока на шесте, на шесте,
Новости сорока принесла на хвосте.
Галка на заборе увидела ее —
Тут же полетела от нее, от нее,
Потому что стала тут сорока трещать,
Стала тут без умолку трещать и кричать:
— Птицы, птицы, слушайте-ка новость мою:
Новенькое гнездышко дали соловью!
Прилетайте все к нему вечернею порой,
Он споет вам песню в вишняке за горой.

Оля РОГОВА
10 лет.
г. Тавда.

Рассказ

После обеда ко мне пришел мой давнишний друг Мишка. Я читал книгу про шпионов.

— Привет! — пробурчал я.

Наступил самый интересный момент в повести. Тайна шифра вот-вот раскроется! Я так и прыгал от возбуждения.

Мишка обошел вокруг меня и потрогал мой лоб:

— Кажется, нормальная!

Это у него такая привычка определять температуру. Подумаешь, профессор! Но мне было не до температуры.

Наконец Мишке надоело без толку ходить по комнате. Он подошел ко мне и вырвал из рук книжку.

— Ты что? — спросил я.

— Хватит читать,— сказал Мишка.— Зачитаешься!

— Зачем ты пришел? — спросил я.

Мишка ответил не сразу. Сначала он подошел к телевизору и сказал:

— Ты знаешь, что на Луне находится наша «Луна-9»?

Я пожал плечами.

— Конечно, знаю!

— Ну так вот, а ты знаешь, что она передает на Землю виды Луны?

— Конечно!

— Так надо твоим телевизором поймать эти виды!

Я открыл рот. Все-таки Мишка гениален! И как я до этого не додумался?

Мы включили телевизор. На экране показалась какая-то певица.

— Да это не Луна! — вздохнул Мишка.

Я переключил на другую программу. Но там была сетка.

— Что же делать? — спросил я у Мишки.

Он подумал и сказал:

— Переверни на певицу.

Я повернул переключатель. Мишка отстранил меня и сел к телевизору. Он стал вертеть рукоятки, нажимать на клавиши. Певица свистела, темнела, светлела, толстела и растягивалась, но не хотела убираться с экрана. Тогда Мишка выключил телевизор и полез на другую сторону, за столик. Он открыл крышку и заглянул внутрь телевизора.

— Что ты хочешь делать? — спросил я.

— Надо его усовершенствовать! — ответил Мишка.— У тебя есть кусок проволоки и молоток?

Я принес и то и другое.

Мишка засунул проволоку внутрь телевизора, постучал молотком и сказал:

— Все нормально. Теперь будем видеть не только Луну, но и Венеру.

Он поставил на место крышку и включил телевизор.

Раздалось какое-то шипение, и Мишка отошел от телевизора. На экране появилось бородатое лицо, которое сказало:

— Бэло сими мэр!..

Потом экран вспыхнул и погас. Из телевизора пошел дым...

Нам здорово попало, но мы не унывали. Мишка мне объяснил, что человек на экране был марсианином, а телевизор сломался от натуги. Ведь до Марса так далеко.

Потом я рассказал об этом маме. Она посмеялась и сказала:

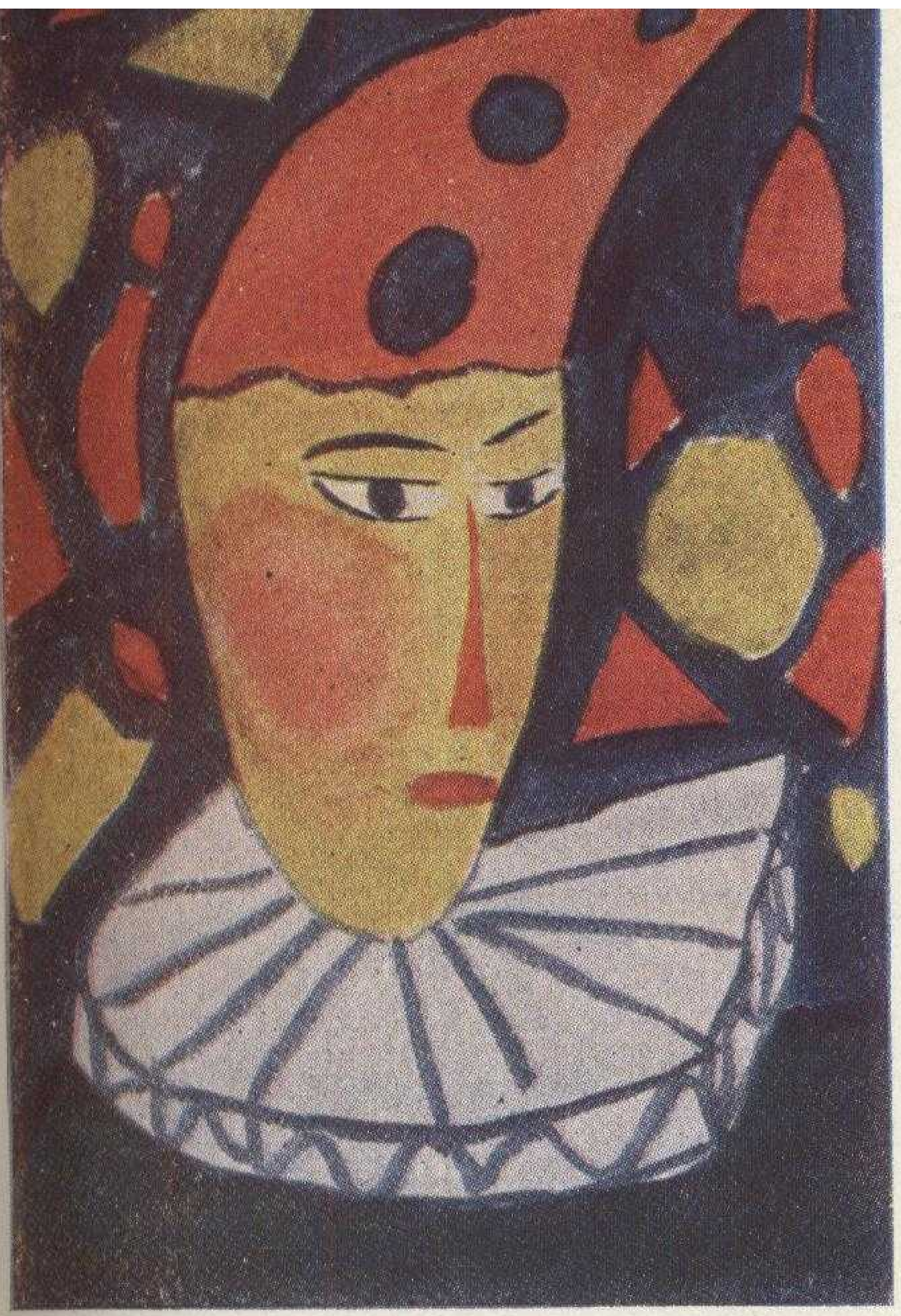
— Эх, вы, марсиане!

Коля ПОЛУНИН
14 лет.
г. Приозерск.

Недавно в московской детской библиотеке имени М. В. Ломоносова была выставка рисунков Дениса Драгунского. Три рисунка с этой выставки мы воспроизводим здесь, в «Кораблике».

Денису 15 лет. Он много читает, и это заметно в его рисунках. Излюбленный материал Дениса — карандаш, пастель, акварель.

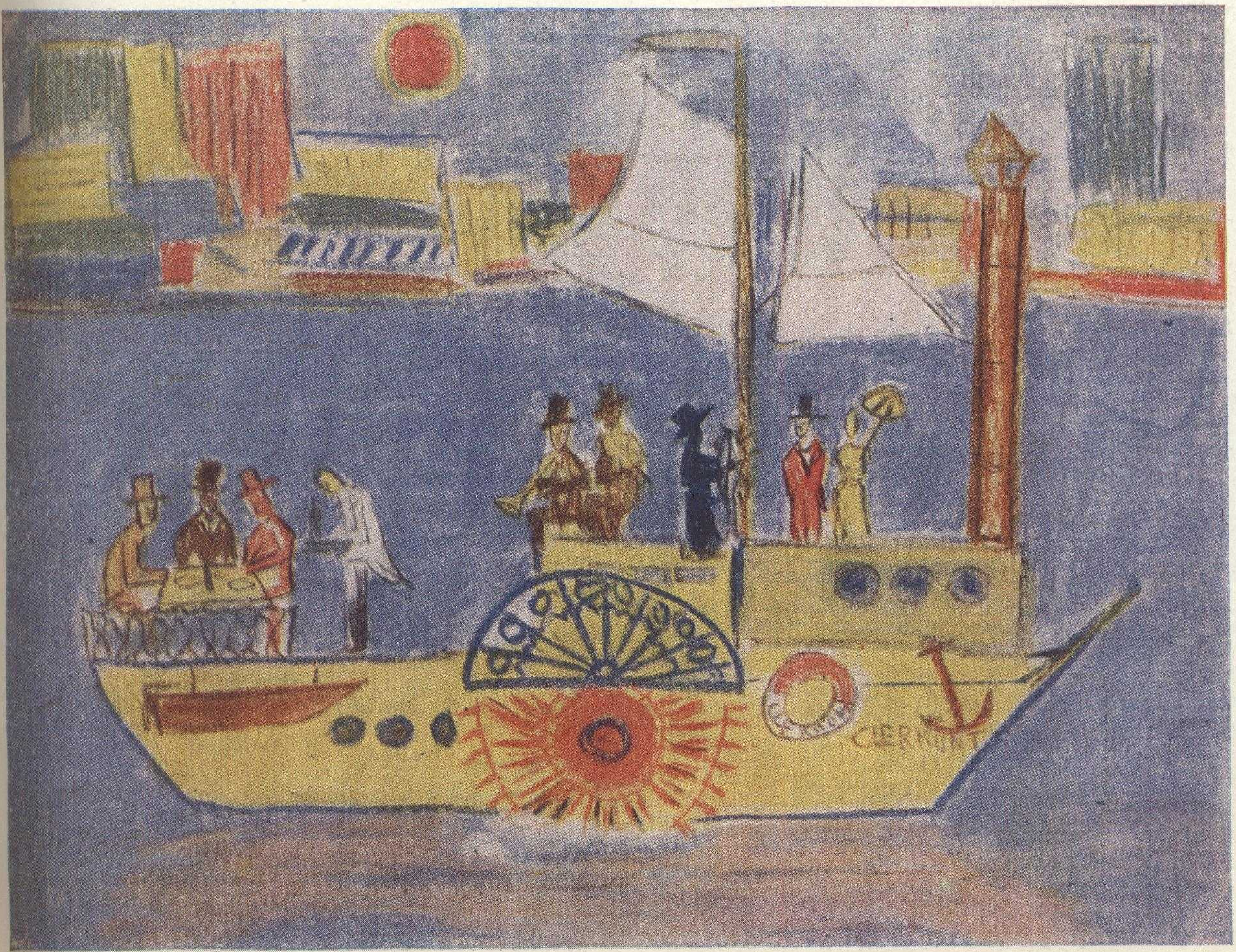
Рисунки Дениса Драгунского. Москва.

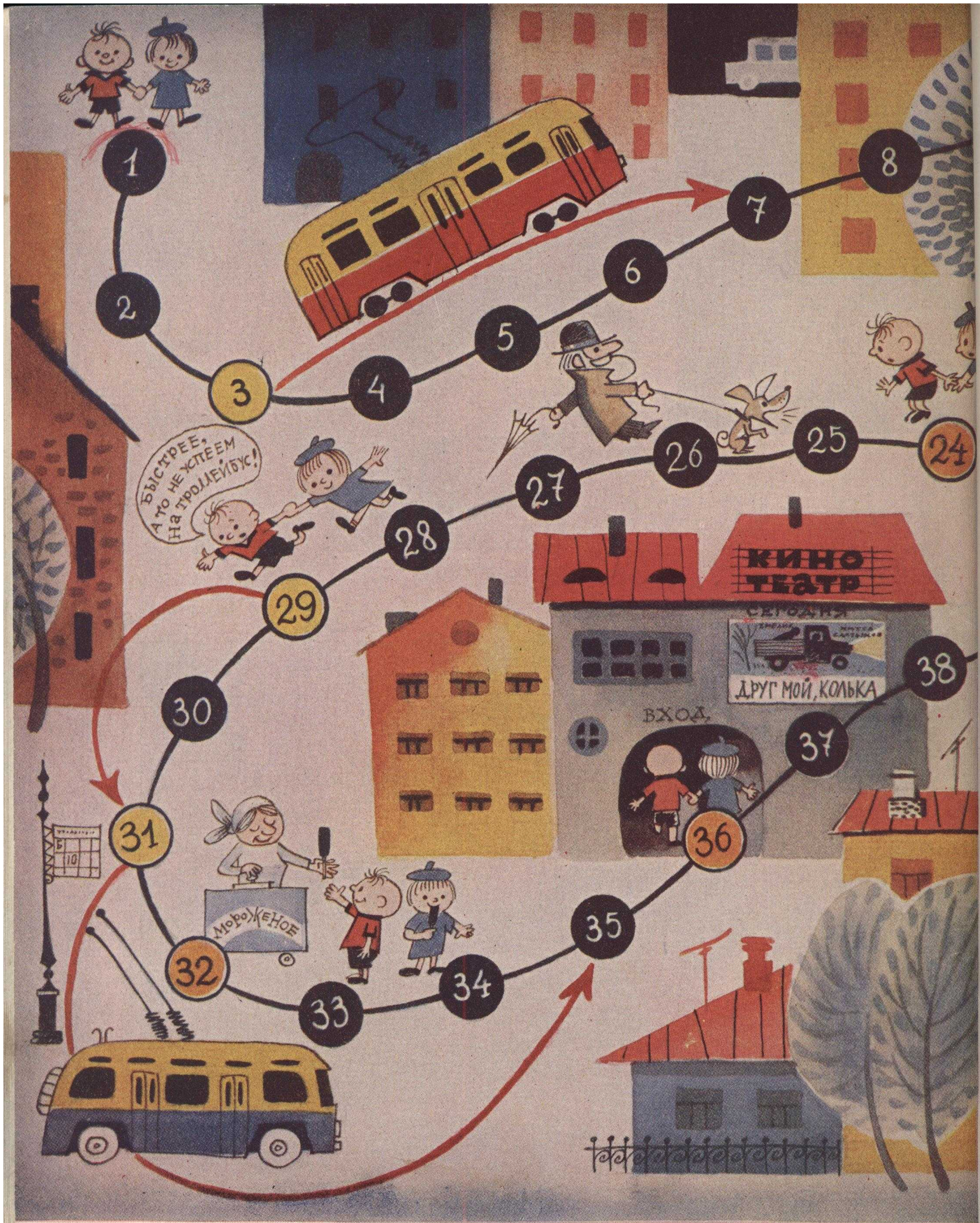


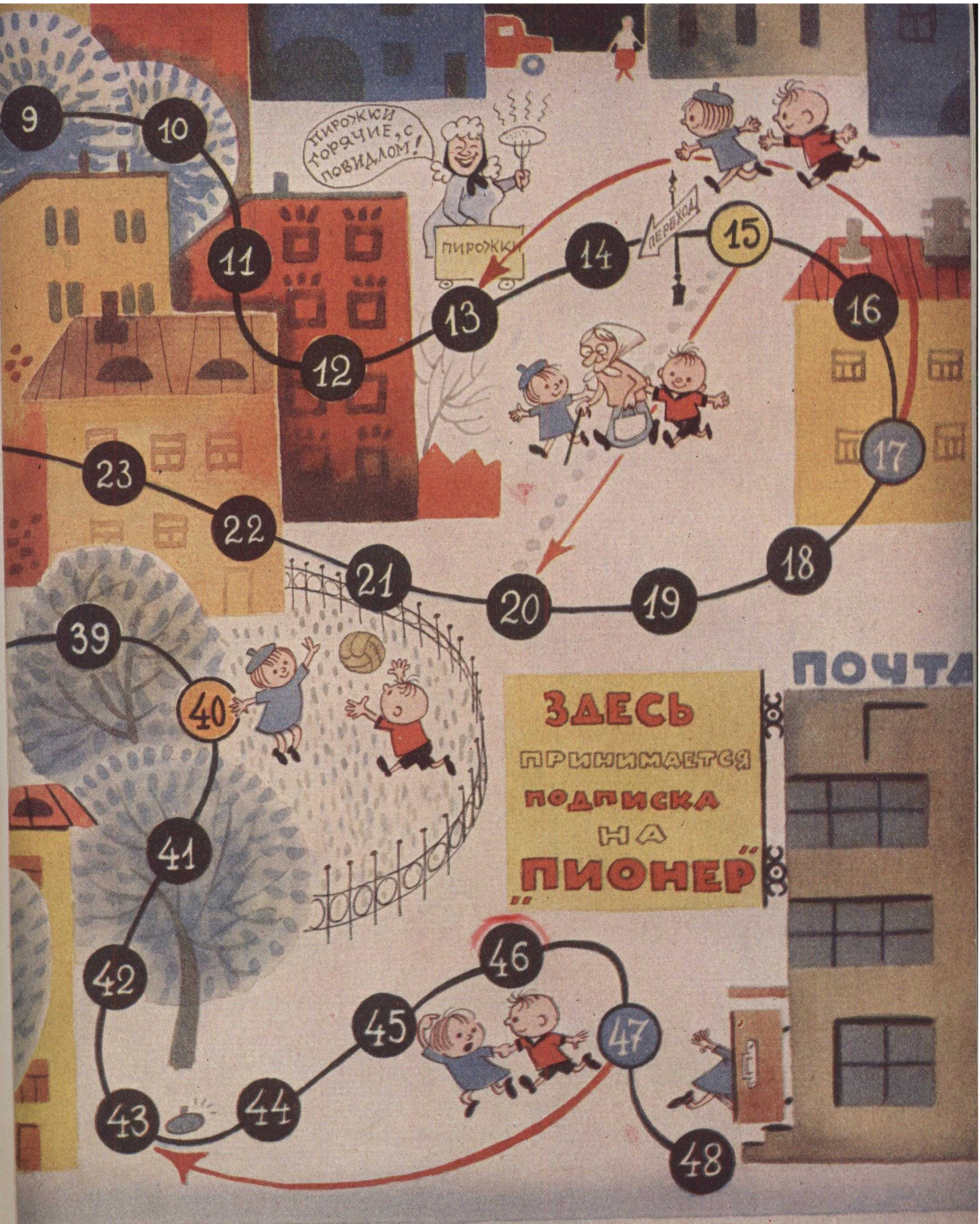
АРЛЕКИН

В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ

МАРК ТВЕН



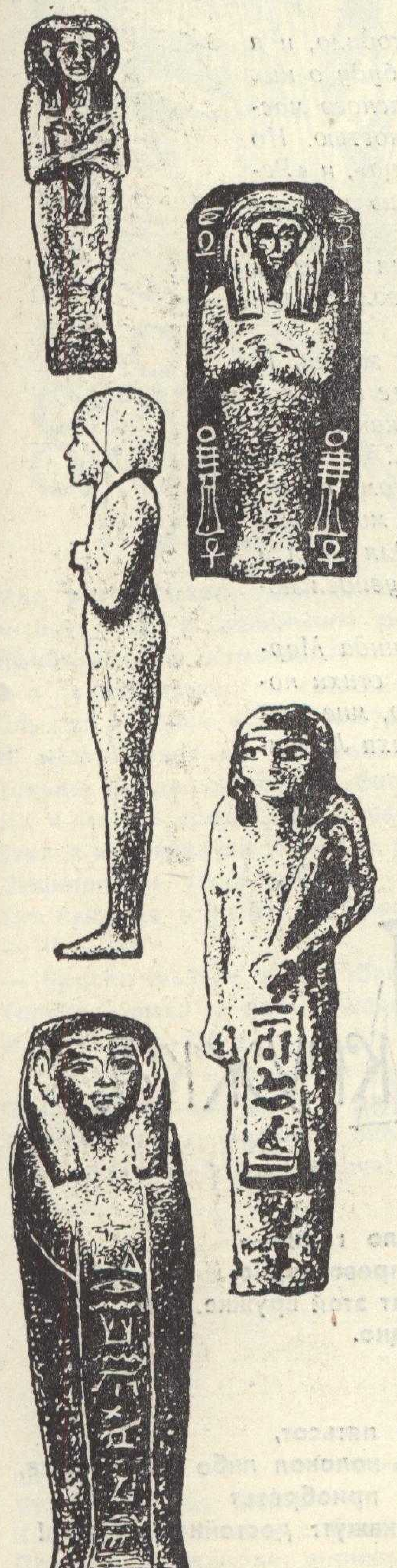

Быстрее, а то не успеем на троллейбус!
КИНО ТЕАТР
СЕГОДНЯ
ДРУГ МОЙ, КОЛЬКА
ВХОД
МОРОЖЕНОЕ
1
2
3
4
5
6
7
8
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38



Хотим скорей дойти, но ждёт нас на пути...

(смотри страницу 51)

«Вот я здесь», — говорит ушебти



Египет. Три тысячелетия назад. Древний город на берегу Нила. По улице растянулась траурная процессия — хоронят знатного вельможу Неферхотепа. Все печальны, но никто не прощается с умершим навсегда. Египтяне верят, что пройдет время, и душа его, подобно птице, вылетевшая из тела, вернется к нему. И тогда Неферхотеп переселится в загробный мир, в подземное царство бога Осириса — туда, куда опускается солнце, уходя за горизонт. Все там будет так, как на земле,— поля, которые нужно обрабатывать и поливать, подземный Нил, песчаные пустыни. И все умершие должны будут работать на полях бога Осириса...

Гробница Неферхотепа — одно из многих древних погребений на берегах Нила. Сотни таких погребений изучены египтологами. И, как правило, около саркофага с мумией богатого египтянина ученые находили множество маленьких фигурок в форме мумий из камня, дерева или фаянса.

Нашли фигурки и в гробнице Неферхотепа. Расшифровали надпись, сделанную иероглифами на одной из фигурок, и прочли удивительные слова — мольбу покойника:

«Говорит покойный Неферхотеп! О ушебти! Когда призовут Неферхотепа выполнять его обязанности на полях в загробном мире — орошать землю, укреплять берега, переносить песок с запада на восток,— скажи: вот я здесь!»

Древние египтяне верили в магическую силу такого заклинания, верили, что оно оживит каменную фигурку и превратит ее в безотказного работника. Ушебти (в переводе на русский это означает «ответчик») укладывали рядом с покойником в гробницу. У одних ушебти в руках кирка или мотыга, у других за спиной еще и сосуды для воды.

Все старались предусмотреть родственники знатных, заботясь об их покое в царстве Осириса! Подумали и о том, что как ни безропотны ушебти, все же и за ними нужен глаз. В одной из гробниц обнаружили множество ушебти — четыреста три фигурки! Но работать должны были далеко не все — тридцать шесть фигурок были с кнутами: это надсмотрщики. На такой фигурке в длинной одежде была подпись «Старший над десятью работниками». Другая фигурка, сидящая на скрещенных ногах,— писец, а самая большая статуэтка — главный надсмотрщик. Остальные триста шестьдесят пять — с мотыгами и кирками — работники, их клали по одному на каждый день в году...

Р. РУБИНШТЕЙН

На рисунках художников **О. ЗОТОВА** и **Я. МАНУХИНА** — ушебти, самые разные: здесь и синяя фаянсовая фигурка, и деревянная в виде мумии, и каменная. Есть и надсмотрщик с кнутом в руках. Зарисовали художники и саркофажек для ушебти и деревянный ящичек, в который клали сразу несколько фигурок. На стенке ящичка нарисованы умерший и его жена. А в левом верхнем углу цветной вклейки — сцена жатвы на тучных полях Осириса.

СТИХИ ЛЕОНИДА МАРТЫНОВА

Я помню, как удивила меня одна стихотворная строчка. Вот она: «Вода благоволила литься...»

Я прочитал, повторил про себя раз, другой, но удивление мое не проходило, и я понял, что сказанное нравится мне, понял, что стихи эти я уже запомнил и буду о них думать. Так началось мое знакомство с поэзией Леонида Мартынова, прекрасного мастера, чьи произведения отличаются редким изяществом, красотою и прочностью. Но все это я узнал потом, когда прочитал у Мартынова и «Тобольского летописца», и «Реку Тишину», и «Подсолнух», и многое другое. Тогда же была у меня лишь строчка

«Вода благоволила литься...».

Не просто «лилась, пролилась, текла», что было бы обыкновенно для воды, а «благоволила», то есть «соизволила литься» и при этом снисходительно позволила любоваться собой. Удивительно!

И вот встала перед глазами сама ВОДА, одна из главнейших частей жизни. И хотя эти стихи говорят о неживой, о дистиллированной воде (кстати, отыщите их и посмотрите сами!), но я стал думать вообще о ВОДЕ: о ее величии, таком же, как велики и всегда таинственны ЛЕС или ГОРЫ, ПУЧИНА МОРЯ, ГЛУБИНЫ НЕДР...

Все это я не выдумал нарочно — меня заставили. Меня подтолкнула к этому строчка, в которой так необычно и так верно, так отчетливо обозначилась мысль, мысль поэта. Его мысль, его воображение задели мою мысль и воображение. Мир для меня в тот же миг чуточку переиначился, и какая-то щелка в нем приоткрылась, я увидел новое. Я глубоко благодарен за это.

Здесь я не рассказал до конца даже об одном стихотворении, а у Леонида Мартынова много стихов и поэм. Он очень известный поэт. И хоть я знаю, что стихи понимать трудно и многие ребята еще совсем не умеют читать и ценить поэзию, мне все-таки хочется, чтобы в мире читателей прибавилось тех, кто знает и любит стихи Леонида Николаевича Мартынова.

Пропадают где-то
Старые друзья.
Знаю, что за это
Их винить нельзя:
Заняты, и очень,
Хмурится она,
Он сосредоточен —
Жизнь весьма сложна.
Упрекать не нужно,
Сами знать должны,
Что такое дружба!..
Вдруг — звонок! С Луны!
Да! С небесной глыбы!
— Но, пускаясь в путь,
Все-таки могли бы
В гости заглянуть!
— Ничего! Мы близко!
Слышишь нас! Алло!
А телефонистка:
— Время истекло!

Эта кружка
Вполне еще в дело годна —
Глина обожжена превосходно,
Но уж лет пятьдесят этой кружке. Она
Выглядит старомодно.

Вот когда
Ей исполнится лет пятьсот,
То, как будто Царь-колокол либо Царь-пушка,
Кой-какое величие приобретет
Эта кружка. Все скажут: достойная кружка!

И поздней,
Через тысячелетье, когда
Будет треснуть готова на все черепушки
И огня ей опаснее будет вода,—
Вот уж всякую почесть окажут тогда
Уникальнейшей кружке,
Драгоценнейшей кружке!

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ОТЧИЗНА

Мне
Хочется,
Чтоб ты оделась лучше.
Не в романтические облака,
Не в громовые грозовые тучи,
А попросту и в ситцы и в шелка.

И хочется,
Чтоб омывалась чаще
Ты самым освежающим дождем,
Блистающим все чище и все слаще.
К тому идет,
И к этому придем!

РАССКАЗ ОХОТНИКА

Мне рассказывал один охотник:
— Был еще я маленьким ребенком,
Пробирался я камышами,
А в руках держал по свежей рыбе.
Слышу: камыши вдруг зашуршали,
И выглядывает из них собака,
Только вроде очень уж большая,
Да и морда вроде как кошачья.
Взял я и влепил ей в морду рыбой.
Зашипела и ушла собака.
Тут как раз и рыбаки сбежались:
— Что ты!
— Бросил рыбой я в собаку,
Только морда у нее кошачья!
И они сказали:
— Не иначе
Повстречался ты, дитя, с джульбарсом!
Храбрецом ты, мальчик, оказался —
Цел остался. Редкая удача!

ВРЕМЯ

Иногда
Зевает Время, будто
Щуря глазки из-под сонных век:
Смотришь — и проглочена минута,
Даже час... Но все ж не год, не век.
Нет, конечно,— столько не удастся,
Этого никто бы не простил,
Но ужасно жалко даже часа,
Что его ты взял и упустил.

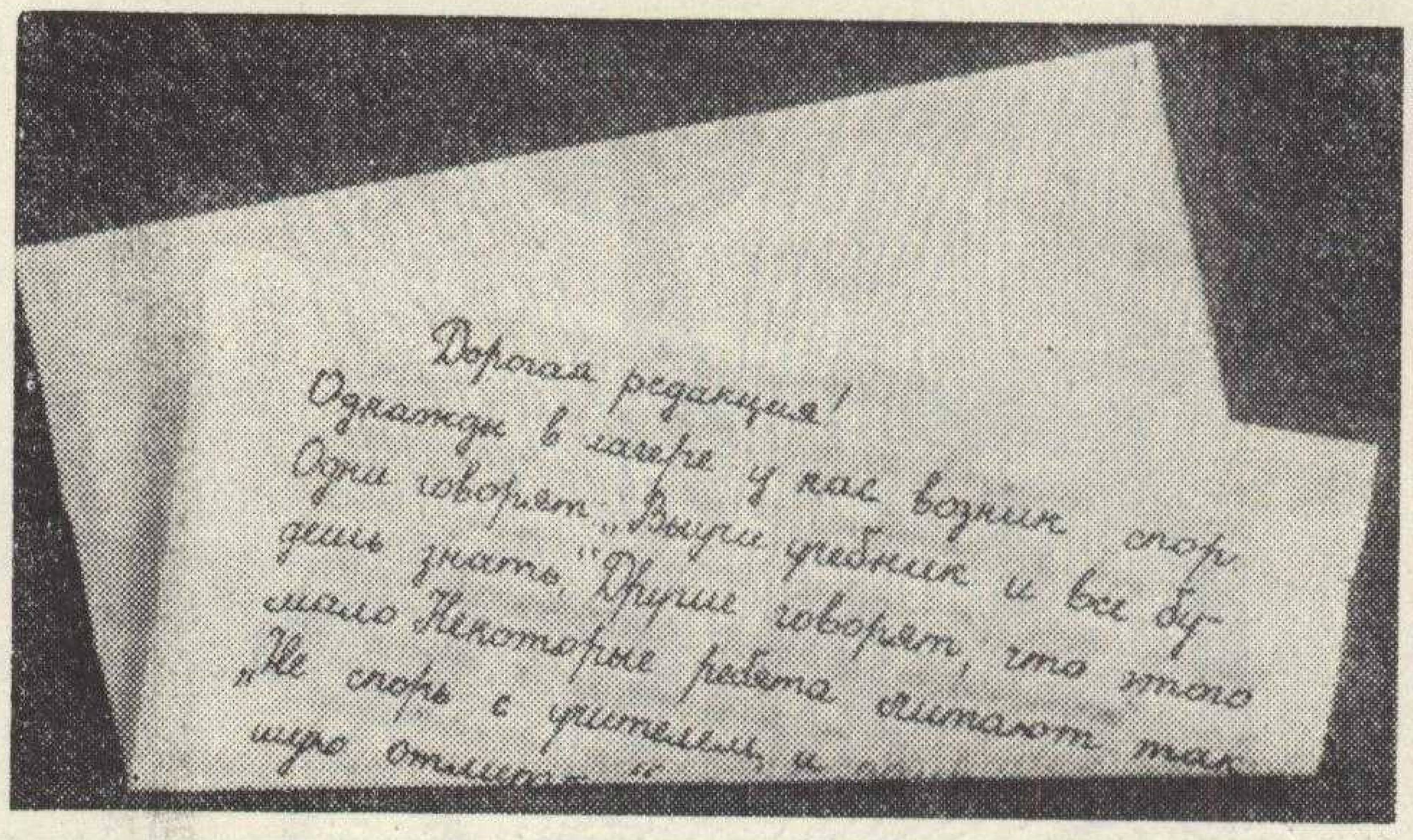
ОСАДКИ

Осадки!
Эта блещущая капля
К былинке, точно к зыбкому причалу,
Припала наподобье дирижабля.
Осадки! Что за слово прозвучало!
Осадки! Только в силу злой привычки
Осадками зовутся по старинке
Морозных бездн порхающие птички,
Блистательно-кристальные снежинки.

Осадки! Неуклюжее названье!
Так много слов в ходу неточных, грубых!
Осадкам место в бочке, либо в чане,
Или в каких-то ржавых сточных трубах.
Пусть эта муть течет в своем порядке,
Но то, что блещет на шипах и розах,
Остерегайтесь зачислять в осадки
В своих самоуверенных прогнозах!

С. ГУРЕВИЧ,
заслуженный учитель РСФСР

ТЫ ОТВЕЧАЕШЬ — Я СЛУШАЮ



Дорогая редакция!

Однажды в лагере у нас возник спор. Одни говорят: «Выучи учебник и все будешь знать». Другие говорят, что этого мало. Некоторые ребята считают так: «Не спорь с учителем и получишь хорошую отметку». А один мальчишка сказал, что он, может быть, учился бы хорошо, если бы у него не уходило много времени на радиотехнику. А по-моему, если у тебя есть увлечение, оно должно тебе помогать учиться, а не мешать.

Как вы думаете, кто из нас прав? Ответьте, пожалуйста.

Галя Павлова,
д. Ляхово,
Ярославская обл.

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

ОПРОС — НЕ ДОПРОС...

В соседнем классе шум. У меня свободный урок, и я иду узнать, что случилось. Оказывается, заболел учитель географии.

— Чем вы собирались сегодня заниматься? — спросил я ребят.

— Волгу задавали...

И началось словесное наводнение: «крупная», «великая», «с устойчивым уровнем», «широкая», «глубокая»... Все говорят одно и то же. И Волга во всех ответах одинакова — в верховьях и в устье, весной и осенью, в далеком прошлом и сегодня. Под баюкающий шелест ответов, грустно похожих один на другой, я вспоминал, как совсем недавно, в тридцатый раз, видел Волгу и города Поволжья от Калинина до Астрахани. То, что я слышал, с Волгой, такой, как она есть, роднило только изобилие воды. Звонок прервал ее унылое журчание...

Готовить один и тот же урок — вовсе не значит готовить его одинаково.

Вероятно, в классе есть ребята, влюбленные в географию. Почему же они ограничились только учебником? Ведь вокруг множество источников: бывалые люди, книги, кино, радио, журналы, газеты. Если бы каждый на уроке по любимому предмету сообщал то, что он знает, видел, слышал, прочитал, богатства каждого стали бы достоянием всех, исчезли бы одинаковые ответы, одинаковые письменные работы.

Мы решили тогда продолжить наш разговор. Встретились через неделю.

В классе нашлись ребята, побывавшие на Волге. Один отдыхал летом на Куйбышевском море. Другой ездил зимой в Казань. Третий видел реку с палубы теплохода, четвертый плавал на байдарке по окрестностям Юрьевца. Наконец, кто-то наблюдал реку с самолета, когда возвращался из Баку, — «совсем как на карте».

Расспросили отцов — участников битвы на Волге и строителей волжских электростанций.

На партах почти перед каждым — книги, справочники, журналы, фотографии.

Один ссылается на вчерашнюю газету, другой на утреннюю радиопередачу, третий на

старый фильм. Кто-то захватил газетные заметки и статьи о том, что произошло за эти семь дней в городах Поволжья. Принесли стихи Некрасова, воспоминания Репина, очерки Горького. Сделали закладки в «Днях и ночах» Симонова и в «Сталинградских очерках» Гроссмана. Появились репродукции с картин Левитана и Грицая, фотографии и даже магнитофонная запись волжских песен.

Теперь в ответах возникали природа, люди, экономическая жизнь Поволжья.

Сведения, добытые каждым, обогащают всех. Всем интересно. Спорят, убежденно доказывают свою правоту, отстаивают свою точку зрения.

Опрос уже не напоминает допрос, а педагог — следователя по делам неуспевающих.

Увлечение вернуло в класс те интонации, какими обычно радуют переменки: и удивление, и гнев, и юмор, и сарказм, и иронию. Есть все, кроме равнодушия.

И я вижу не камеру хранения памяти, где багаж больше суток не задерживается, а ту диспетчерскую службу мозга, которая позволяет в любой момент из самого отдаленного закоулка вывести нужный вагон и, соединив его с другими, получить состав, готовый в далекий путь.

ПЕРЕКИНЬТЕ МОСТИК

У большинства ребят есть свои увлечения. Но вот родители тревожатся:

— Моделями комнату заставил, а по черчению, как и в ту четверть, тройка...

— В походы ходишь, а по географии не успеваешь...

Теперь, когда физик во многом определяет успех археолога, когда биология немеет без химии, а литература глохнет без истории, нельзя, увлекаясь одним предметом, не замечать остальных. Тогда увлечение превращается в препятствие. А ведь оно может стать тем фундаментом, без которого немыслимо прочное и красивое здание.

Если то, чем вы занимаетесь на уроках, и то, чему отдаете досуг, не перекликается, — страдает и то и другое. Иногда даже нависает угроза второгодничества. Если перекинется мостик от вашего досуга к урокам, все, что знает, любит и умеет каждый, станет достоянием всех.

ЧЕМ РАНЬШЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ

Не только в шестом-седьмом, но иногда и в старших классах в ответ на вопрос «Чем вы увлекаетесь, по какому пути собираетесь идти?», слышишь: «Еще не выбрал. Успею, ведь сколько еще времени впереди...»

Но так думали не все.

На маленьком стекольном заводе, которым управляла мать Мити Менделеева, мальчик пристально всматривался в не угасающую ни днем, ни ночью печь. В этой печи огонь превращал в стекло песок, известь и соду. Здесь «получались первые мои впечатления от природы, от людей и от промышленных дел», — вспоминал впоследствии великий Менделеев. Его вторая диссертация называлась «О строении кремнеземистых соединений». В ней он объяснял то, что впервые наблюдал в детстве.

Шестилетний мальчик ползал по скалам у Симферопольского шоссе, где добывали камень для дорог и мостовых, с трудом выковыривал перочинным ножом горный хрусталь из твердой породы. Каждую находку он аккуратно укутывал в вату. Знакомые привозили ему камни издалека. Шли годы. Товарищи мальчика меняли увлечения, а он по-прежнему все свое свободное время отдавал любимому делу. Мальчик стал взрослым. Коллекция минералов превратилась в научную ценность. Так шел в науку неустанный искатель и исследователь минеральных богатств нашей Родины, один из основоположников геохимии, Александр Евгеньевич Ферсман.

«...Я, как только помню себя, всегда и всецело был поглощен только одним стремлением к занятиям выращивать те или другие растения, и настолько сильно было такое увлечение, что я почти даже не замечал многих остальных деталей жизни: они как будто все прошли мимо меня и почти не оставили следов в памяти», — вспоминал Иван Владимирович Мичурин.

Четырнадцатилетний Циолковский пускал воздушные шары из папиросной бумаги, сконструировал коляску, движимую ветром.

Лет сорок назад московский школьник Александр Яковлев из тонких сосновых планок, скрепленных гвоздями и клеем, построил модель планера. В школьном зале она пролетела метров пятнадцать. Юный конструктор стал одним из создателей нашей авиации.

У нас на кружке выступал академик Сер-

гей Львович Соболев. Он рассказал ребятам о значении математики в современной культуре, о ее безграничных возможностях, о том, когда и как необходимо приступать к ее серьезному изучению.

— Жизненный путь ученого, — говорил он, — начинается обычно рано. Еще в школьные годы за партой пробуждается у него жажда знания, накопляется их первый запас, выковываются воля, характер, упорство, и, наконец, укрепляется любовь к своему делу. Его волнуют вопросы: как, почему, отчего? Будущий математик старается понять, какие силы испытывает самолет со стороны воздуха, который он разрезает. Как рассчитать частоту колебаний какой-либо детали машины, чтобы избежать резонанса?

Чем раньше наметишь путь, тем больше сделаешь. Если, конечно, не застрянешь в дороге.

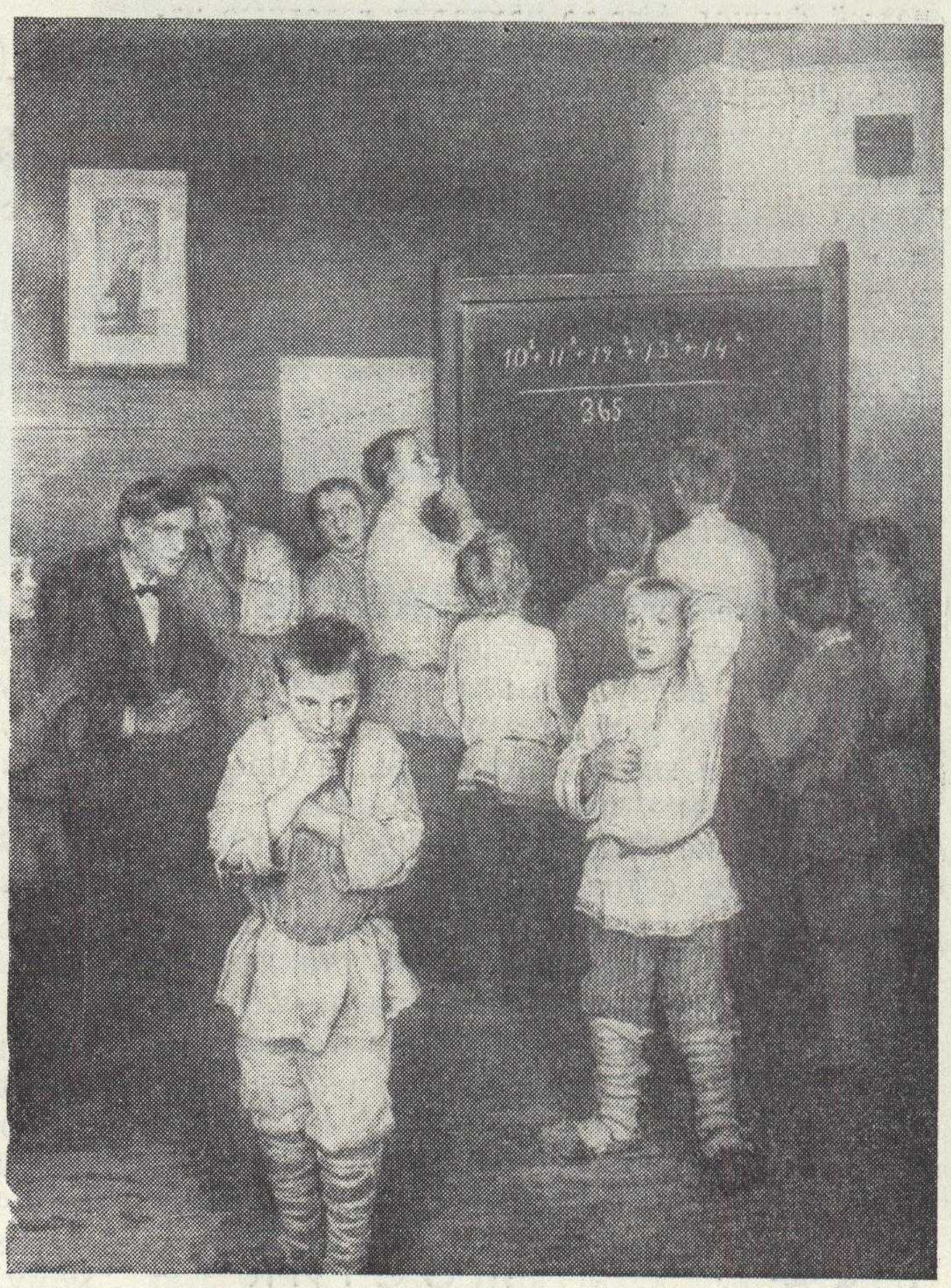
Однажды молодая собеседница спросила Альберта Эйнштейна:

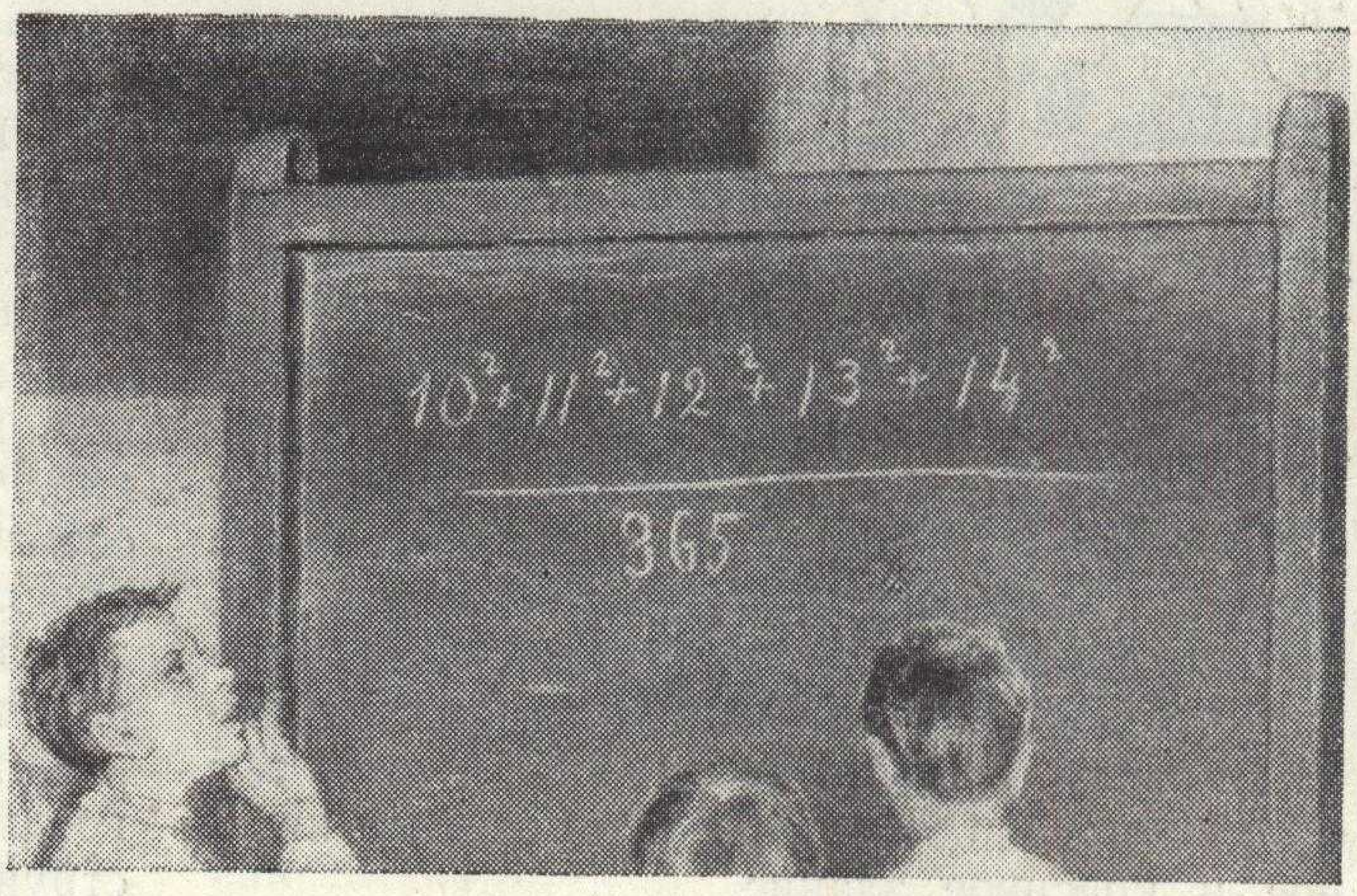
— А кто вы, собственно говоря, по специальности?

— Я посвятил себя изучению физики, — ответил седовласый ученый.

— Как, в таком возрасте вы еще изучаете физику? — искренне удивилась девица. — Я и то разделалась с ней больше года назад.

Там, где слабым мерещится конец, сильные видят начало. Образование никогда не бывает законченным. Оно продолжается всю жизнь, а начинается в школе. И то, как мы начали, определяет весь дальнейший путь.





Вверху знаменитая картина Богданова-Бельского «Устный счет». А внизу, крупным планом, тот самый арифметический пример на доске. Может быть, и ты захочешь его решить? Только не забудь: это задача для устного счета.

ВЕЛИЧАВОСТЬ АЙСБЕРГА

Величавость айсберга в том, что семь восьмых его скрыто под поверхностью воды, — сказал Хемингуэй. Когда вы основательно знаете то, о чем говорите, вы можете опустить многое, и все равно учитель почувствует это так же отчетливо, как будто вы все сказали. Но и плоскодонку с подводной лодкой учитель не спутает. Если с последним словом ответа иссяк ваш запас

знаний, сходства между вами и айсбергом никто не заподозрит.

Обычно глубже ныряют те, кто уже определил направление своего пути. Устойчивость и сила их знаний отражаются даже на тех уроках, что не совпадают с предметом их увлечения.

Один из моих учеников, Вадим Баженов, увлекался математикой. Он видел геометрию там, где другие ее и не подозревали: в планировке школьного двора и окрестных кварталов, в архитектуре зданий, в рисунках суперобложек книг и в рекламах. Вглядываясь в картину «Устный счет» Богданова-Бельского, он заинтересовался арифметическим примером, еле заметным на классной доске в глубине картины. Узнав, что это изображен знаменитый педагог Рачинский, Баженов взял пособие, составленное Рачинским для учителей, «1001 задача для умственного счета», и перерешал все задачи.

К литературе Баженов был обидно равнодушен: на серьезное знакомство с литературой у него не хватало времени. Мимоходом же он ничего делать не хотел.

Я понимаю и люблю таких, как Вадим Баженов. Нет беды, если по каким-то предметам в какой-то момент запас его сведений меньше, чем у других. Зато в своем любимом деле он знаток, мастер, хозяин. Зато он умеет уже самостоятельно добывать факты, делать выводы. А это — главное.

Сочинения Баженова всегда радовали меня последовательностью и точностью доказательств. Видимо, математика, которую он знал так, как никто в классе, наложила отпечаток на стиль всей его работы.

Однажды я попросил Баженова сделать доклад на тему «Математика и литература». Он долго не соглашался, потом взялся. И мы услышали удивительно интересные вещи. О математиках, увлекавшихся литературой, об образах математиков в повестях и романах, о математических ошибках в научной фантастике. Баженов сопоставил слова Пушкина «вдохновенье нужно в геометрии, как и в поэзии» с мыслями Лобачевского о воображении, высказав предположение, что искусство и наука разными путями идут к одной цели. Рассказал Баженов об арифметических задачах, составленных Львом Толстым.

В том, что он говорил, была искренняя заинтересованность, умение все видеть своими глазами, самостоятельно думать, работать.

ПРАВО НА СОБСТВЕННУЮ ПОЗИЦИЮ

Читаю наизусть Пушкина. Класс слушает, как «прибежали в избу дети», что писала Татьяна Онегину, как спас Архип кошку от пожара.

— Я прочту «Анчар», — сказал Коля.

«К нему и птица не летит
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный».

И, оборвав чтение, сказал:

— Пушкин тут врет. Папа слышал, как я учил. Он сказал, что Пушкин не знал ботаники и все исказил. Анчар таким не бывает.

Смотрю на ребят: выражение физиономий вопросительное и недоуменное. Большинство, кажется, на стороне Пушкина. Но соседи Коли, с которыми он, вероятно, уже поделился папиным откровением, довольны сенсацией и взирают на меня не без ехидства.

Мне кажется, спор на уроке необходим. И я поручил Коле доклад об «Анчаре».

Коля принес изображение анчара, описания путешествий в Восточную Азию, где упоминались анчары Индии и Явы. С помощью папы и «Занимательной ботаники» Цингера он, как ему казалось, доказал то, что хотел.

Одна беда. Разумеется, Пушкин знал об анчаре то, что знали ботаники его времени. Колин папа, вероятно, в деревьях понимал больше. В деревьях, но не в поэзии...

И когда заговорили те, кто видел в стихотворении Пушкина главное — обличение произвола, кто понимал, что поэт протестует против того, чтобы человека человек посылал туда, куда и птицы не летят, стало ясно: Коля говорил совсем не об основном. Ведь поэзия — не справочник по ботанике. Не заметив глубины мыслей и чувств стихотворения, он взял из него меньше, чем давал поэт.

Имел ли он право на выражение своей точки зрения? Мне кажется, безусловно, имел.

Я люблю, когда на уроках возникает спор, но интересно спорить с теми, кто умеет отстаивать свою точку зрения и после первого возражения не ложится на обе лопатки.

Я ценю приобщение ко многим источникам, умение привлекать их в споре. Но только тогда, когда спор не ради спора, а для выяснения истины.

По компасу Октября

«Пишу эти строки тебе в наследство...»

Вы слышали, конечно, такое слово — наследство. Когда-то купец завещал сыну каменный дом и лавку. Фабрикант — заводы. Помещик — имение. Царь — царство. Даже простой крестьянин молил бога, чтобы от отца достался ему клочок земли и единственная во дворе лошаденка.

Сегодня вы узнаете про другое наследство. Его передал сыну не царь, не купец, а человек, у которого не то что сундука, но и куска хлеба лишнего не было. Звали этого человека Ефим Лаврентьевич Афонин.

Свое завещание сыну он написал из тюрьмы. Потому что дело происходило в 1907 году, после разгрома первой русской революции, а Ефим Лаврентьевич был революционером.

Находилась тюрьма в Херсонской губернии. И все, кто сидел в тесных камерах этой тюрьмы, называли Афонина ласково, на украинский лад — Батько.

Смелым был борцом и агитатором Батько. Даже в тюрьме не сдавался. Устроил там марксистский кружок, пел революционные песни. В жизни он сполна изведал деревенскую нищету, тяжкую долю рабочего. Поэтому верил в победу революции крепко и неукротимо.

Один товарищ по камере, поэт Гмырев, написал о нем своей невесте на волю: «Вот подожди, Марусенька, побываем когда-нибудь в Москве. Там познакомлю тебя с неким седоусым мужем, похожим на Тараса Бульбу, у которого мы хорошенько поучимся, как надо жить, верить, любить, страдать и бороться. Эх... что за милые, что за прекрасные люди есть на белом свете, и как хорошо, как неизмеримо хорошо жить среди таких людей!»

Беззаветно любили Батька друзья-единомышленники.

Батько знал, что после тюрьмы его ожидает ссылка. А потом — новые схватки с жандармами. Бои революции... Наверно, не

Сохранилось несколько фотографий, где Е. Л. Афонин снят рядом с Владимиром Ильичем Лениным. На этом снимке вы видите В. И. Ленина, М. И. Калинина и Е. Л. Афонина (слева от Ленина) среди курсантов-артиллеристов.

придется ему растить сына. Чем же его напутствовать, какой дать отцовский наказ?

Конечно, не думалось ему тогда, что он, народный депутат Афонин, станет «самым богатым в Москве» человеком. А такое случилось. Пришла Октябрьская победа. И в руки Афонина попали сейфы бывших московских банкиров и богачей. Распоряжался Батько миллионами рублей. Был военным комиссаром на многих фронтах гражданской войны, снабжал хлебом армию. Уже смертельно заболев сыпным тифом, отправил красноармейцам вагоны продовольствия.

Только когда не стало Ефима Лаврентьевича, семья узнала, что приносил он домой лишь половину личного полуголодного пайка. Другую половину отдавал нуждающимся.

А в наследство сыну Афонин-отец оставил только письмо. То письмо, что послал ему из царской тюрьмы.

Вот какое оно было:

Ефим Лаврентьевич Афонин.

«Дорогой мой, я шлю тебе горячий привет. Моим пожеланием тебе будет, чтобы вместе с твоим ростом росли и развивались твои духовные силы, росло и развивалось самосознание своего «я», своих человеческих прав. Наряду с развитием разума чтобы росло и развивалось чувство гуманности и сердечности ко всему живущему на земле, но только не к сознательным угнетателям человечества. Пусть всегда и всюду на протяжении всей твоей жизни сопутствуют тебе пытливость и жажда знания, пусть растет и крепнет в тебе жажда борьбы за лучшие идеалы человечества. И если данные тебе природой способности дадут тебе возможность выйти на широкую, светлую дорогу борьбы и знания, то тогда ты не осудишь меня, твоего отца. Зато, если мне не придется принять участие в твоем воспитании, ты поймешь, почему я общественное благо ставил выше своей семьи. Я пишу эти строки тебе в наследство. Когда ты вырастешь и будешь читать это письмо, перед тобой всплывет жизнь твоего отца, и ты будешь иметь возможность критически отнестись к моим взглядам и поступкам. Это письмо, быть может, будет единственным наследством, оставленным тебе мною. В этом я уверен. Ведь я живу в такое время, когда каждый честно мыслящий человек должен заботиться не только о своих личных материальных благах, а всего себя отдавать на служение народным интересам и на борьбу в защиту человеческих прав и раскрепощение человеческой личности. Я живу в такое время, когда нужно быть готовым умереть каждую минуту за народное счастье. Вот почему, родной мой, я не могу оставить тебе бо́льшего наследства, кроме этих строк, написанных за тюремными стенами.

Твой бодрый и верящий в светлое будущее отец».

Когда эти строки писались, Александру, старшему сыну Ефима Лаврентьевича, шел только седьмой год. Каким же он вырос?

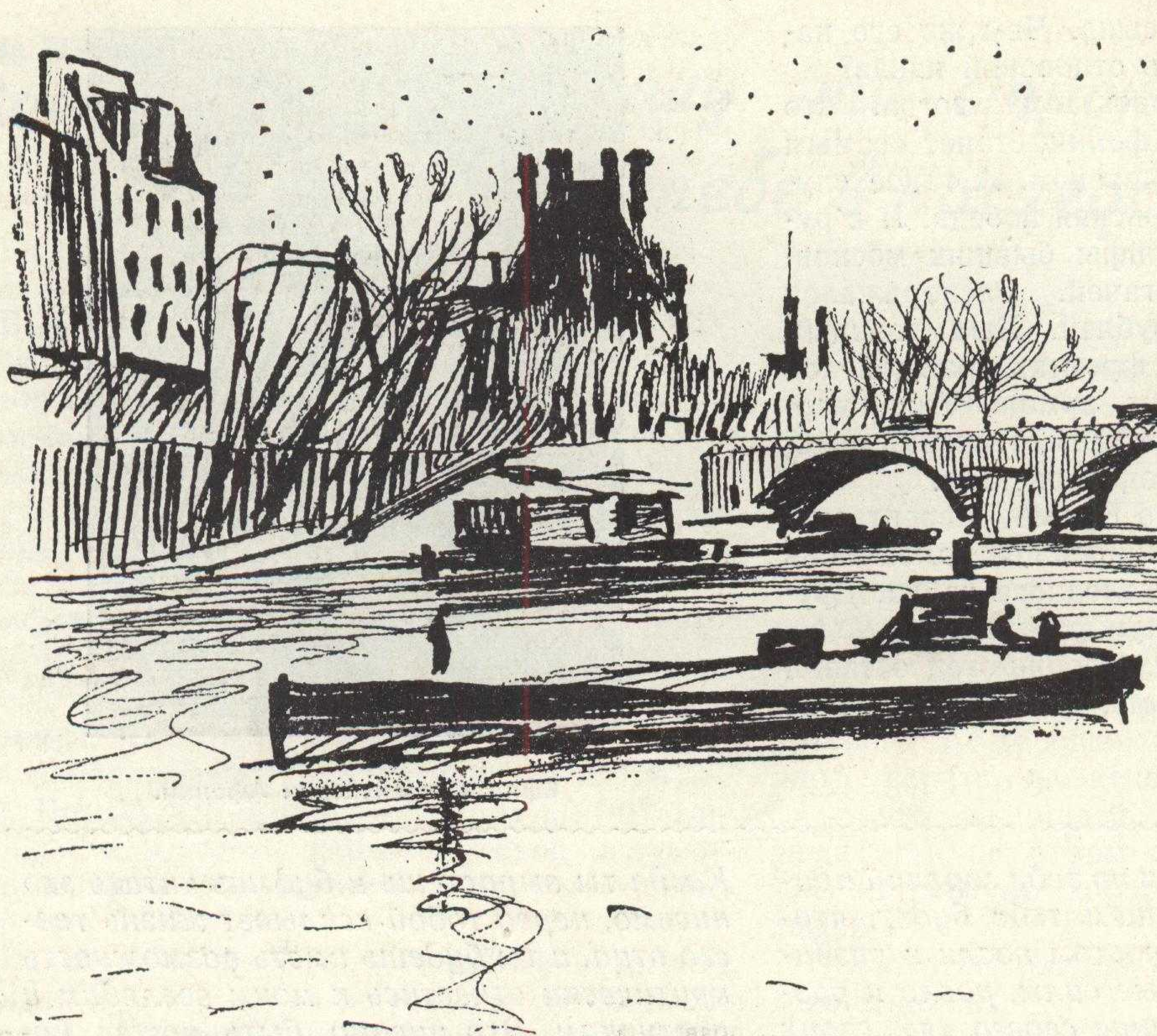
Ему редко доводилось видеть отца. Но напутственные отцовские слова Александр всегда хранил в сердце. Он был боевым комсомольским вожаком. Потом стал ученым-марксистом. А в первые же дни Отечественной войны ушел добровольцем на фронт.

...Каждый час, чеканя шаг, проходят вдоль Кремлевской стены часовые. Здесь, у стены, рядом с Мавзолеем, похоронены борцы революции, соратники Ленина. Среди них — Ефим Лаврентьевич Афонин.

Есть мемориальная доска в Институте марксизма-ленинизма. На доске — имя Александра Ефимовича Афонина, героически павшего в битве с фашистами.

Сын исполнил наказ отца. А его письмо-наследство завещал всем юным борцам за коммунизм. И вам тоже, ребята.

А. ПОРОЗОВА



Н. КАЛЬМА

Рисунки
Г. ФИЛИППОВСКОГО.

Главы из романа

Книжная лавка близ площади Этуаль

(Окончание)

ОПЯТЬ КНИЖНАЯ ЛАВКА

Из Парижа вернулся Келлер. Отвел в сторону Даню:

— Дени, есть для тебя дело. Гюстав передал, чтоб ты ехал к площади Этуаль, в лавку Лавинь. Придется тебе пожить несколько дней у сестер. Нам нужен переводчик, вот Гюстав и вызывает тебя.

— Переводчик?— удивился Даня.

— Гюставу сообщили, что сюда переправят с севера одного советского офицера. Кажется, он не знает ни слова по-французски. Вот ты и будешь при нем переводчиком.

— Когда надо ехать?

— Сегодня же. Только Гюстав предупредил: никому ни слова.

И вот Даня снова в знакомой кухоньке над лавкой сестер Лавинь. Здесь тот стол, на котором его оперировал доктор Древе, отличный хирург — голый, блестящий череп; под нависающими веками хитрые маленькие глазки — зоркие и острые, как буравчики; хриплый, рокочущий бас: «Ничего, ничего, мальчуган, мы тебя зашьем, будешь, как новенький». Тогда ему ассистировали профессор Одран и обе сестры — Жермен и Николь. Жермен держалась, как заправская медицинская сестра, а вот с Николь было хуже: в середине операции, как раз когда извлекали пули, она повалилась без памяти на пол. Пришлось

и с ней повозиться, зато Жермен до сих пор над ней издевается: «Подпольщица, конспиратор, боец, а увидит капельку крови — и валится, как дерево».

А вот и сама Николь в какой-то немыслимой куртке, перешитой, видно, из отцовского пиджака, и в новых туфлях на деревянной подошве. Когда она сбегает по лестнице в лавку, раздается громкое сухое щелканье, будто отбивают танцевальный такт кастаньеты.

В доме сестер Лавинь Даня чувствует себя как дома. Во-первых, здесь книги — целые стеллажи книг, старинных, с чудесными гравюрами, в которых ему позволяют рыться сколько его душе угодно. Во-вторых, обе сестры — и Жермен и Николь — умеют создать какой-то особый уют: каждый, входя в их крохотную квартирку, чувствует себя желанным гостем.

Даня с удовольствием наблюдал за грациозными движениями и болтовней Жермен. А Николь? С Николь ему было не так просто и ловко, как со старшей сестрой. Николь бывала с ним удивительно неровна: то придирается к каждому его слову, дерзит, насмехается, то вдруг тиха, внимательна, подсовывает самые интересные книжки, что-то стряпает специально для него, смеется его нехитрым шуткам, смотрит в глаза... Гм... Смотрит в глаза... Здесь Даня вдруг смущался.

А позавчера, когда они оба склонились над старой хроникой Карла IX и щека Николь вдруг коснулась его щеки,— почему она тогда опрометью убежала? А, не стоит об этом думать: просто Николь шалая, это и Жермен о ней говорит.

Жермен велела Николь выставить в окне томик стихов Гюго в зеленом переплете.

— Что, даешь зеленый свет Гюставу?— мельком справилась Николь.

Жермен молча кивнула, зарумянилась. К вечеру переоделась в белую воздушную блузку и немыслимо похорошела. Когда зазвонил старинный колокольчик у дверей лавки, она была уже наготове и сама открыла дверь Гюставу.

— А, ты уже здесь? Отлично!— Гюстав пожал руку Дане.

Каждый раз, как Даня видел Гюстава, он не переставал ему удивляться. Гюстав — он это знал — руководит несколькими группами подпольщиков и партизан в самом Париже и окрестностях; он доверенное лицо Коммунистической партии Франции; по его заданиям люди, рискуя жизнью, совершают самые отважные, самые дерзкие «акции» против оккупантов; он душа огромной, хорошо налаженной организации, где действуют и советские бойцы. Да и сам он ежеминутно рискует жизнью — недаром за его голову немцы назначили награду — три миллиона франков.

А перед Даней стоит в легком плаще нараспашку типичный парижский фланер, из тех, что целыми днями толкутся на больших бульварах, и что-то насвистывает. Красивый галстук повязан небрежно. Блестят, как медный шлем полководца, волнистые волосы, и вид самый легкомысленный и беспечный. И только тот, кто уже хорошо знает Гюстава, уловит в его глазах, в выражении небольшого крепкого рта железную собранность, сконцентрированную, нацеленную энергию.

Гюстав шутливо дернул Даню за ухо.

— Видно, лазанье по крышам с «адской машиной» пошло тебе на пользу: выглядишь, как после морских купаний в Биарице.

Он ласково поздоровался с сестрами, потом не спеша снял плащ, перекинул его через спинку качалки, просительно посмотрел на Николь.

— Не дашь ли ты мне хоть немного посидеть в качалке? Я так мечтаю о ней, когда долго здесь не бываю...

Николь тотчас уступила ему место.

Гюстав качался, не отрывая глаз от Жермен.

— Какая ты нынче красавица и франтиха! Кажется, я еще не видел у тебя эту блузку!

Он все замечал. Жермен так и сияла.

— Это она для тебя так напижонилась,— не выдержала Николь.

Гюстав прищурился:

— А ты для кого надела новые туфли и этот шарфик?

Николь проворно схватила кофейник, выскочила из комнаты, вдогонку услыхала смех Гюстава. Он сказал Жермен:

— Не опускай пока жалюзи и не убирай с витрины Гюго. Сюда должен прийти кое-кто из товарищей. Им тоже нужен этот знак, я предупредил.

И вскоре трижды прозвонил старинный колокольчик.

— Поди открой, это свои,— сказал Гюстав Дане.

Даня снял тяжелый засов, приоткрыл дверь и попятился: за дверью стояла рослая монахиня в широкой черной рясе и таком же клобуке.

— Кого вам угодно?— пробормотал Даня.

— Мне нужны сестры Лавинь и мсье Гюстав, если он пришел,— сказала монахиня.

Гюстав уже стоял на лестнице. Он низко поклонился монахине.

— Мы вас ждем, мать Мария. Как хорошо, что вы к нам выбрались.— Он заметил удивленный взгляд Дани и подтолкнул его к монахине.— Вот, позвольте вам представить, мать Мария, молодого человека. Он ваш соотечественник, русский, вернее, с Украины. Зовут Дени.

Мать Мария вскинула голову, и Даню поразило ее лицо — широкоскулое, чуть монгольское, в железных очках, с удивительно большими бархатистыми глазами и выражением доброты и силы. Она вдруг спросила по-русски, певучим московским говором:

— Дени — это Денис или Даниил?

— Даниил,— потрясенно отозвался Даня. Он впервые в жизни говорил с монахиней, да еще русской, да еще в Париже!

— Моя семья тоже родом с Украины,— сказала мать Мария.— У меня и девичья фамилия украинская — Пиленко. Что ж, давайте знакомиться, Даниил, не знаю, как вас по батюшке...

— Что вы, никто меня по отчеству не зовет,— пробормотал Даня.— Даней звали дома.

— Ну и хорошо, Даня, я тоже буду вас так звать, если позволите. Вы здесь, в этом доме, конечно, не просто гость? Так?

Даня молча кивнул.

— То-то я вижу, вы здесь — свой человек. — Она усмехнулась, потом сказала серьезно:— Я тоже сейчас ваш товарищ, Даня. Ни один русский человек не может сидеть сложа руки,— не такое теперь время. Приходите ко мне, на улицу Лурмель. У меня есть большая карта Советского Союза, на ней отмечаются все продвижения и победы советских войск. И еще у меня есть радио, вы сможете послушать Москву.

Гюстав услышал знакомое название «Лурмель», закивал.

— Да, да, Дени, мать Мария открыла на улице Лурмель общежитие для престарелых и неимущих, а сейчас в этом общежитии иногда прячутся бежавшие из лагерей ваши люди. Мать Мария делает для нас всех очень большое дело,— прибавил он.

— Полноте,— отмахнулась от него мать Мария.—

Делаю то, что и все.— Она взглянула на Даню своими прекрасными глазами.— Так приходите, Даня.

Гюстав между тем заговорил с матерью Марией о каком-то связисте, которого некий Арроль прячет у себя и которого надо переправить на улицу Лурмель. Николь поманила Даню на кухню.

— Ну что, смотришь на мать Марию, как баран на новые ворота, да? А она настоящая героиня. Вот посмотри, что о ней здесь написано,— это писал один из ваших, который был с ней хорошо знаком, прожил у нее несколько месяцев...

Она протянула ему бумажку.

«Мать Мария — в миру Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева — русская поэтесса,— читал Даня.— В России до революции выпустила сборник стихов «Скифские черепки». Стихи очень хорошие. Дружила с Блоком, Андреем Белым, Алексеем Толстым. Написала о них интереснейшие воспоминания».

— А какая она добрая, какая великодушная, если бы ты только знал! — продолжала Николь.— Мы с Жермен так ее любим! Ходим к ней со всеми нашими мелочами.

Опять трижды прозвонил колокольчик у двери. На этот раз пришел моложавый рыжеватый человек с гибкой, спортивной фигурой, с веселыми искорками в глазах — весь подвижной, быстрый в движениях и разговоре. Гюстав обрадовался ему, назвал его мсье Криво и утащил за собой в комнату.

— Тоже русский,— шепотом сказала Николь.— Сын какого-то большого аристократа — не то сенатора, не то министра еще при русском царе. Всю жизнь, с детства, живет в Париже, по профессии инженер, а когда началась война, тоже стал подпольщиком. Хочет здесь помогать своей русской родине. Гюстав считает Криво очень ценным работником. Кажется, ему удалось завязать связи в каком-то важном немецком учреждении и оттуда получать сведения...

Но вот снова звон колокольчика внизу, и перед Даней знакомый серо-синий шарф, знакомое до блеска выбритое лицо. Да, это Сергей, с которым он встретился в саду Тюильри. С ним высокий изможденный человек, которого он зовет капитаном.

— А, ты здесь, Даня! — говорит Сергей.— Вот товарищ, которому ты будешь нужен.

— Вы обещали, что скоро возьмете нас в настоящее дело,— говорит дрожащим голосом Даня.— Мы же здесь просто изводимся...

— Скоро будешь при деле, не волнуйся,— смеется Сергей.— Сегодня я буду переводить, если понадобится, а потом ты будешь помогать капитану сговариваться с французскими товарищами. Это тоже сейчас очень нужная работа.

Выходит Гюстав, тащит всех в спаленку сестер.

«Наверное, долгую дорогу прошел этот капитан, прежде чем попал сюда»,— думает Даня, участливо глядя на запавшие щеки капитана, горящие нездоровым румянцем. Однако капитан полон энергии.

— Мы не можем напрасно терять время, каждая минута для нас драгоценна. — У него хрипловатый слабый голос, но неукротимые глаза. Его слушают все. — Я думаю, надо как можно скорее создать штаб, организовать здесь, во Франции, советские партизанские отряды. И чтобы штаб руководил этими отрядами, их боевыми действиями...

В ПАРИЖЕ ГОРЯЧО

Она не ездила верхом с самого детства, с тех чудесных дней в окрестностях Альби, куда ее и Николь увозили на лето родители. Впрочем, старый добродушный першерон, на которого ее тогда сажали, был скорее похож на широкий волосяной диван, чем на лошадь.

А тут нервный горделивый конь с челочкой между чутких ушей, нетерпеливо перебирающий ногами в белых чулках! Она и понятия не имела, как к нему подступиться, как взобраться в седло. И при этом, ах, при этом на ней такой прелестный костюм для верховой езды, стилизованный под жокейский, штаны в обтяжку, лакированные ботфорты! Она непременно, ну непременно сейчас, сию минуту позорно свалится с лошади под взглядами всадников, гарцующих по Булонскому лесу.

— Только не трусить,— раздается негромкий голос Гюстава.— Возьми в левую руку повод, а правой берись за холку. Теперь поставь левую ногу мне на ладонь. Да, да, именно на ладонь. Хоп! Да ну же, не бойся, поскорее, на нас смотрят...

Жермен нерешительно ставит ножку в лакированном ботфорте на подставленную руку Гюстава. Миг — и она в седле. Лошадка норовисто встряхивается, но повод у Жермен в руках, и ноги ее прочно вошли в маленькие серебристые стремена.

— Оттягивай книзу носки, плотнее прижимай ноги к лошадиным бокам. Лошадь послушная, я ее испробовал. Захочешь повернуть вправо, тронь бок лоша-

ди правым шенкелем, то есть икрой,— учит все так же тихо Гюстав.

Пахнет летом, свободой, радостью жизни. Жермен в упоении. Легкий жокейский картузик сполз на затылок, губы закушены, пылают щеки. Свистит в ушах ветерок, и Жермен... Жермен едет, как заправский всадник, чуть согнувшись, крепко держа в левой руке повод. И рядом Гюстав — тоже элегантный, в коричневом спортивном костюме и таких же перчатках с крагами. Жермен чуть скосила глаза, увидела восхищенный, любящий взгляд Гюстава.

На миг и она и он забыли, для чего они здесь в этот час, зачем затеяна эта верховая прогулка и весь этот маскарад. Сейчас они по виду ничем не отличаются от той «золотой» молодежи, что гарцует по утрам в Булонском лесу. О, этим маменьким сынкам и дочкам нипочем война, оккупация, голод, гибель миллионов людей! Их девиз: «Нас это не касается». И еще: «Живой трус лучше мертвого героя»,— низкие, подлые девизы!..

— Посадка неплоха. Держись увереннее, я — рядом,— слышит Жермен.

Гюстав склонился к ней, возле самой щеки Жермен его волосы, отливающие медью. Мгновенное желание коснуться губами этих волос.

Но именно в это мгновение Гюстав отшатывается, успевает сказать:

— Внимание! Он!

Навстречу им из боковой аллеи выезжает блестящая кавалькада. Впереди на рослой рыжей кобыле немецкий офицер, лицо которого известно каждому парижанину. Это комендант Большого Парижа, личный друг Геринга, доверенное лицо Гитлера — гаулейтер барон фон Шаумбург со своими многочисленными подчиненными и адъютантами.

Молодая пара всадников поравнялась с Шаумбургом, но тот не обратил внимания на встречных: был занят разговором с одним из офицеров.

— Восемь часов двадцать минут. Значит, он выезжает со двора своей виллы в восемь пятнадцать,— засекает время Гюстав.— Теперь еще несколько кругов по лесу. Нужно выяснить, когда он кончает прогулку. Ты пересчитала охрану?

— По-моему, шесть человек,— шепчет Жермен.— Рядом с ним полковник авиации и еще адъютант. Охрана ехала чуть поодаль.

— Нужно выяснить, когда он кончает прогулку. Ты пересчитала охрану?

Жермен старается выглядеть хладнокровной. Только что, сию минуту, она видела в нескольких шагах от себя главного палача Парижа. Это по приказу фон Шаумбурга расстреливают у Мон-Валерьена французских патриотов, увозят людей в лагеря смерти, арестовывают, разлучают жен с мужьями, родителей с детьми. И это ему партизаны Парижа вынесли смертный приговор.

Все это знает Жермен. Она не знает только, когда и кто приведет приговор в исполнение. Она — только маленькое звено в цепи мстителей за народ.

— Ты не заметила, на нас обратили внимание? — спрашивает Гюстав, погруженный в какие-то расчеты.

— Кажется, не больше, чем на других.

— Тогда — за ними. Только не приближаться.

Еще шесть кругов по лесу. Всадников все прибавляется. Кажется, солнце пригнало сюда всех прожигателей жизни. Это очень на руку Гюставу и Жермен. Они знают: сейчас, во время прогулки фон Шаумбурга, за каждым деревом засели полицейские и охранники. За каждым всадником наблюдают. Но Гюстав и Жермен так заняты флиртом, так нежно склоняются друг к другу, так непринужденно смеются...

— Восемь пятьдесят три. Они возвращаются,— опять регистрирует Гюстав.— У виллы его ждет машина. Сейчас он поедет в комендатуру.

— Наши там?— чуть слышно спрашивает Жермен.

— И там и по всему его пути.

И правда, если бы в это утро вы вздумали пройтись по улице Николо, вы могли бы вдруг приметить в очереди у булочной долговязого вихрастого подростка в больших, не по ноге туфлях. Вы без труда узнали бы «последние в жизни», на этот раз старательно залатанные и начищенные. Да, Николь здесь,

у булочной. Магазины в Париже теперь открываются очень поздно, не раньше часа-двух: нечем торговать. Но очереди выстраиваются с утра, и у Николь полная возможность наблюдать.

Николь не сводит глаз с улицы. Без такси, без машин у тротуаров, без обычной нарядной парижской толпы улица выглядит мертвой. Душа покинула город. И только напротив, над входом в красивый особняк, лениво полощется на ветру огромный флаг со свастикой. Эта свастика терзает сердце Николь. Ей больно за Париж, за ее Париж! И солдат, который марширует с автоматом вдоль особняка, и другие немцы, проходящие в своих сине-зеленых мундирах мимо людей в очереди,— это все то же: унижение, рабство, позор народа, позор города.

Именно в эту минуту мимо, как черная молния, проносится закрытый автомобиль. Лимузин. За темноватым пуленепробиваемым стеклом бритое, с мощной нижней челюстью лицо под козырьком нацистской фуражки.

«Фон Шаумбург!»— мгновенной вспышкой отдается в мозгу.

— Девять двенадцать...

— Что? Который час? Вы сказали, мадемуазель, девять часов и сколько минут?.. Спасибо. Как, вы уходите? А как же ваша очередь?

— Очень жаль, но я должна успеть к дантисту.

Длинные ноги несут Николь по улицам. Вот авеню Поль Думер, сюда направился черный лимузин. Но его уже давно нет. Фон Шаумбург, наверное, давно сидит у себя в комендатуре, на улице Риволи. Николь знает: несколько товарищей должны стоять на постах на авеню Поль Думер и на улице Риволи.

Мгновение ей кажется, что возле табачного киоска на углу мелькнули две знакомые головы — одна светлая, вся в мелких кудряшках, другая темная, с гладкими, косо спускающимися на лоб темными волосами. Что? Поль и Дени, оба русских, тоже тут? Нет, не может быть! Николь просто померещилось, уж слишком часто видится ей на парижских улицах тонкая юношеская фигура.

Проходит много дней. Уже изучены все привычки и пристрастия коменданта Большого Парижа, распорядок его дня — час за часом, минута за минутой, изучены все его друзья, все служащие комендатуры. Его шоферы. Его охрана.

Вначале подпольщики предполагали уничтожить фон Шаумбурга в самом Булонском лесу в тот момент, когда он выходит из дому. Но в Булонском лесу слишком много охранников, стрелявший неминуемо попал бы к ним в руки. Лозунг партизан: «Беречь каждого человека». Они не хотят рисковать своими людьми. Кроме того, важно показать всей стране, всем патриотам, что Франция жива, что Франция борется, и ни один фашистский палач не избежит возмездия, все найдут свой бесславный конец.

Решено убить коменданта на улице.

...И опять сияло солнечное парижское утро. И опять, как каждый день, по авеню Поль Думер мчался черный автомобиль с фон Шаумбургом. Немец был в блестящей орденами парадной форме — вечером в комендатуре должен был состояться большой прием. Вот и угол улицы Николо. На повороте автомобиль слегка замедляет ход. Из-за угла выворачивается коренастый юноша-прохожий. Он поднимает руку, размахивается. Над автомобилем взметывается пламя. Грохот раскатывается по улице Николо, по авеню Поль Думер, по улице Риволи. Очередь у булочной рассыпается. На месте лимузина — искореженная куча металла и стекла.

Николь одна в лавке, когда врывается сияющая Жермен.

— Готов!

— Кто готов? Что случилось?

— Фон Шаумбург! С ним покончено! Только что бросили бомбу!

Николь стоит, побледнев. Наконец-то!

— Кто это сделал? Кому было поручено?

— Кто-нибудь из наших, конечно,— уверенно говорит Жермен.

— А точнее? Ты же должна знать, тебе Гюстав все говорит,— настаивает Николь. Она трепещет: что, если...

— Сегодня вечером все узнаем,— обещает Жермен.

И правда, к вечеру она возвращается откуда-то радостно-возбужденная:

— Ты понимаешь, уже во всех лагерях, во всех казематах прошел слух, что «в Париже сняли большую шишку». Это код. Все понимают — в Париже укокошили большого начальника.— Она щелкает пальцами. — Тебе, конечно, не терпится узнать имена? Так вот, это сделали ребята из группы молодого армянского поэта Мисака Манушяна. Вместе с ним были Марсель Рейман, Селестино Адольфо и Спартако Фонтано. Им удалось скрыться. Воображаешь, что теперь делается в полиции, в гестапо...— Она машет рукой.

— А наши? Русские? Они тоже участвовали?!— не выдерживает Николь.

— Каждый делал то, что ему поручено,— уклончиво отвечает Жермен.

СТРАНИЧКИ БОЕВОГО ДНЕВНИКА

В Орли взорван поезд, груженный военным оборудованием фашистов. На двадцать четыре часа прекращено все движение по линии.

На авеню Симон Боливар подожжен немецкий гараж. Девять грузовиков выведены из строя. На вокзале Батиньоль разбит целый состав, сформированный для отправки в Германию.

Офицерский дом отдыха подожжен бутылкой с зажигательной смесью.

В немецкие офицерские рестораны на улице Каир, на улице Лафайетт, в кафе на бульваре Гаусманн, в морские казармы на площади Конкорд, в военный комиссариат Нейи брошены бомбы. Множество убитых и раненых.

Возле метро Дюплекс в грузовик, полный неприятельских солдат, брошена граната. В тот же день гранаты были брошены в колонну гитлеровцев, проходивших мимо военной школы. Американский бар на площади Этуаль, предоставленный офицерам вермахта, был атакован: гранаты летели прямо в окна.

Рано утром седьмого мая 1943 года в парижском пригороде были взорваны столбы линии высокого напряжения. Множество заводов, из тех, что работали на оккупантов, стали. Были потеряны тысячи рабочих часов. Фашисты бесились, но франтирёры оставались неуловимыми.

Девятого мая группа партизан с командиром, известным под именем «полковника Жиля», напала у Одеона на группу эсэсовцев. Эсэсовцев забросали гранатами.

Двадцать второго мая на бульваре Линне атакована немецкая машина. У фашистов множество потерь. Партизаны благополучно ускользнули.

Пятого июня на Итальянском бульваре, в самом центре Парижа, днем у кафе убит полковник-гитлеровец. Франтирёрам удалось скрыться.

Пятнадцатого июня перед вечером тоже в центре Парижа, у церкви д'Отейль, франтирёры атаковали машину, полную военных моряков и офицеров. При атаке уничтожено тридцать вражеских моряков.

Двадцать девятого сентября на улице Петрарки в машине был убит вице-президент комендатуры Парижа штандартенфюрер войск СС Юлиус Рейтер.

* * *

День за днем, час за часом заполняются страницы боевого дневника. За каждой строчкой — отвага, ловкая, продуманная подготовка, воля, ненависть к фашизму, любовь к родине.

ТРЕВОЖНЫЕ НОЧИ

Посреди ночи Жан-Пьер разбудил крепко уснувшую Фабьен.

— Послушай-ка, там, в подвале, какой-то шум... Или, может, мне кажется? Ведь я выпил на ночь этой твоей бурды, которую ты называешь кофе...

— Нет, не кажется,— прислушалась и Фабьен.— В самом деле какие-то голоса.

Проснулся и Андре на своей верхотуре. Спрыгнул, стал натягивать штаны.

— А вдруг боши?! С обыском?! Слышно много голосов!

— Наверное, это — радио,— подала сонный голос Арлетт.

— Какое радио? У нас нет никакого радио. Ты что, бредишь?

— Ничуть. Вечером Филипп Греа дал мне для наших приемник. Он сам собирал больше месяца. Принимает Лондон и даже, кажется, дальше... Наверное, это Дени его наладил.

Андре не удержался, шлепнул сестру.

— Что за девчонка! Вы только ее послушайте: раздобыла приемник, который нужен нам, как воздух, и ни слова не сказала! Ты что, с нами конспирацией занимаешься?

— Да вы все уже легли. Не хотела вас беспокоить.

Андре недоверчиво фыркнул.

— Скажите, пожалуйста, какая заботливая! Боялась нас разбудить? Скажи, просто хотела покрасоваться перед русскими, выставить себя героиней.

— Тише вы, прекратите сейчас же!— потребовал отец.— Андре, спустимся к нашим. Нужно все-таки выяснить, в чем дело. На радио, по-моему, это не похоже.

Однако Келлеры не успели одеться, как оба русских, даже не постучав, ворвались к ним.

— Кричите ура!— потребовал задыхающимся от радости голосом Даня.— Наши взяли Харьков! Мы сами, слышите, мы сами слышали передачу! Сообщение от Советского Информбюро! Вы понимаете, взят Харьков!

— О, Харьков — это, кажется, очень большой город? Кажется, четвертый или третий после Москвы и Ленинграда? — Келлер потряс руки Дане и Павлу.— Мы поздравляем, мы горячо, от всей души поздравляем!

— Да не в том дело, что большой!— замотал головой Даня.— Дело в том, что Харьков в какой-нибудь сотне километров от Полтавы! От моей Полтавы, вы понимаете?! Три часа езды на поезде! Значит, дня через два-три наши освободят и Полтаву! Полтава будет свободна!

— И Данькину родню, значит, вот-вот освободят,— громко, точно глухим, объяснял Павел.— Понимаете, стали мы этот приемничек налаживать, я думал он плёвый, ничего путного не возьмет. И вдруг слышим, по-русски про Харьков передают. Я первый услыхал, а потом и Данька разобрался, что к чему. Мы с ним ведь еще и не ложились, все налаживали радио. Первый раз услышали нашу передачу!

— О, Дени, как это хорошо! Мы так рады за тебя. Дени, мы так тебя понимаем!— Все семейство Келлеров окружило Даню — кто в пижаме, кто в длинной, до пят ночной сорочке.

Фабьен сказала тихо:

— Наверное, сегодня твоя мама думает о тебе, как и ты о ней, Дени. Ведь и она тоже, конечно, слушала радио и знает, что занят Харьков.

— Радио? Да что вы, Фабьен! Немцы у нас расстреливают людей, если находят у них радио,— нахмурился Даня.— Еще в первые дни они велели всем сдать приемники.

Келлеры замолчали. Отрывистое, сухое слово «расстрел» мгновенно точно выдуло радость из маленькой квартирки. Все невольно вспомнили, что сейчас глубокая ночь, что все раздеты, все они среди врагов и, кто знает, кто ходит сейчас за окнами, и скоро ли придет победа. Келлер осторожно отодвинул ставень, выглянул в окно. Фабьен и Арлетт стыдливо закутались в одеяла, и только Андре с Павлом еще пытались шутить, и смеяться, и требовать у Жан-Пьера бутылочку винца, чтобы спрыснуть победу под Харьковом.

— Завтра спрыснем,— сказал Келлер-старший.— А сейчас не забывайте, что вы в оккупированном городе и, если будете шуметь, сюда нагрянут боши.

Но еще долго в домике над сельской лавкой не спали, думали о далеком Харькове, о незнакомой Даниной матери. А когда Даня заснул, ему привиделись вишневые полтавские сады в белой кипени цветов.

* * *

Все следующие дни оба русских были в непрерывном нервном волнении. Они то сидели у приемника — ждали новых сообщений из Советского Союза, то бегали наверх к Келлерам узнавать, нет ли распоряжений от Гюстава или от Сергея. Обоим — и Павлу и Дане — теперь, когда они сами узнали о продвижении русских, было невыносимо сидеть без дела. Наконец, как-то утром появилась Николь — опять с восковками.

— Надо отпечатать как можно больше экземпляров,— сказала она.— Здесь все сказано о победе советских войск у Харькова и вообще о продвижении русских. Когда сделаете, сами же их и развезете. На этот раз вам дается район возле университета и вокзала Монпарнас.

— Ого, далеконько придется топать,— подал голос Павел.— Велосипед с собой не возьмешь, тем более, что мы будем втроем.

— Гюстав строго-настрого приказал, чтобы не было никаких «адских машин», иначе наверняка засыплетесь,— продолжала Николь.— Есть сведения, что за всеми высокими зданиями полиция установила постоянную слежку. Вы-таки устроили в Париже недурную шумиху!— Она смеющимися глазами посмотрела на Даню.— Зато теперь, дорогие изобретатели, вам придется вернуться к дедовскому способу. Банка с клейстером и кисть — вот ваши орудия,— насмешливо добавила она и тут же пожалела о своих словах — увидела, как понурился Даня.

— Орудия каменного века, вот что ты нам рекомендуешь,— попробовал он отшутиться, но ему было совсем невесело. Опять листовки, а настоящее дело когда же?

Даня размахнулся, швырнул в голову полицейскому банку с клейстером и изо всей силы мазнул его липкой кистью по лицу.

HOTE
B.R

Николь тронула его за рукав — она как будто читала его мысли.

— Потерпи немного. Скоро все мы примемся за другое...

Даня нетерпеливо дернул плечом: утешает, как маленького. Павел тоже злился, рывком забрал восковки, кинул:

— Идем, Данька, будем опять вертеть нашу кофейную мельницу.

И все же листовки были отпечатаны, и на следующую ночь три тени бесшумно выскользнули из сельской лавочки в Виль дю Буа. Ночь была тихая, теплая, беззвездная. Им предстояло прошагать много километров сначала по предместью, потом по безлюдному в этот час шоссе и затем по Парижу. Первым, как всегда, шел Андре. При нем не было ни бумаг, ни документов — ничего компрометирующего, что могло бы навести полицию или немцев на подозрение. Андре был дозорным, разведчиком. Условились: если заметит что-нибудь подозрительное, он тотчас останавливается, зажигает спичку и делает вид, что закуривает. Метрах в тридцати от Андре шагал Даня, неся банку с клейстером и кисть. Последним, в двадцати метрах от Дани, шел Павел с пачкой листовок под мышкой.

Тройка благополучно миновала Виль дю Буа — тихий, спящий поселок, пустынное шоссе и вступила в город. Здесь надо было соблюдать особую осторожность: по парижским улицам то и дело ходили патрули. Но тройке везло. Квартал. Еще квартал. Вот уже и университетский район и вокзал Монпарнас. Андре беспечно шагает первым. За ним Даня, который на ходу делает мазок кистью на стене или какой-нибудь двери, а Павел, тоже на ходу, уже привычным движением пришлепывает листовку к мазку.

Но вот тройка расклеила весь свой запас листовок. Наутро студенты и пассажиры вокзала увидят сообщение о победе советских войск. Андре негромко свистит: «Кончили. Возвращаемся домой». И в это мгновение из-за угла улицы Бургонь прямехонько на тройку вывернулись три велосипедиста. Полицейские. Андре не успел чиркнуть спичкой — полицейские были уже перед ним. Но мальчишка — слишком мелкая добыча. Их внимание сразу привлек Даня.

— Проверка. Ваши документы.

Кровь бросилась Дане в лицо. Непроизвольным жестом он размахнулся, швырнул в голову ближайшему полицейскому банку с клейстером и изо всей силы мазнул его липкой кистью по лицу. Ослепший, задыхающийся полицейский протянул руку, чтобы схватить Даню, но тот увернулся и бросился бежать по улице, ведущей к Сене.

— Держи!— закричал высоким, тонким голосом полицейский.

Второй «флик» рывком кинул свой велосипед на Павла, чтобы сбить его с ног, выхватил пистолет.

— Ага, от меня не уйдешь, негодяй!

Павел отпрыгнул в сторону и тоже кинулся бежать. Он успел еще увидеть, как полицейский перескочил через упавший велосипед, но зацепился за него и на мгновение задержался. Этого мгновения было достаточно, чтобы вся тройка бесследно растворилась в темноте. Третий полицейский, как видно, не решился их преследовать.

В доме Келлеров в эту ночь никто не ложился. Не вернулись из «операции» Андре и оба русских. Когда начало рассветать, Келлер-старший решительно направился к двери.

— Поеду предупредить товарищей. Конечно, их забрали. Если придут за мной, скажете, что я уехал за товаром в город. А я, прежде чем вернуться, подошлю кого-нибудь проверить обстановку. Впрочем, я в наших парнях уверен: они не проговорятся.

Фабьен и Арлетт, обе бледные, взволнованные, молча помогали отцу собираться. В ту минуту, когда Жан-Пьер уже выводил из дверей лавки свой велосипед, раздался условный стук.

— Наши!— вскрикнула Арлетт.

Это был один Андре, весь заляпанный известкой, бледный и растерянный. Келлеры бросились к нему,

— Наконец-то! Что случилось?! Куда вы все пропали?!

— Наши вернулись?— вместо ответа спросил Андре и, узнав, что нет ни Дани, ни Павла, встревоженно сказал:

— Но я же сам видел, как они оба удрали от «фликов». Где же они?

Он рассказал о ночном приключении.

— Какой же несдержанный этот Дени,— покачал головой отец.— Ведь он мог всех подвести... Показал бы свой документ — все и обошлось бы.

— А про банку с клеем и кисть ты забыл?!— вступился за друга Андре.— Как, по-твоему, он стал бы объяснять «фликам» свою прогулку по Парижу ночью с клейстером?

— Ты проверил, нет за тобой слежки? — спросил отец.— Вдруг привел за собой хвост?

— Ну, папа, ты уж меня совсем за маленького считаешь,— обиделся Андре.— Я потому и провел ночь в каком-то подъезде, чтобы уж совсем было безопасно. И разве я вернулся бы сюда, если бы заметил слежку?

— Но ты все-таки выспался?— наивно спросила Арлетт.

Андре присвистнул.

— Еще бы: спал, как заяц, за которым гонятся собаки.— Он нахмурился.— Но где же, черт возьми, Дени и Поль? Просто не верится, что их сцапали.

— Я все-таки поеду, предупрежу наших.— Жан-Пьер снова взялся за велосипед.— Это вам не шутки.

Андре остановил его.

— Погодим еще немного, папа. Скажем, до восьми утра. Сейчас шесть. Назначим контрольный срок — два часа — согласен?

И как бы в ответ на его слова снова раздался условный стук, и в дверях появился Даня.

— Ура! Нашелся!— завопила Арлетт и повисла на шее Дани.— Я была уверена, что они удрали!

Даня, смеясь, обнял девочку.

— Тише ты, сестричка, всех соседей подымешь!

В противоположность Андре Даня выглядел совершенно бодрым и свежим.

— Ба, ты, кажется, отлично провел ночь? В каком отеле?— немного досадливо осведомился Андре.

— Занимал номер-люкс на Марсовом поле,— в тон ему отвечал Даня.— Ванна, телефон, радио — все удобства...

— Ну, а если по-серьезному?— спросил Жан-Пьер.

— По-серьезному схоронился за кустами на Марсовом поле, прямо за спиной постового полицейского. Так и проторчал там всю ночь, согнувшись в три погибели.

Жан-Пьер крякнул:

— Ну и парень! Не знаю, пробирать тебя со всей строгостью или хвалить... Неизвестно, как еще посмотрят на все это наши. Тут Андре такое нарассказал о твоем подвиге! Как ты залепил клейстером прямо в морду «флику»...

— Сам не знаю, как это у меня вышло,— виноватым тоном сказал Даня.— Уж очень поганая была морда — с пистолетом!

— Чего ты извиняешься!— завопил вдруг Андре.— Тебе орден надо дать, а ты извиняешься. У, был бы я командиром, я непременно наградил бы тебя.

— И я! И я!— подхватила Арлетт.

— Ну, пока вы еще не командиры, уймитесь,— остановил ребят отец.— Арлетт, помоги матери завтраком. Надо накормить наших героев. У них, наверное, после всех подвигов животы подвело.

— А где Поль? Спит?— справился Даня.

— Еще не вернулся,— как можно непринужденнее сказал Жан-Пьер.— Да ты не беспокойся, Андре видел, как он удрал от «флика» и помчался вслед за тобой. Тоже где-нибудь отсиживается.

— Да-да, я сам видел, как полицейский зацепился брюками за свой велосипед, а когда наконец отцепился и кинулся в погоню, Поля и след простыл!— с жаром подтвердил Андре.— Он скоро придет.

— Мы назначили контрольный срок,— кивнул Жан-Пьер.— Ждем до восьми утра. Если он не вернется, то...

Жан-Пьер не докончил. Впрочем, ему и самому было не очень-то ясно, что делать, если не вернется Поль.

Фабьен и Арлетт принялись готовить завтрак. Между тем стрелка часов приближалась к восьми. Жан-Пьер принимался все чаще задумчиво чесать переносицу, что было признаком тревоги.

Даня и Андре тоже то и дело смотрели на часы. И вот, когда до контрольного срока оставалось минут шесть-семь, кто-то тихонько поскребся у дверей. Условного стука не было, и все присутствующие уставились друг на друга.

— Кто это может быть?— шепотом спросила Фабьен.

За дверью вдруг нетерпеливо сказали:

— Есть кто-нибудь дома? Открывайте!

— Поль!— воскликнул Андре.— Это он!

Да, это был Павел.

Ты, конечно, хочешь узнать о том, что случилось дальше с Даней, с Павлом и с их французскими друзьями, как они сражались с фашистами и побеждали даже в тылу врага, хочешь узнать, встретил ли Даня своих родных,— ну, что ж, ты скоро сможешь обо всем прочитать: книга Анны Иосифовны Кальмы скоро выйдет в издательстве «Детская литература». Обязательно достань ее в библиотеке.

На цветной вклейке у нас сегодня ИГРА

А КАК В НЕЕ ИГРАТЬ?

Едва ли тут нужны длинные объяснения. Тебе, наверное, и так все понятно. Играть могут и двое, и трое, и больше ребят. Нужны лишь кубик да на каждого игрока по фишке.

Если фишка оказалась на желтом кружочке, двигайся немедля вперед — туда, куда показывает стрелка. Если попала на оранжевый кружок, постой, пропусти один ход. Хуже всего останавливаться на синем — надо поворачивать назад.

Почему? Посмотри на рисунок на цветной вклейке — и все поймешь.

«ФОНАРИК» открывает свой первый театральный сезон.

— Не приходилось слышать о таком театре? Ну, разумеется, ведь это же НЕСЛЫХАННЫЙ театр. И НЕВИДАННЫЙ, потому что его нельзя и увидеть. Его можно лишь вообразить себе, потому что это ВООБРАЖАЕМЫЙ ТЕАТР

Его адрес — журнал «Пионер», страницы 51—57.

В нашем театре согласились сотрудничать самые знаменитые Мастера Сценических Волшебств. Со временем ты познакомишься с ними, и они откроют тебе важные секреты своего мастерства. Об этом уже позаботился директор театра «Фонарик» З. А. Кулисный.

Правда, нужно добавить, что у нашего театра может быть не один, а сотни адресов. Он может превратиться в ВИДИМЫЙ и СЛЫШИМЫЙ театр во дворе и в школе, в клубе и лагере. Есть у него такое необыкновенное свойство.

Внимание! Наступает торжественная минута. Тебе предоставляется право ОТКРЫТЬ НАШ ТЕАТР. Ну же, смелее!

ПРОЛОГ

ДИРЕКТОР ТЕАТРА И ПИСАТЕЛЬ

Директор театра. Я директор театра. Войдите в мое положение. Сегодня праздник. Вы пришли на представление. А представлять нечего. Декорация есть, актеры все налицо, а пьесы для представления нет. Я вчера вечером пытался вспомнить хоть какую-нибудь сказку, но все перепутал... Что мне делать?

На сцену поднимается писатель с тремя свертками.

Директор. Что вам угодно? Кто вы такой?

Писатель. Я писатель. Принес вам три сказки.

Директор. Сказки? Они-то мне и нужны. О чем?

Писатель *(протягивая первый сверток).* Это, товарищ директор, очень веселая сказка о путешественнике, который попал в обезьянье царство.

Директор. Обезьянье царство? Это интересно и ново. Посмотрим.

Читает, оставаясь сначала серьезным, потом начинает смеяться все громче и громче. Наконец падает от смеха со стула.

Директор *(подымаясь с пола).* Нет, эту пьесу поставить на сцене нельзя. Порядка не будет. Актеры будут смеяться, зрители будут смеяться, суфлер в будке будет смеяться... Что же получится? Для меня главное — порядок! Посмеяться в театре можно, но в меру. А вторая ваша сказка о чем?

Писатель. Это, товарищ директор, очень грустная сказка о мальчике, который утонул в пруду.

Директор. Да, это, по-видимому, грустная история. Посмотрим.

Читает. Во время чтения он становится все печальнее, всхлипывает, вынимает из кармана платок, плачет и, наконец, громко рыдает.

Директор. Нет, эту пьесу поставить на сцене нельзя. Порядка не будет. Актеры будут плакать, зрители будут плакать, суфлер в будке будет плакать... Что же получится? Поплакать в театре можно, но в меру! А третья ваша сказка о чем?

Писатель. Она называется «Зеленый мяч».

Директор. Ну, что ж, посмотрим.

Читает сначала с серьезным выражением лица, потом улыбается, иногда приплясывает.

Директор *(пожимая руку писателю).* Вот эту сказку можно поставить на сцене. В ней всего в меру: и призадуматься есть над чем и посмеяться можно.

Писатель. А когда же будут ее представлять?

Директор. Через две минуты. У меня все делается очень быстро. Главное — порядок.

Писатель. Через две минуты? Но ведь она очень трудная. Первое действие происходит днем, второе вечером...

Директор. Это пустяки. У меня солнце, луна и звезды — все наготове. Прикажу — взойдет солнце, и настанет день. Захочу — настанет ночь, и весь театр заснет. У меня в подвале и дождь, и град, и планеты, и кометы — все есть.

Писатель. Вот удивительно! Вы настоящий волшебник. А, скажите, у вас есть принцы и принцессы? У меня в сказке участвуют принцы и принцессы.

Директор. Конечно, есть. У меня пятнадцать принцев и сорок две принцессы. Довольно с вас?

Писатель. Вполне достаточно. Мне и половины много.

Директор. А теперь, товарищ писатель, если хотите увидеть вашу сказку на сцене, идите в зрительный зал и займите свободное место. Вон там стул не занят.

Писатель. До свидания, очень вам благодарен. *(Уходит, но сейчас же возвращается.)* Скажите, товарищ директор, у вас в театре имеется лягушка? У

меня в сказке есть лягушка. Сначала она заколдована, а потом расколдована.

Директор. Какой же был бы у меня театр, если бы в нем даже лягушки не было? У меня есть несколько дюжин заколдованных лягушек и столько же расколдованных. Идите же на место, товарищ писатель. Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Писатель. Ах, какой вы замечательный человек! *(Уходит в зрительный зал.)*

Директор.

Все готово. Есть в подвале
Много сказочных чудес.
Потушите лампы в зале!
Дайте небо! Ставьте лес!

Пусть взойдет из-за портьеры
Солнце в тысячу свечей.
Принцы, дамы, камергеры,
Одевайтесь поскорей!

Всем по вкусу будет пьеса.
В ней для каждого есть роль:
Есть лягушка, есть принцесса,
Есть лакей и есть король.

Нет теперь чудес на свете,
Только сказки есть у нас,
И одну из сказок, дети,
Вы увидите сейчас!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Королевский двор, площадка, бассейн. Выходят принцесса, камергер, придворные дамы, слуги, стража.

1-я придворная дама. Принцессе угодно позабавиться игрою в мяч. Пусть стража стоит у ворот парка и никого не впускает.

Двое стражей с копьями становятся по обе стороны площадки.

2-я дама. В какой мяч угодно будет поиграть принцессе — в золотой или серебряный, красный или зеленый?

Принцесса. Я еще вчера вам сказала, что, может быть, сегодня я буду играть в зеленый мяч!

2-я дама. Конечно, в зеленый! Принцесса не могла выбрать другого! *(Камергеру.)* Прикажите принести зеленый мяч.

Камергер *(слуге)*. Пойдите к государственному канцлеру, возьмите у него золотой ключ от десятой кладовой принцессы и принесите зеленый мяч. Он лежит на тридцать третьей полке направо, под номером семьсот четвертым.

Слуга. Слушаю. *(Уходит.)*

Принцесса. Ну, где же мой мяч?

2-я дама. Ваше приказание передано камергеру.

Принцесса. Что же, он пошел за мячом?

2-я дама. Принцесса знает, что по придворному этикету камергер не может сам идти за мячом. Он передал ваше приказание слуге. Слуга получит ключ у канцлера и принесет вам зеленый мяч.

Принцесса. А скоро его принесут?

2-я дама. Я сейчас осведомлюсь об этом у камергера. Будьте добры сказать, камергер, скоро ли принесут зеленый мяч принцессы?

Камергер *(вынимая огромные часы)*. Я полагаю, что посланный вернется с мячом принцессы через двенадцать минут.

Принцесса. Ах, как долго!

Камергер. Принцесса знает, что нужно соблюсти все необходимые правила.

Принцесса. Ах, как скучно!

2-я дама. Не угодно ли принцессе в ожидании мяча позабавиться игрой в загадки?

Принцесса. Я не умею отгадывать загадки.

1-я дама. Принцесса шутит! Принцесса так догадлива!

2-я дама. У принцессы такой острый ум!

Камергер. Необычайно острый ум!

Принцесса. Хорошо, загадайте какую-нибудь загадку.

1-я дама *(делая реверанс)*. С вашего позволения, принцесса, вот моя загадка: круглое, как апельсин, летает без крыльев, прыгает без ног; кто его любит, тот его бьет.

Принцесса *(хлопая в ладоши)*. Я знаю!

Все. Принцесса так догадлива! Что же это?

Принцесса. Барабан!

Неловкое молчание.

1-я дама. К сожалению, принцесса не угадала. Барабан ведь не летает и не прыгает.

Принцесса. Ну, я не знаю. Пускай угадывают другие!

Камергер.. С вашего позволения, это — яблоко!

Все. Яблоко?

Камергер. Оно круглое, его сбивают с дерева, и тогда оно летит вниз и прыгает.

1-я дама. Нет, вы не угадали!

2-я дама. По-моему, разгадка гораздо проще.

Принцесса. Ну что же это такое?

2-я дама. Это Боби, такса нашей принцессы. Она почти круглая, ее часто бьют, и она очень хорошо прыгает.

Принцесса. Но ведь у нее же есть ноги!

2-я дама. Очень маленькие. Какие же у таксы ноги!

Все смеются.

1-я дама. Нет, это совсем не то!

Принцесса. Что же это такое? Мне надоело думать! Скажите скорее, что это такое!

1-я дама. Это то, чего ждет принцесса,— мяч!

Принцесса. Верно, верно — мяч! У него-то уж в самом деле нет ног, даже маленьких. А скоро мне принесут мой мяч?

Камергер. Его уже несут!

Слуга приносит зеленый мяч на золотом подносе и передает его с поклоном камергеру. Камергер с поклоном передает его 2-й даме, дама — принцессе.

Принцесса. Отойдите, пожалуйста, в сторону! Мне негде играть!

Все расступаются.

2-я дама. Камергер, прикажите слугам наблюдать за тем, чтобы мяч не упал на землю.

Камергер *(слугам)*. Исполните приказание придворной дамы! Я предупреждаю вас, что, если мяч принцессы упадет на землю и запылится, вы будете брошены в темницу на три года.

Слуги. Слушаем! *(Становятся по сторонам.)*

Принцесса. Какое сегодня яркое солнце!

2-я дама. В самом деле, какое яркое солнце! Камергер, почему сегодня такое яркое солнце?

Камергер. К сожалению, не я распоряжаюсь солнцем. Оно поручено королевскому астроному.

Общее замешательство.

1-я дама. Можно раскрыть зонтики...

2-я дама. Раскройте зонтики!

Камергер. Раскройте зонтики.

Слуги раскрывают зонтики. Принцесса бросает мяч вверх. Слуга его ловит, несет его другому слуге, тот камергеру, камергер 2-й даме, дама принцессе.

Принцесса. Благодарю вас!

Все кланяются и приседают. Принцесса снова бросает мяч. Несколько раз повторяется та же сцена.

Принцесса. Благодарю вас! Только так играть я больше не хочу. Это скучно! Уходите, пожалуйста!

2-я дама. Но кто же будет подавать принцессе мяч?

Принцесса. Гораздо веселее, когда никто не подает.

2-я дама. Но принцессе придется наклоняться самой!

Принцесса. Я и буду наклоняться сама!

2-я дама *(камергеру)*. Принцесса будет наклоняться сама!

Камергер *(с ужасом)*. Принцесса будет наклоняться сама!

Слуги. Сама!

Принцесса *(топая ногами)*. Уходите, уходите все прочь!

2-я дама. И я тоже?

Принцесса. И вы.

2-я дама. Слушаю. *(Поднимая руки к небу.)* Небывалый случай в королевстве!

Все уходят.

Принцесса *(весело играя в мяч)*. Раз-два-три-четыре, раз-два, раз-два, раз-два, раз-два-три! *(Бегает по сцене с мячом.)* Так гораздо веселей! *(Бросает мяч вверх, мяч падает в бассейн. Принцесса наклоняется.)* Ах, мне не достать! Мяч на самом дне бассейна... Что мне теперь делать? Фу, какая там противная лягушка! Лягушка, лягушка, брось мне мой мячик, я тебе дам золотую монетку.

Голос лягушки. Мне не надо золотой монетки!

Принцесса *(смеется)*. Ха-ха-ха, что же тебе нужно?

Лягушка. Я хочу быть твоей подругой!

Принцесса. Моей подругой быть нельзя. Я принцесса!

Лягушка. Тогда я не дам мяча!

Принцесса. Ах, какая противная! Ну хорошо, будь моей подругой.

Лягушка. Не забудь же своего обещания! *(Бросает мяч.)*

Принцесса *(ловя мяч)*. Ах, мой милый мячик! Глупая лягушка, как же она будет моей подругой?

Лягушка *(выскакивая)*. Ну пойдем вместе во дворец!

Принцесса. Фу, какая противная лягушка! Разве тебя пустят во дворец? Все придворные дамы испугаются, а стража заколет тебя копьями. *(Убегая.)* Попробуй-ка прийти во дворец!

Лягушка. Ква-ква-ква. Куда ты, моя принцесса, торопишься? Мне не поспеть за тобой. Я не умею ходить так скоро. Ква-ква-ква, я тоже иду во дворец. Я буду с тобой сегодня ужинать! Ква-ква-ква! *(Скачет.)*

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Покои дворца. Стол. За креслами стоят слуги.

1-й слуга. Все ли готово к ужину короля и принцессы?

2-й слуга. Все готово к ужину короля и принцессы.

1-й слуга. Поставлены ли золотые тарелки?

2-й слуга. Золотые тарелки поставлены.

1-й слуга. Положены ли золотые ножи и вилки?

2-й слуга. Золотые ножи и вилки положены.

1-й слуга. Приготовлены ли золотые стаканы?

2-й слуга. Золотые стаканы приготовлены.

1-й слуга. Зажарены ли павлины в розовом масле?

3-й слуга. Павлины шипят на противнях.

1-й слуга. Сварены ли золотые рыбки в фиалковой воде?

3-й слуга. Уха вышла слишком слабой, и для крепости королевскому повару пришлось положить в нее два мандарина.

1-й слуга. Сбиты ли розовые сливки, и готова ли начинка для сладких пирожков?

3-й слуга. Сливки сбились на славу, а начинка в сладких пирожках будет сегодня из ландышей и лилий.

1-й слуга. Налито ли сладкое вино для принцессы?

2-й слуга. Откупорена новая бочка сладкого кипрского вина.

1-й слуга. Ударьте в гонг.

Удары в гонг. В одну дверь входит король и придворные, в дру-

гую — принцесса и дамы. Долгие поклоны.

Король. Весело ли ты играла, моя маленькая девочка, между обедом и ужином?

Принцесса. Очень весело, отец! Я играла в мяч.

Король. Ты играла со своими придворными дамами?

Принцесса. Нет, я играла одна.

Король. Как одна? *(С гневом придворной даме.)* Сударыня, разве вы не знаете, что принцессу нельзя оставлять одну? Мало ли что может случиться.

2-я дама. Принцесса изволила приказать нам уйти. Мы не смели ослушаться.

Король *(качая головой)*. Ах, какая своевольная девочка! Мало ли что может случиться! Ну, сядем ужинать.

Король и принцесса садятся. Остальные стоят.

Камергер *(1-му слуге)*. Принесите суп из ананасов.

1-й слуга *(2-му)*. Принесите суп из ананасов.

2-й слуга *(3-му)*. Принесите суп из ананасов.

3-й слуга уходит.

Король. В ожидании ужина пусть нам споют песню.

1-я дама *(выходит, делает реверанс и поет)*.

Нет на свете огорода
Лучше, чем у нас.
Здесь в любое время года
Зреет ананас.

Ананас, ананас,
Ананас не простой,
Он у нас,
Он у нас,
Он у нас золотой!

Король *(зевая)*. Прекрасная песня.

1-я дама. Я до слез растрогана милостивой похвалой короля!

Открывается дверь. Входит повар с миской, становится на колени и передает ее 3-му слуге, 3-й—2-му, 2-й — 1-му. Камергер снимает крышку и разливает суп.

Король *(оживляясь)*. Прекрасный суп!

Повар. Я до слез растроган милостивой похвалой короля!

Король. Отчего ты сегодня такая печальная, моя маленькая девочка? *(Стук в дверь.)* Кто там стучится?

Камергер. Кто смеет беспокоить короля во время его ужина?

1-й слуга *(2-му)*. Узнайте, кто беспокоит короля во время его ужина.

2-й слуга *(3-му)*. Пойдите посмотрите, кто беспокоит короля во время его ужина.

Третий слуга подходит к двери, все оборачиваются.

3-й слуга. Лягушка!..

Все. Лягушка!

Принцесса. Ах!

Лягушка. Здравствуй, принцесса! Отчего ты меня не подождала? Я очень устала. У вас такие высокие лестницы! Ква-ква!

Король. Что вы смотрите, камергер. В моем дворце—лягушка! Прогоните ее!

Лягушка. Нет, король. Меня нельзя прогнать. Я подруга вашей дочери.

Придворные. Ах!

Король. Как, лягушка — подруга моей дочери?

Лягушка. Спросите вашу дочь.

Король. Моя маленькая девочка, что это значит?

Принцесса. Ах, отец, прогоните лягушку! Она такая противная!

Лягушка. Нехорошо так отзываться о своей подруге.

Придворные. Ах!

Принцесса. Я не хочу быть твоей подругой. Ты гадкая, зеленая, скользкая!

Лягушка. Ты должна быть моей подругой. Ты мне обещала.

Придворные. Ах, какая дерзость!

Король. Моя маленькая девочка, объясни же, что все это значит. Имеет ли право лягушка называть тебя своей подругой?

Принцесса *(плача)*. Я уронила мячик в бассейн, а там была эта противная лягушка. Я просила ее кинуть мне назад мячик, а она потребовала, чтобы я стала ее подругой... Я обещала... Ведь я не знала, что она может прийти во дворец.

Король. Значит, ты обещала ей?

Принцесса. Я не знала, что она может прийти во дворец.

Король. Но ты обещала?

Принцесса. Что же мне было делать?

Король *(сурово)*. Ты обещала лягушке быть ее подругой?

Принцесса. Ну да, я пошутила!

Король. Если ты обещала, то должна исполнить. Подайте стул лягушке!

Камергер *(1-му слуге)*. Подайте стул... лягушке!

1-й слуга *(2-му)*. Лягушке... стул!

2-й слуга *(3-му)*. Лягушке...

3-й слуга. Стул... *(Ставит стул рядом с креслом принцессы.)*

Лягушка *(взбирается)*. Давно бы так! Милая принцесса, я хочу есть из твоей тарелочки.

Камергер. Ишь чего захотела, подлая лягушка! Простите, король, я забылся!

Принцесса *(плача)*. Я не буду есть из одной тарелки с этим зеленым уродом.

Лягушка. Я не урод, я твоя подруга!

Король. Ты дала легкомысленное обещание и должна платиться. Ешь из одной тарелки с лягушкой.

Принцесса кладет ложку. Лягушка ест одна.

Камергер. Принесите жареных павлинов.

1-й слуга. Жареных павлинов.

2-й слуга. Жареных павлинов.

Третий слуга подходит к двери и впускает повара с павлинами.

Король. Какой прекрасный запах! Не правда ли, сударыня?

1-я дама. Какой аромат! Я с удовольствием надушила бы свой платок этим соусом.

Камергер режет жаркое, дает королю и принцессе.

Король. Камергер, вы забыли положить жаркое лягушке.

Камергер *(поднимая руки с ножом и вилкой к небу)*. Я лишаюсь рассудка... Простите, король, я обмолвился.

Лягушка. Мне не надо тарелки. Я буду есть из тарелки принцессы.

Принцесса *(плача)*. Я не хочу есть вместе с тобой!

Лягушка. Как не хочешь? Ведь я твоя подруга!

Король. Лягушка права. Ты обязана выполнить свое обещание. Мы должны служить примером для наших подданных, как это нам ни тяжело.

Принцесса отодвигает тарелку. Лягушка съедает все.

Камергер. Принесите сладкие пирожки с ландышами и лилиями и разлейте вино.

Принцесса *(оживляясь)*. Ах, мои любимые пирожки!

Лягушка. И мои тоже! У нас в болоте растут очень вкусные лилии.

Принцесса. Не хочу пирожков! *(Плачет.)*

Повар вносит пирожки. Камергер раскладывает по тарелкам. Принцесса свою тарелку отодвигает и берет стакан с вином.

Лягушка. Я буду пить из твоего стакана!

Принцесса *(замахиваясь ложкой)*. Я убью тебя, противная лягушка!

Король. Моя дочь, твое поведение недостойно принцессы. В другой раз осмотрительнее выбирай друзей! Наш ужин окончен. А теперь, перед тем как идти спать, мы попросим принцессу позабавить нас танцами по нашему обыкновению.

Принцесса. Мне не хочется сегодня танцевать...

Лягушка. Отчего тебе не хочется? Я буду танцевать вместе с тобой!

2-я дама начинает громко рыдать.

Король. Что случилось с придворной дамой?

Камергер. Король спрашивает, что с вами случилось.

2-я дама. Простите меня! Сорок лет живу я при дворе. Я воспитала покойную королеву и не могу равнодушно видеть позора принцессы! Позвольте мне удалиться. *(Рыдает.)*

Камергер *(королю)*. Придворная дама просит позволения удалиться. Она чувствует себя немного нездоровой.

Лягушка. Я тоже пойду с принцессой!

Принцесса. Зачем ты пойдешь?

Лягушка. Я буду спать с тобой вместе в твоей золотой кроватке, на шелковой подушке, под атласным одеяльцем.

Принцесса *(топая ногами)*. Не хочу, не хочу спать с лягушкой! Я всю ночь спать не буду.

Король *(вздыхая)*. Что же делать! Ты должна держать свое слово до конца.

1-я дама с грохотом падает в обморок. Все вытирают слезы.

Король. Что случилось с придворной дамой?

Камергер. Придворная дама упала в обморок!

Король. Унесите придворную даму! *(Сквозь слезы.)* Прощай, моя бедная, маленькая девочка. Я тоже не засну сегодня ночью.

Принцесса делает реверанс. Лягушка тоже делает реверанс. Все уходят с поклонами и уносят придворную даму.

Принцесса *(размахивая ложкой)*. Вот тебе, вот тебе!.. Ах, кто вы? Где же лягушка? Дайте я ее убью!

Принц. Не нужно! Вы меня уже освободили.

Принцесса. Как освободила? Где эта зеленая уродина?

Принц. Я принц-лягушка! Два года тому назад, играя в саду своего дворца, я убил палкой восемь маленьких лягушат. За это злая колдунья превратила меня в лягушку. Расколдовать меня можно было только сильным ударом по голове. Два года я ждал избавления, но никто не бил меня по голове. Увидев вас, я полюбил вас с первого взгляда и решил рассердить вас для того, чтобы вы стали моей избавительницей. *(Становится на одно колено.)* Простите, принцесса, мою дерзость!

Принцесса. Ах, пожалуйста, принц! Простите меня за то, что я оскорбила вас, не зная, кто вы... Но я ужасно не люблю лягушек. Они такие противные, скользкие... Ах, я опять вас обидела!

Король. Пусть уходит. Дайте ей кусок сахару и накапайте на него для успокоения ландышевых капель. *(Дрогнувшим голосом.)* Я понимаю чувства придворной дамы. Нужно иметь королевское сердце, чтобы оставаться спокойным при таких обстоятельствах. Ну, моя дочь, я ожидаю твоего танца!

Принцесса танцует. В танец вступает лягушка. Принцесса прекращает танец.

Король. Довольно, моя маленькая девочка! За этот вечер мы оба с тобой устали... Иди ложись спать!

Лягушка. Ну пойдем, моя милая подруга, ляжем с тобой вместе в мягкую золотую кроватку!

Принцесса *(оглядываясь)*. А, теперь мы одни! Погоди же, зеленая, скользкая, мерзкая жаба! Я тебе задам! *(Хватает со стола разливательную ложку и замахивается.)*

Лягушка. Ты хочешь драться? Ну попробуй, попробуй!

Принцесса. Ты думаешь, я тебя боюсь? Вот тебе, вот тебе, жалуйся на меня!

Мрак. Лягушка исчезает. Вместо нее появляется принц.

Принц. Пожалуйста, я не обижаюсь. Я сам терпеть не могу лягушек, особенно после того, как прожил среди них два года. А теперь, принцесса, давайте поцелуемся и станем настоящими друзьями.

Целуются. Потом, взявшись за руки, подходят к рампе.

Принцесса.

Порой таит смешная маска
Черты прекрасного лица...

Принц и принцесса *(вместе)*.

Как ни грустна бывает сказка,
Читайте сказку до конца!

О ТОМ, КАК С. Я. МАРШАК НАЧАЛ ПИСАТЬ ДЛЯ ДЕТЕЙ

В начале 20-х годов Маршак жил в Краснодаре. Он был уже известным литератором, напечатавшим за пятнадцать лет несколько сот лирических и публицистических стихотворений, рассказов, очерков, переводов. Но, хотя он писал для взрослых читателей, его всегда тянуло к детям.

Еще юношей, живя у Горького в Ялте, он обучал грамоте целую группу ребят. Он часто бывал в петербургских начальных школах и приютах, любил придумывать для ребят забавные истории, с увлечением участвовал в их играх. В начале 1914 года он прожил несколько месяцев в основанной на полном самообслуживании лесной «Школе простой жизни» на юге Англии, занимаясь вместе с ребятами изучением природы, огородничеством, плотницким делом, музыкой и поэзией. В годы первой мировой войны в Воронеже он активно помогал детям беженцев из прифронтовой полосы, а сразу после освобождения Краснодара Красной Армией целиком посвятил себя помощи беспризорным и голодающим детям, которых после войны было очень много. Вместе с героем гражданской войны, политработником Красной Армии заведующим Кубанским отделом народного образования М. А. Алексинским и другими товарищами Маршак организовал в Краснодаре для этих детей «Детский городок» — прообраз современных дворцов пионеров, в котором были различные кружки, мастерские, классы, библиотека. Бездомные, голодающие ребята получили здесь жилье, пищу, одежду.

Но Самуил Яковлевич знал, что этого детям мало — им нужна была радость, поэзия. И он сделал ядром «Детского городка» детский театр и привлек к участию в нем замечательных актеров, художников, композиторов. А так как детских пьес в это время не было, он вместе со своим другом, поэтессой Елизаветой Ивановной Васильевой, сочинил специально для этого театра больше двадцати пьес и прологов. С этих пьес и началась его работа детского писателя. Они были опубликованы в 1922 году в ставшем библиографической редкостью краснодарском сборнике Е. Васильевой и С. Маршака «Театр для детей». Некоторые из пьес этого сборника написаны в основном Маршаком, некоторые — Васильевой, некоторые они писали совместно. Известные пьесы-сказки Маршака «Кошкин дом», «Сказка про козла», «Горя бояться — счастья не видать» появились в первоначальном, очень кратком виде в этом сборнике. А многие другие пьесы и прологи с середины 20-х годов не переиздавались и оказались забытыми. Мы хотим познакомить с ними читателей нашего журнала. Сегодня мы печатаем пьесу Е. Васильевой и С. Маршака «Зеленый мяч» вместе с предназначенным для нее прологом «Директор театра и писатель», а позднее поставим в нашем театре «Фонарик» и другие пьесы из этого сборника.

И. МАРШАК

такие же,

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

С этой девочкой мы встретились в метро. Знаете, как выглядит полупустой вагон, когда он мчится под землей? Никакой суматохи, уже все расселись. Яркий свет освещает людей, и они ровно покачиваются в такт вагону. Вверх-вниз, вверх-вниз, едва заметное кивание лиц напротив меня. И только одно не кивает — смеется и подмигивает мне.

«Ба, — вдруг догадываюсь я, — да это же Марсель Марсо!»

Девочка достает из кармана невидимый платочек, машет им невидимому поезду. Она подкидывает невидимый мяч и ловит его. Но женщина рядом с ней поворачивается и говорит сердито: «Оля, перестань кривляться!»

Все знают известного мима Марселя Марсо. Кажется, никто не умеет лучше, чем Марсель Марсо, изобразить жестами то, что обычно говорят словами. И эта девочка тоже умеет говорить жестами. Она подмигнула мне — ничего, мол, не беспокойся, сейчас будет продолжение. И, действительно, только женщина отвернулась к приятельнице, Оля пригнула к себе воображаемую ветку с вишнями и начала их есть.

Потом я узнала, что у Оли, кроме известных мимических этюдов (перетягивание веревки или как едят вишни, персики, — Оля видела эти этюды по телевизору и запомнила), есть особые, которые Оля придумала сама.

Оля может показать, как дед Антонио (в жизни его зовут Антоном) читает газету, или как бабушка Шурио (в жизни тетя Шура) вяжет на спицах. Оля близко подносит спицы к глазам, и при этом, ну точно, как старенькая бабуся, жует беззубым ртом.

Конечно, Оля не совсем Марсель Марсо, а только чуть-чуть, потому что искусство пантомимы очень серьезное, ему надо очень много учиться.

Однажды Олю назвали комиком. Она обиделась. Тогда она не знала, что комик — это совсем не обидно, это актер, который умеет развеселить, насмешить окружающих. Теперь Оля сама хочет быть комиком, но она уже поняла, как непросто этому научиться.

Оля перешла в четвертый класс. Она занимается плаванием, играет в футбол, любит петь, и те, кто рядом с ней, почти всегда смеются.

Нина АЛЛАХВЕРДОВА

как ты

ОПЕРАЦИЯ «ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ»

ИСТОРИИ ГЕРОИЧЕСКИЕ, НЕЗАБЫВАЕМЫЕ

Дивизия формировалась в школе ◆ Музей ищет двух танкистов ◆ Партизаны в немецком штабе ◆ Загадка каменной школы.

На окраине городка Лобня, у самого Рогачевского шоссе, по которому шли на Москву немцы, до сих пор стоит маленький домик Ивашенковых. Обыкновенный подмосковный домик. Но в осень сорок первого, в тяжелые и тревожные дни, дом и двор Ивашенковых превратились в редут. Артиллеристы вкатили сюда пушку и били из нее по шоссе. И здесь немцы не продвинулись ни на шаг. Только сунутся от деревни Горки либо из Красных Полян — навстречу снаряд за снарядом. Назад, фашисты!

Командир этого расчета рассказал ребятам, которые его нашли, что он и его солдаты боялись только одного: засечет враг орудие — и беда Ивашенковым! Понимали это и хозяева маленького домика, того самого, что до сих пор цел и стоит на своем месте. Понимали, но никуда не ушли и чем могли всей семьей помогали артиллеристам. А семья — мать и пятеро ребят.

Когда же прогнали фашистов, когда покатилась из ивашенковского двора пушка на запад, следом за целью, тогда Женя и Вова Ивашенковы посадили на том самом месте, где стояло орудие, три березы. Были маленькими деревья, выросли. У мужества, у бесстрашия высокая память!

Из донесения отряда следопытов 615-й московской школы.

Когда ворвалась в село Осташево война со своими танками и тягачами, с чужими, злыми людьми, говорящими на чужом языке, вот тогда Володя Колядов стал разведчиком у партизан. Он много сделал, а однажды ему особенно повезло. Он увидел, что в Осташевском парке маскируется танковая немецкая часть. Володя дал знать об этом в лес, партизаны переправили его сообщение за линию фронта и... в одну из ближайших ночей загудели над Осташевом наши бомбовозы. Те из вражеских машин, что уцелели под бомбежкой, прекрасно подорвались на минах, которые накануне сумел поставить Володя на всех выездах из парка.

Из донесения отряда «Турист». (Москва, 720-я школа).

Два наших танка, посланные на разведку, вошли в деревню Иваново. На улице села было пусто и тихо. Вышла на крыльцо какая-то старушка. Танкисты открыли люки и спросили у нее, где немцы.

То ли за рокотом моторов, то ли вообще, по глухоте, но старушка не могла их услышать и ничего не могла им поэтому ответить. А немцы — немцы были рядом, кругом. Наверно, они хотели захватить и машины и их экипажи. Спасла танкистов девочка. Выбежала, кричит:

— Уезжайте поскорее! Они тут, в овраге!

— Засада! — поняли наши, мигом захлопнули люки и назад.

Дальше в этой истории много печального. Немцы повесили Лиду Матвееву (так звали эту девочку).

Из донесения отряда «Турист». (Москва, 720-я школа).

ОТ МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР. Есть, ребята, и продолжение у этой истории. Известны имена тех танкистов: Алексей Синцов и Иван Мороз. Когда наши освобождали Иваново, то первым ворвался в деревню танк Синцова, и снова подкатил он к тому дому, и та же бабушка вышла на крыльцо. И Синцов спросил у нее о девочке.

Алексей Синцов поклялся мстить за Лиду, и всюду, где бы потом ни воевал его танк, видели люди надпись: «За Л. М.».

Ребята! Алексей Синцов до войны жил в Москве. Попытайтесь найти его и Ивана Мороза. Они могут рассказать о Лиде, которая к бабушке приехала перед самой войной погостить из Ленинграда.

Пионерский поход по дорогам боев за Москву продолжается. В Штаб звонят и приходят связные отрядов.

Новые донесения ПОЛУЧАЕТ п/я № 2331

Портфель с планами

В мирное время мирный человек М. А. Гурьянов был секретарем в исполкоме в селе Петунине. Но враг пришел к самой Москве, и что же оставалось делать человеку, когда топчут и жгут его страну? Нет больше мирного человека — есть партизан Гурьянов, а у него есть план. Дело в том, что в его родном Петунине, в доме исполкома, у немцев штаб. А кто лучше, чем он, Гурьянов, знает в этом доме все ходы и выходы? Конечно, никто! Значит...

Значит, ночью, значит, в смертельной опасности пробиралась партизанская группа в Петунино, занятое немцами, в крепко охраняемый штаб... И пробрались и с боем захватили портфель, набитый, как оказалось, важными для нашего командования документами. Мы хотим, чтобы вам запомнилось имя Гурьянова. В другом бою этот смелый человек попал в руки немцев. Они казнили его в селе Тарутине.

Из донесения отряда «Юность» (Подольск, 6-я средняя школа).

Ольговская история

Наши отступали и, понимая, что большой школьный дом немцы обязательно займут под какое-нибудь важное учреждение, заминировали здание. Но немцев вскоре выбили из Ольгова. Гнала их уже другая часть, и в школе, ничего не зная о мине, устроили госпиталь. Позже возникли тревожные слухи: мина! Заминировано! Но где она, эта адская машина, известно одному лишь минеру.

...Ночью, за час до взрыва, минуя заставы, заслоны, спешит минер обогнать само время. В госпитале уже паника, выносят раненых, но всех спасти явно не удастся. И бегут, бегут минуты.

Электричества не было. При свете свечки минер разбирает в подвале кирпичную кладку фундамента. Вот он неловко двинулся, и свеча, упав на землю, погасла. В темноте, один, потеряв счет минутам и секундам, отважный человек все же сумел обезвредить мину.

Фамилия этого человека Бодров. Ребята из 751-й школы нашли его.

Но вот загадка. Оказывается, в Ольгове этого не могло быть: нет и не было в этом селе большой каменной школы. Видимо, произошло это где-нибудь по соседству. Скоро еще один отряд следопытов 751-й школы отправится в поход и решит загадку.

Из донесения отряда 6-го «б» (Бабушкин, 751-я школа).

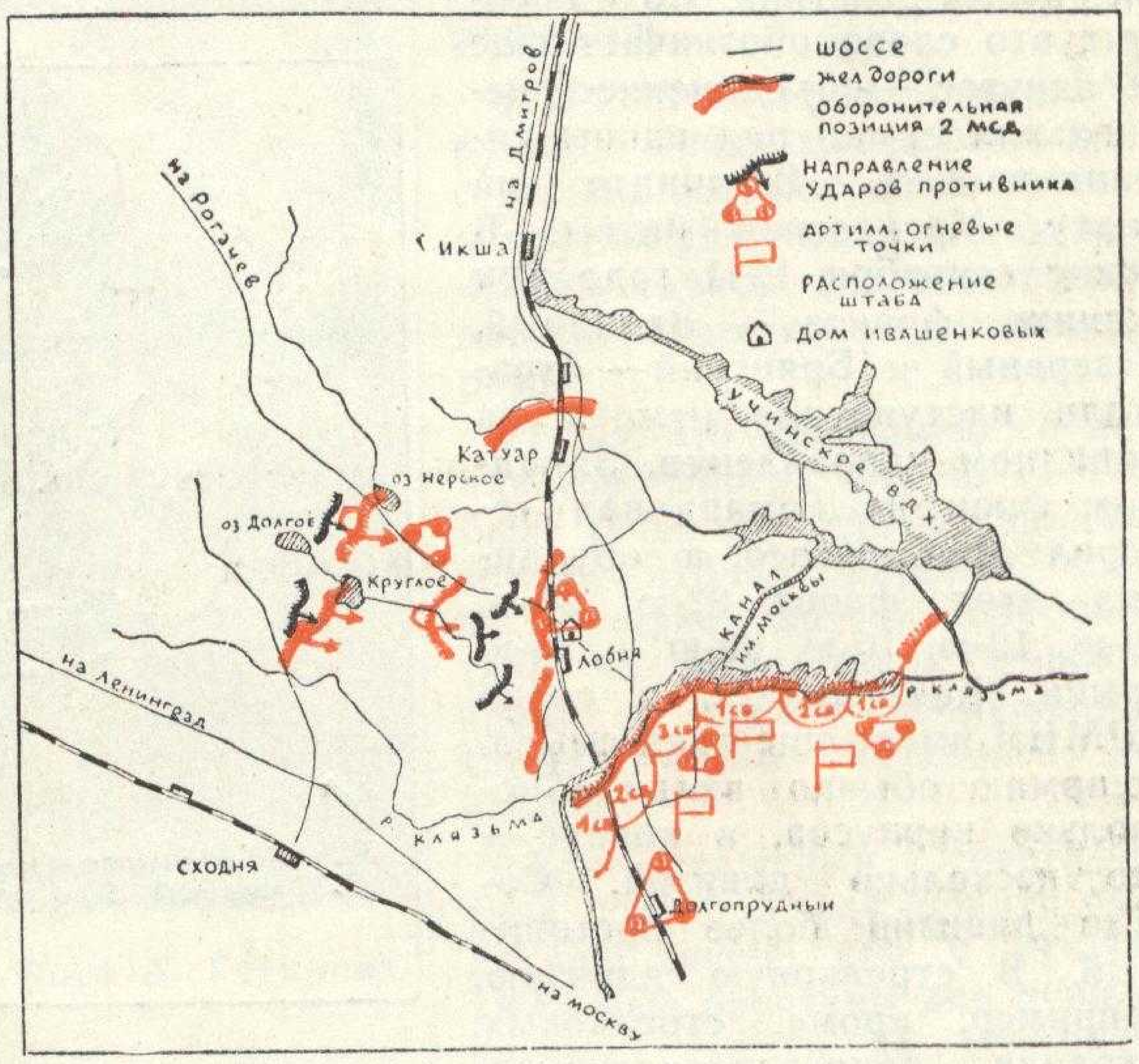
ОТ РЕДАКЦИИ. Что ж, доброго вам пути, ребята. А как только будут у вас новости, сообщайте. Наши страницы — это ваши страницы. Приходите, звоните по телефону, пишите обо всем, что вы узнали, обо всем, что считаете важным и нужным.

Строчки из донесений

В нашей школе в октябре 1941 года формировалась одна из московских дивизий.

Мы разыскали триста ветеранов этой дивизии. Они рассказали нам о Московской битве, помогли сделать схему тех мест, где сражалась за Москву их дивизия,— вот она, эта схема. Потом они дали нам задание для похода.

Из донесения отряда следопытов 615-й московской школы.



Музей Боевой славы наших земляков, погибших в дни Великой Отечественной войны, открылся в нашей школе.

Многие жители поселка вначале не решались отдавать в музей фотографии, письма с фронтов. Боялись, что потеряются. А потом поняли, что мы работаем серьезно, и сами стали приносить в школу все, что у них есть интересного. Рядом с музеем мы разбили сквер Победы. В нем установили памятник нашим землякам, погибшим во время войны. Деньги на памятник мы заработали сами. Работали в колхозе, собирали металлолом и макулатуру.

Из донесения отряда Осташевской восьмилетней школы Мытищинского района.

Узнали о подвиге Григория Саболева. В начале войны Грише не было шестнадцати. Он только-только окончил семь классов. Когда немцы подходили к Зарайску, Гриша вступил в Зарайский истребительный батальон. Однажды летом 1942 года Гриша Саболев задержал в Дятковском лесу немецкого парашютиста. Диверсант был вооружен до зубов, но Гриша сумел привести его в батальон. За этот подвиг Григорий Саболев был награжден орденом «Красная Звезда».

Из донесения отряда Зарайской средней школы.

КРАТКИЙ ВОЕННЫЙ СЛОВАРИК

Словари бывают разные, но все они нам помогают. Знаешь ли ты, что такое ПТР, второй эшелон, ЛАГГ-3 и ТБ-7? Наверное, нет. Наш краткий военный словарик объяснит тебе эти и другие непонятные военные слова, поможет лучше представить, какой была наша армия в начале войны.

ФРОНТ. Казалось бы, всем понятно, что фронт — это район боевых действий. Но у военных это слово обозначает еще и другое — объединение нескольких армий под одним командованием. Взгляните на карту Московской битвы. В конце сентября 1941 года три наших фронта — Западный, Резервный и Брянский — отражали наступление немцев на Западном направлении. Западным фронтом командовал генерал И. С. Конев, а объединял этот фронт 22-ю, 29-ю, 30-ю, 19-ю, 16-ю, 20-ю и 24-ю армии. Как видите, и слово **АРМИЯ** имеет еще один смысл. В армию обычно входило несколько корпусов, а корпус — это несколько дивизий. Состав дивизии более постоянный. В стрелковую дивизию, например, кроме стрелковых, входили подразделения: артиллерийские, разведки, связи, саперов и т. д.

БОЕВОЙ ПОРЯДОК. Готовясь к бою, командир решает, как лучше расположить силы. Можно, например, выстроить все роты в одну линию, а можно — уступами влево или вправо, углом вперед или назад. Это и есть боевой порядок.

ВТОРОЙ ЭШЕЛОН. Пока идет сражение, запасные части стоят позади — за передовыми подразделениями, во втором эшелоне. В нужный момент командир мощным ударом вводит в бой второй эшелон.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ. Это первая, самая близкая к противнику траншея, а не вообще вся линия фронта, как это иногда кажется.

ТАМ, ГДЕ МЫ НАСТУПАЛИ

Задания участникам операции дает член Штаба генерал-майор А. П. Еремин.

В дни битвы за Москву мне довелось воевать на левом крыле Западного фронта. Я командовал 3-й стрелковой дивизией 10-й армии генерала Голикова.

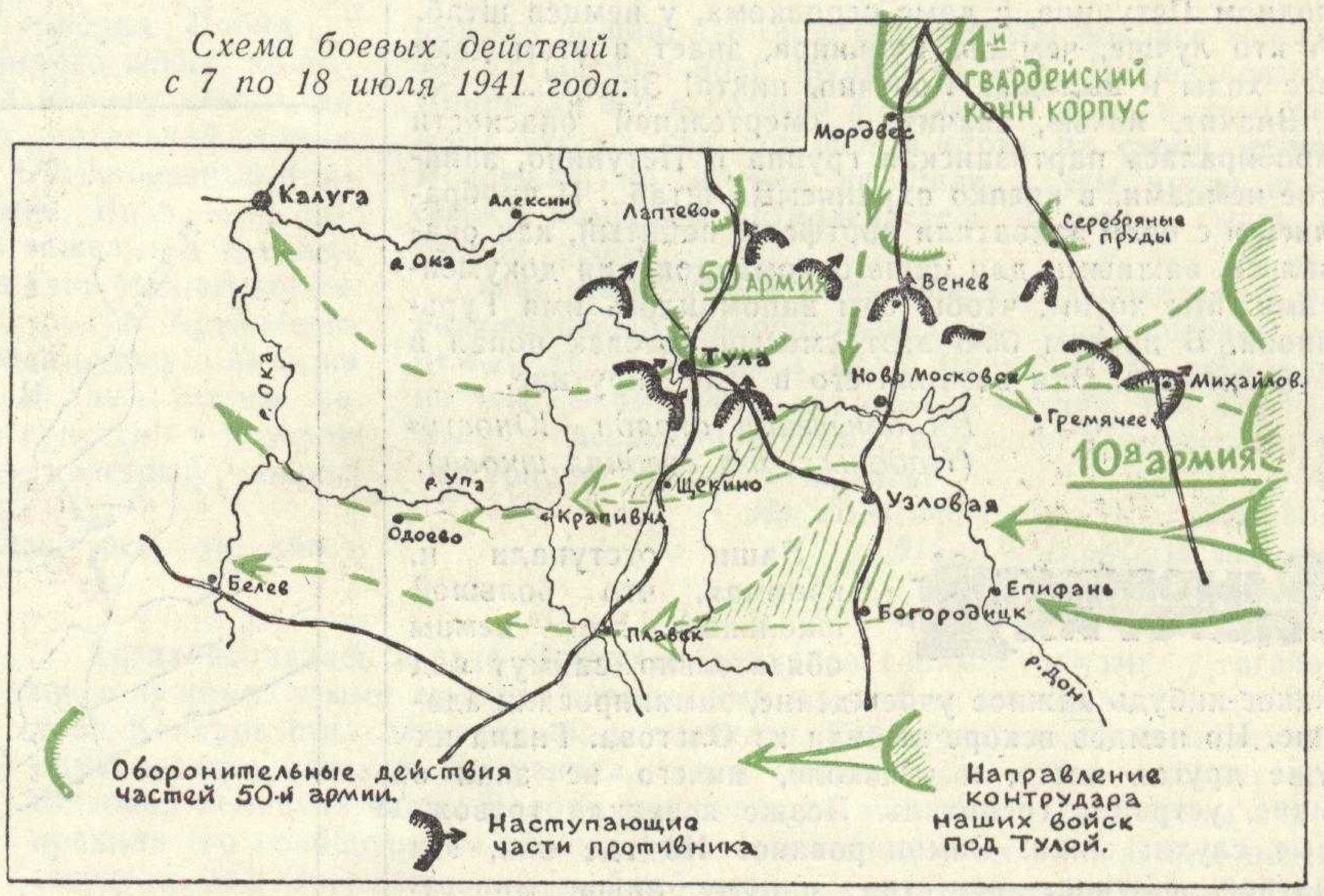
Немцы нацелили на Москву два бронированных кулака — цвет своих бронетанковых сил: 3-ю и 4-ю группы генералов Готта и Хюпера с севера и 2-ю танковую армию Гудериана с юга.

Сразиться с «тиграми» Гудериана на нашу долю и выпало.

7 декабря началось контрнаступление. Среди немецкого командования оно вызвало полный переполох. С первых дней нашего наступления враг почувствовал всю силу удара введенных в бой свежих резервов.

2-я танковая армия терпела одно поражение за другим с 7 по 14 декабря — на реках Проня, Дон и Шать. Не оправившись от удара, немцы стали спешно отходить в направлении к рубежу реки Упы. Но здесь их настиг новый мощный удар. Войска 10-й армии громили немцев в районе Богородицка, 50-я армия — в районе Щекино и на реке Упа. Немцы от-

Схема боевых действий с 7 по 18 июля 1941 года.



ступали, бросая много боевой техники. Преследуя отходящие группировки войск Гудериана, 10-я армия вышла на рубеж реки Оки в районе города Белёва.

Успешному наступлению 10-й армии помогли замечательные боевые операции 1-го кавалерийского корпуса генерала Белова — из района Каширы на Мордвес, Венев и Новомосковск. Особенно слаженно били мы с беловцами немцев на рубежах Упы и Дона.

Решительное наше наступление на юге отбросило немцев далеко от Тулы и ликвидировало угрозу Москве с юга.

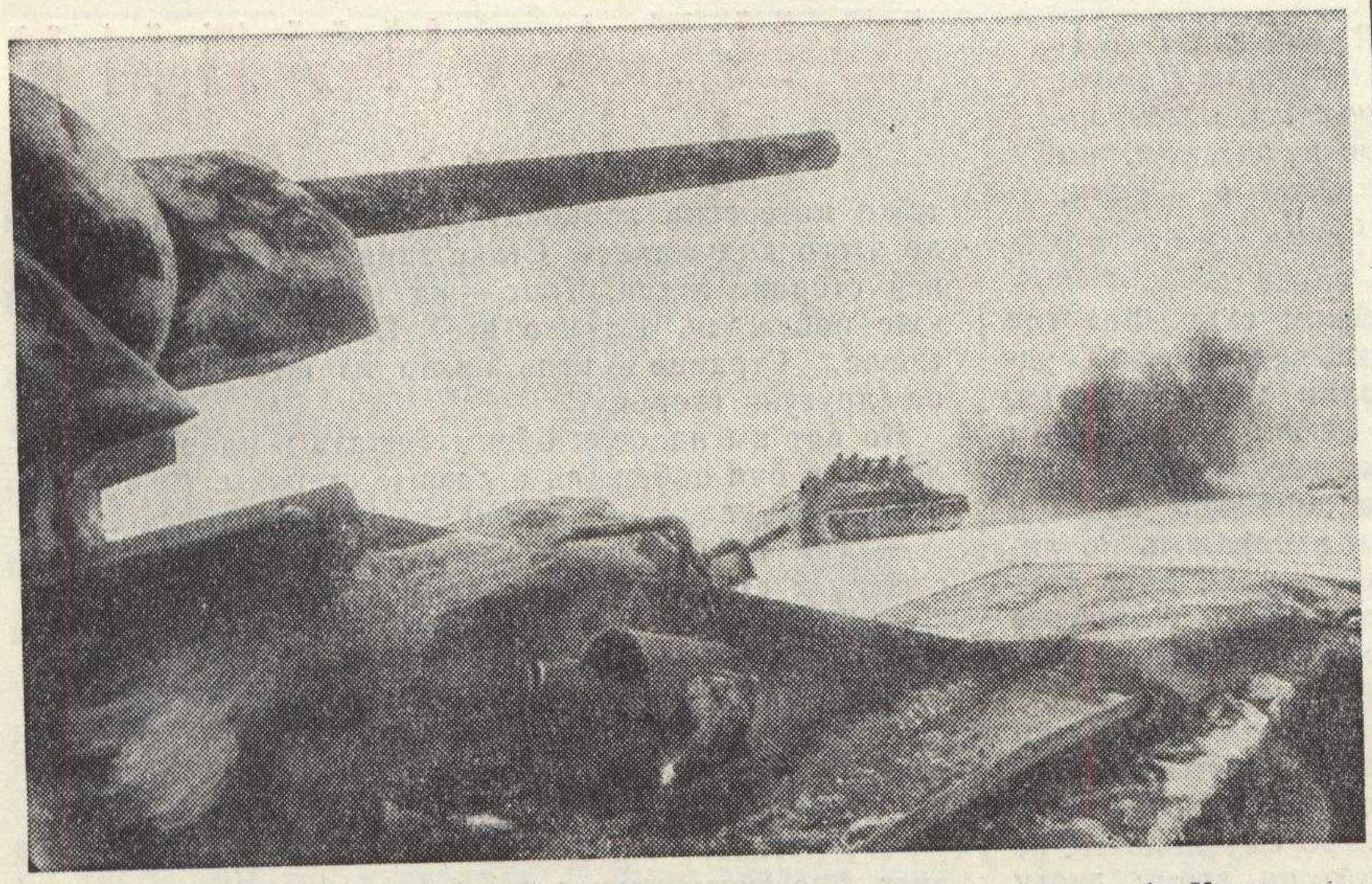
Прошло двадцать пять лет. Мне, как бывшему командиру дивизии, пишут родственники тех, кто героически сражался и погиб в те годы. Часто я не могу им ответить так точно, как мне бы хотелось. Поэтому я и прошу вас, участников операции «Цветы на бруствере», помочь мне.

Нужно выяснить, где похоронен павший смертью храбрых командир 1003-го стрелкового полка майор Толубьев, убитый в бою у поселка Гремячее, Тульской области. Где могилы командира того же полка майора Клочкова, убитого в селе Меховое, Сухиничского района, Калужской области, командира 1107-го стрелкового полка майора Индейкина, смертельно раненного на подступах к городу Думиничи, Калужской области.

Недалеко от города Белёва, в деревнях Береговая и Беседино, совершила героический подвиг студентка МГУ Елизавета Шамшикова. Она ушла на фронт добровольцем и стала медицинской сестрой в одном из полков 10-й армии Западного фронта. Посетите могилу Лизы Шамшиковой, разузнайте от местных жителей о ее подвиге.

Атакует конница генерала Белова. Фото И. Шагина.

В бой!.. За каждый метр земли, за каждую высотку. Фото А. Устинова.



Советские танки идут в наступление. Фото А. Устинова.

КРАТКИЙ ВОЕННЫЙ СЛОВАРИК

НЕЙТРАЛЬНАЯ ЗОНА. Та земля, которая лежит между крайними траншеями противников, называется ничейной землей, или нейтральной зоной.

«КАТЮШИ». Под Оршей 15 июля 1941 года неожиданно для немцев зазвучали голоса советских гвардейских минометов — совершенного нового реактивного оружия. Одна установка выпускала за один раз до шестнадцати реактивных снарядов, наводивших ужас на фашистов.

ПТР. Это противотанковое ружье предназначалось для стрельбы по смотровым щелям и другим уязвимым местам немецких танков (на расстоянии двести — двести пятьдесят метров).

«Т-34». По признанию специалистов многих стран, «Т-34» был лучшим средним танком времен второй мировой войны. Никакой другой советский танк не имел такой мощной брони и такого вооружения. Создан «Т-34» незадолго до войны.

«КВ» — тяжелый советский танк. Его броневая защита была еще лучше, чем у «Т-34». «КВ» был неуязвим для пушек, которые стояли на немецких танках «T-III» и «T-IV».

ПИКИРОВЩИК. Это бомбардировщик, который при подходе к цели круто, почти по отвесной линии снижался на нее. Такой прием давал высокую точность попадания. У нас в начале войны таким самолетом был «Пе-2», у гитлеровцев — «юнкерс-87», «юнкерс-88».

«ЛААГ-3» и «МИГ-3». Эти советские истребители не уступали «мессершмитту-109» — основному немецкому истребителю.

«ТБ-3» и «ТБ-7». Многомоторные дальние бомбардировщики «ТБ-3» и «ТБ-7» могли брать в полет гораздо больше боеприпасов, чем немецкие «хейнкель-111» и «дорнье-217».

Встречи с тремя неизвестными

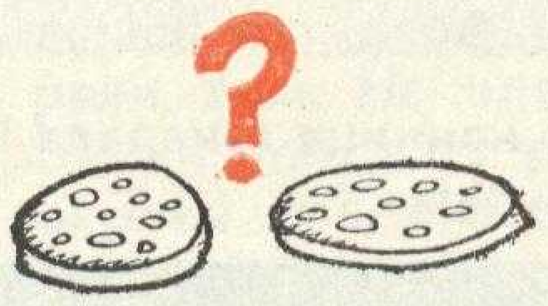
ИКС ИГРЕК ЗЕТ

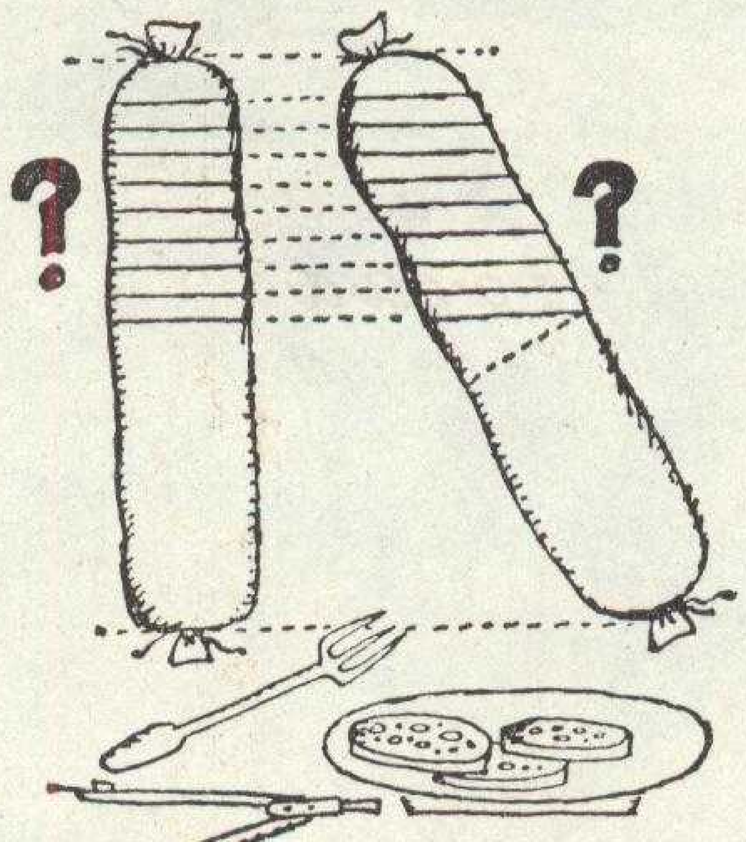
...ИЗДАВНА ПУТЕШЕСТВУЮТ ЭТИ ТРОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ ПО СТРАНИЦАМ НАУЧНЫХ КНИГ И ПРОСТЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ, И КАЖДЫЙ РАЗ ОНИ ПРИНОСЯТ С СОБОЙ НОВУЮ ТАЙНУ, ХИТРОУМНУЮ ЗАДАЧУ, НЕВИДАННУЮ ГОЛОВОЛОМКУ, МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ФОКУС-ПОКУС.

СЕГОДНЯ У НЕИЗВЕСТНЫХ ОТЛИЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ. ТОТ, КТО С НИМИ ВСТРЕТИТСЯ, НЕ ПОЖАЛЕЕТ!

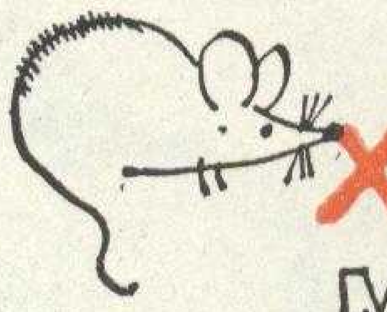
Загадка колбасы

Говорят, что это было лет сто назад в городе Лейпциге. Почтенные профессора математики собрались на свое очередное заседание. С большим вниманием выслушали они доклад на тему «Почему колбаса режется вкось». Разгорелись жаркие споры, но математики так и не пришли к единому мнению. Одни считали, что косые срезы легче и удобнее делать, чем прямые; другие — что при прямых срезах кусочки жира выпадают, а при косых нет; третьи — что это просто наша привычка, в которой нет никакого особого, а тем более математического смысла. Собрание закончилось, но в спор включились другие города. Спустя некоторое время одним математическим журналом было предложено новое решение: чем более косые срезы, тем меньше при одной и той же длине колбасы нужно сделать движений, чтобы разрезать ее всю. Журнал проиллюстрировал свое решение схемой и предложил такую зависимость: число косых ломтей так относится к числу прямых, как ширина косого среза к его длине.





ИКС, ИГРЕК, ЗЕТ. Советуем, проверяя истинность этих решений, пользоваться только бумагой и карандашом.



Хитрые мыши

Не один десяток лет пролежала древняя рукопись в старом сундуке. Страницы ее изъедены мышами, многих цифр недостает. Попробуй определить, каких именно.

Из новой книги В. ЛЁВШИНА «ФРЕГАТ КАПИТАНА ЕДИНИЦЫ» — о приключениях Нулика во время плавания по арифметическим, алгебраическим и геометрическим морям и океанам, во время стоянок на рейдах и заходов в гавани, порты и бухты от А до Я.

ЮНГА НУЛИК

Сегодня мы были в Ботаническом саду. Вот где Стакс и Топс порезвились! Правда, сад какой-то чудной: ни цветов, ни деревьев, одни только листья. Огромные, они росли прямо из земли на коротком стебле. По ним можно карабкаться, как по деревьям. Стакс и Топс без конца носились вверх и вниз. На то они и обезьяны! Они взбирались по листу с разных сторон и на вершине ждали друг друга, заглядывая на другую сторону. Ведь у листьев две стороны. До сих пор и я так думал... Но лучше рассказать все по порядку.

Нашу игру прервал капитан Единица, чтобы показать какой-то совершенно особый лист. Вот такой — изогнутый в виде восьмерки. Как будто кто-то закрутил его, концы склеил, и теперь ему нипочем не раскрутиться. Капитан сказал, что по этому листу тоже интересно карабкаться. Но обезьянки и сами до этого додумались. Стакс занял место на внутренней стороне листа, Топс — на наружной, и вот они уже побежали. Но что это? Поменялись местами... Снова... Странно — ведь никто из них не перелезал на другую сторону!

Но вот им надоело обоим бежать в одном направлении, и они побежали в разные стороны. Не прошло и пяти секунд, как — хлоп! — они стукнулись лбами.

— Так не бывает,— сказал я,— обезьяны бежали с разных сторон листа и вдруг... столкнулись!

— Ты же своими глазами видел! — возмутился капитан.

— Но в чем же тут дело?

— А в том,— сказал капитан,— что это не просто лист, а лист Мебиуса.

— Какого такого Мебиуса?

— Немецкого математика. Это он вырастил такой лист. Все листы имеют две стороны, две поверхности,

```
 + *72*      + 3*86
   3**1        *2*7
   5989        804*

 - 8**2      - 6*37
   *35*        *92*
   4121        14*8

 × 6*
   ***
    **
   **
  **
  ***6
```

Роковая четверка

Карл IV, император так называемой Священной Римской империи, почему-то особенно любил цифру «четыре».

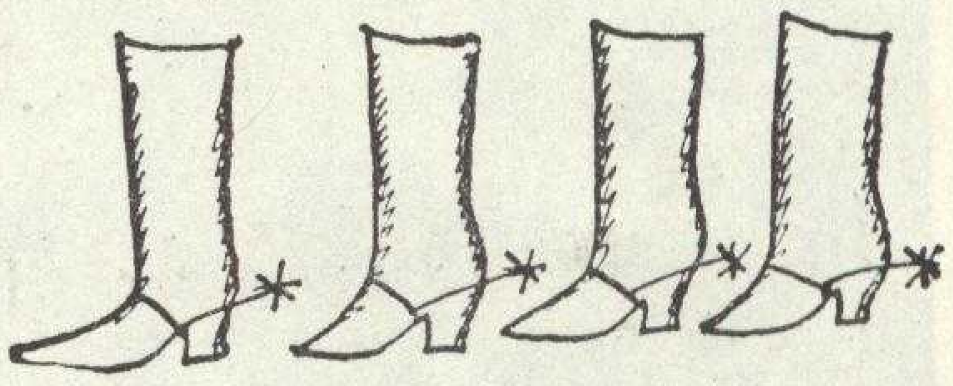
У него было четыре столицы, и в каждой правил один из четырех великих князей.

В каждом из четырех королевских дворцов Карл IV занимал по четыре комнаты, где было по четыре окна, четыре двери, четыре стола и четыре светильника.

В торжественных случаях император надевал четырехугольную корону, изготовленную из сплава четырех металлов.

Империю Карл IV поделил на четыре части, армию — на четыре корпуса. Ездил в карете, запряженной четырьмя лошадьми, носил четырехцветную одежду, говорил на четырех языках.

Карл IV был женат четыре раза, у него было четверо детей. Умер он в четыре часа 29 ноября 1378 года.



Сколько здесь абракадабр?

ПЕРВЫЙ КОНКУРС ИКСА, ИГРЕКА, ЗЕТА! Кто первым разгадает секрет магического треугольника? Кто назовет, сколько раз встречается здесь слово «абракадабра»? Ведь, казалось бы, полностью оно написано всего однажды?! Так ли это?

Abracadabra
Abracadabr
Abracadab
Abracada
Abracad
Abraca
Abrac
Abra
Abr
Ab
A

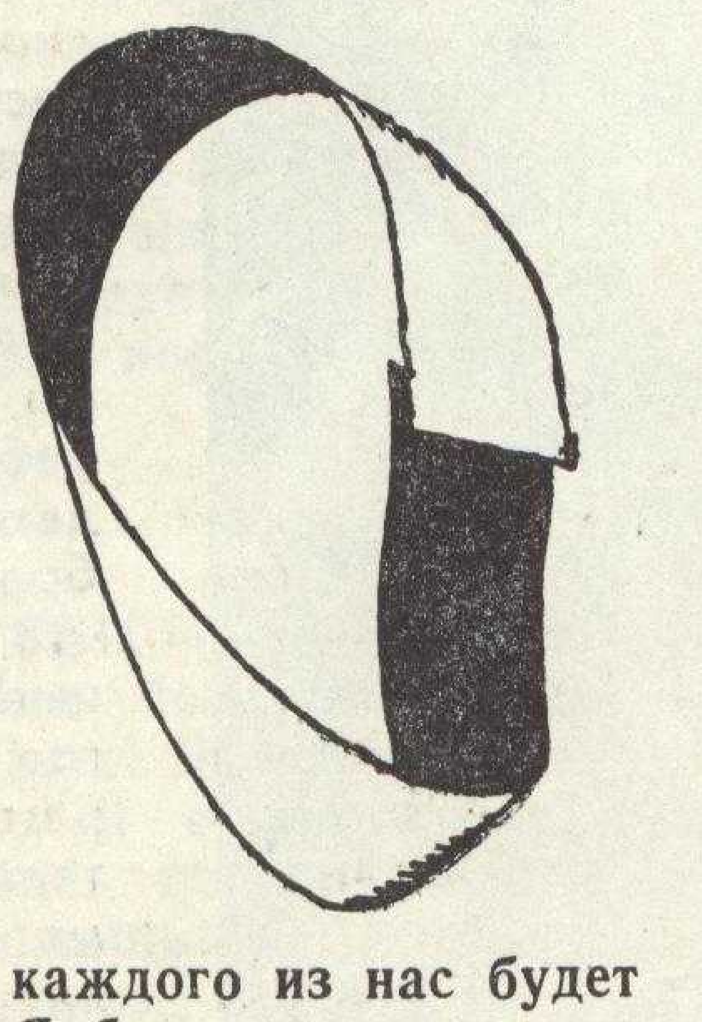
ПОЧЕМУ НЕ СПАЛОСЬ ГУЛЛИВЕРУ?

«Шестьсот тюфяков обыкновенных лилипутских размеров было доставлено на подводах в мое помещение, где портные принялись за работу. Из полутораста тюфяков, сшитых вместе, вышел один, на котором я мог свободно поместиться в длину и ширину. Четыре таких тюфяка положили один на другой, но даже и на этой постели мне было так же жестко спать, как на каменном полу». *Джонатан Свифт «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера», стр. 44.*

Почему же Гулливеру было на этой постели так жестко?

В БОТАНИЧЕСКОМ САДУ

а у листа Мебиуса только одна сторона. Он односторонний! Давайте-ка проведем опыт. Протянем нитку вдоль листа и закрепим ее, чтобы не соскочила.



Вот так штука! Нитку тянули вдоль одной стороны, а она обошла обе и только тогда вернулась к началу!

Тут к нам подошел Главный Ботаник с садовыми ножницами и посоветовал мне и моему другу, корабельному коку, разрезать лист точно по нитке. Тогда у каждого из нас будет по листу. Мы так и сделали. Я было схватил свою половину, но... вместо двух листов перед нами был по-прежнему один! Только теперь он стал вдвое больше. Мы вновь натянули нитку и ахнули: лист стал двусторонним!

Снова стали резать вдоль — теперь уже этот большой лист. Ура! Наконец у нас получилось два листа! Мы закричали от радости, каждый потянул к себе свою часть... но обе они цеплялись друг за друга, как звенья цепочки.

— Какой-то заколдованный лист! — удивился кок.

И правда. Хотите сами убедиться? Возьмите длинную полоску бумаги, сверните в кольцо, а перед тем, как заклеивать концы, один из них переверните. И начинайте опыт.

Примечание. Математики разгадали секрет этого удивительного листа с одной поверхностью. В топологии (науке об общих свойствах пространства) есть раздел, специально посвященный листу Мебиуса.

смотрите не пропустите

ЖИЗНЬ — ПОДВИГ

«Я даю клятву бороться со злом до последнего дыхания»,— так написал Ф. Э. Дзержинский еще в своем юношеском дневнике. Кинолетопись «Подвиг» и показывает, как он был верен этой клятве всю жизнь.

Дзержинский одиннадцать лет просидел в тюрьме, был на каторге, три раза бежал из ссылки. После Октября он там, где труднее всего, где опаснее всего. Он председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, которая была создана для борьбы с контрреволюцией.

Фильм «Подвиг» (авторы сценария — С. Зенин и А. Новогрудский, режиссер — Л. Махнач) документальный. В нем использованы уникальные съемки, исторические документы, дневники и письма Дзержинского.

Смотришь фильм — и все время находишься в гуще событий.

Бандитизм, заговоры, диверсии — враги всеми силами стремятся навредить республике.

Сохранившиеся киноленты позволяют нам увидеть, как были разоружены анархисты, которые бесчинствовали в Москве в 1918 году. Вот они стоят с черным флагом — убийцы и грабители. А это дом на Малой Дмитровке — здесь была их штаб-квартира. Смотрите, убитые чекисты. Их погибло двенадцать в бою с анархистами.

Со смертельной опасностью была связана работа в ЧК. Но ряды чекистов росли. Сюда призывались самые достойные. Дзержинский говорил: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками».

Шла и та война, которую не снимали на пленку. В архивах сохранились фотографии белогвардейских генералов, эсеров, монархистов, агентов иностранных разведок. Звено за звеном плелись паутины шпионских организаций. Неуловимый Поль Дьюкс. Лица на экране разные, разные и фамилии. Но это все одна и та же личность — Поль Дьюкс, ловкий резидент британской разведки. ВЧК разоблачила его.

Были и другие враги у республики — кулаки и спекулянты. В стране царил голод, а они наживались на народной беде. Как адские видения, мелькают на экране пожары продовольственных складов, бородатые мешочники на платформах, голодные дети.

Приказ по ВЧК: остановить мешочников, все силы — борьбе со спекуляцией. Хлеб — спасение республики. И уезжают продотряды, чтобы отнять у кулаков хлеб. А следующие кадры — похороны чекистов. В спину им стреляли кулацкие обрезы.

Уезжали продотряды, чтобы накормить хлебом детей. Вот они, маленькие оборванцы, стоят в очереди. Протягивают руки.

И снова мы видим Дзержинского за столом. Он пишет: «Я часто думаю о детях, о тех, кто будет жить после нас. И тогда мне кажется, что я вижу будущее, за которое еще надо бороться». Лучшие силы ЧК посланы им на спасение беспризорных ребят. Вот один из эшелонов с детьми, которых чекисты подобрали на улицах.

В киноленте «Подвиг» считанные метры, где мы видим «живого» Дзержинского, снятого операторами тех давних лет. Удивительно! Кажется, что он все время на экране. А, впрочем, стоит ли удивляться? Ведь все здесь связано с его мыслями, его делами.

ОТ ДВУХ

А ЭТО ПРО ЧТО? Это про малышей, которым от двух до пяти. Мы напоминаем тебе, что они ждут твоего внимания: сделай для них игрушки, смастери кукольный театр, нарисуй картинки. В группе детского сада тридцать малышей, а с ними одна воспитательница. Уследи-ка за каждым! Ну-ка придумай для этого народа что-нибудь веселое!

■

А ЭТО ПРО ТВОИХ ДРУЗЕЙ. Сколько их? Двое? Один? Или пятеро? Или больше? Один мальчик из Латвии написал: «Друг! Я думаю так: приятель — это человек, который сделает все, что попросишь. А друга просить не надо — он сам все поймет и придет на помощь».

Каждому нужны друзья. Верные. Надежные. Есть у тебя такие? Посмотри еще раз на ребят в своем классе: с кем ты мог бы подружиться, а с кем нет. Почему? Подумай. И еще подумай: дружный ли у вас отряд? Интересно ли вы живете?

Ведь без дружбы ни одного дела не сделать: ни веселая игра, ни серьезный разговор — ничего не получится. И начинать дружить надо не с разговоров, не с упреков: «Вы, мальчишки, драчуны и грубияны». «А вы, девчонки, воображалы и ябеды». Так дружба не получится ни за что. А начинать надо с дела — общего, интересного.

Многие ребята считают, что самое верное начало дружбы — поход. С костром, палатками, песнями, трудностями и смешными приключениями. И желательно с дождями и комарами.

Проверьте, так ли это. Может быть, они просто выдумывают? Но ведь, не испытав, нельзя ничего утверждать. Мы хотим, чтобы в твоем отряде была дружба. И в звене чтобы была. А тебе желаем верных друзей много: от двух до пятидесяти пяти.

Что для этого нужно сделать? Ответим пословицей: «Если хочешь иметь друга, будь им».

Л. МАТВЕЕВА

ДО ПЯТИ

По Москве везут дрова

Л. НИКОЛАЕНКО

На тележке
Двухколесной
Человек
Везет дрова.
А вокруг
Стоит Москва,
И машины,
Выгнув спины,
Пролетают мимо
В спешке.
Но куда это
Дрова
Тихо едут
На тележке?
И нужны они
Кому?
Дому маленькому...

По широкому
Проспекту
Человек
Везет дрова;
На него
Глядит Москва,
Чуть склонив
Дома и башни,
Провожает
День вчерашний,—
По Москве
Везут дрова.

КЛУБ ФОРВАРДОВ

КЛУБ ФОРВАРДОВ

Внимание! Идет четвертое занятие клуба форвардов. Ведет его заслуженный мастер спорта Алексей Петрович ХОМИЧ.

МЯЧ НА НОГЕ

Я не форвард. Больше того: когда я стою в воротах, моя задача прямо противоположна задаче форварда. Он хочет забить гол. Я хочу помешать ему в этом. И, вероятно, никто не может так оценить слабые и сильные стороны форварда, как его вечный противник — вратарь.

Со многими форвардами я встречался лицом к лицу в футбольной дуэли и хочу помочь добрым советом вам, юные форварды «Пионера». Для начала поговорим о дриблинге, об искусстве ведения мяча. Это действительно искусство. Не овладев им, нельзя постигнуть и другие премудрости футбольной техники. Казалось бы, чего проще: толкай мяч перед собой и беги что есть мочи. Но это просто, когда, кроме тебя, на поле ни души.

Присмотритесь к первому снимку. Вроде бы все в порядке: мяч у нападающего в темной футболке, защитник потерял равновесие, его опорная нога (правая, которой он, наверное, бьет по мячу лучше) находится ближе к мячу. Так защитнику трудно овладеть им. Одним словом, сейчас, кажется, будет гол.

Но не торопитесь с выводами! Мяч ускользнет от нападающего. Посмотрите, где его опорная нога. Куда он ее поставил? Справа от мяча. А надо слева. Тогда правой он был бы готов произвести удар. Теперь же его левая нога мешает правой, заслонила мяч, и нападающему придется сделать лишних два шага. Но защитник тем временем не будет дремать, он найдет способ помешать атаке.

А вот на втором снимке юноша в темной футболке делает все очень грамотно. Он не бежит сломя голову. Защитник пошел в атаку, а нападающий вдруг застопорил движение, опорной ногой укрыл мяч, да еще и корпус наклонил вперед; ни дать ни взять — волнорез. А подошвой левой ноги ловко «убрал» мяч под себя — попробуй дотянись до него. Сейчас развернется — он уже начал поворот — и рванется в другую сторону или отдаст мяч товарищу по команде.

Вот вам, ребята, два примера ведения мяча. Теперь, надеюсь, вы лучше поймете, «что такое хорошо и что такое плохо», когда речь будет идти о правильном или неправильном ведении мяча.

КЛУБ ФОРВАРДОВ

О, мои юные друзья! Прошу вас забить еще один гол внимания в ворота моего стариковского красноречия и выслушать, что приключилось с вашим покорным слугой два дня и две ночи тому назад.

Подошел ко мне Волька ибн-Алеша.

— Хоттабыч,— сказал он мне,— сегодня на заводском стадионе будет мотобол. Айда смотреть!

Репортаж ведёт... Хоттабыч

— О кладезь премудрости, или, по-вашему сказать, водопровод!— ответствовал я.— Разукрась холст моего незнания красками твоей учености! Разъясни мне значение красивого слова «мотобол».

— Ладно, чего там объяснять! — махнул рукой Волька.— Пошли на стадион, сам увидишь.

И мы направились к месту, куда, как я полагаю, должен был явиться и этот мотобол. Там его уже ожидала группа людей на мотоциклах.

— Ну, Хоттабыч, как ты думаешь, что это такое? — задал мне вопрос Волька.

— Думаю, что это — собрание милиционеров перед разъездом на дежурство,— предположил я.

Однако мой молодой друг, опахало мудрости, повеял на меня свежим ветром знания. Он растолковал мне, что мотобол — игра наподобие уважаемого футбола, с той лишь разницей, что спортсмены передвигаются на мотоциклах.

— Послушай, ибн-Алеша,— за-[illegible]тил я Вольке,— вероятно, эти [illegible]тные были когда-то футбо-[illegible] потом лень сковала [illegible]слабила их мускулы, и они вместо того, чтобы бегать по полю, предпочли ездить на мотоциклах. Я очень стар и наверняка устаю не меньше этих мотоциклетных болистов, но я же не придумываю себе какой-нибудь верблюдобол! Нет, подобного безобразия я допустить не могу!

И я выдернул волосок из своей бороды, и дунул на него, и произнес нужное слово, и тотчас с поля исчезли все до одного мотоциклы.

— О сыны нерадивости, забегали теперь? — удовлетворенно сказал я про себя. Но хитрый Волька догадался, в чем дело, и омрачил мою радость.

— Ты что, Хоттабыч, как тебе не стыдно! Сейчас же верни им мотоциклы! Разве эти парни ленятся? Просто они используют достижения техники.

— При чем тут техника? — возразил я.— Техника техникой, а футбол футболом. У футбола своя техника. Вот в клубе форвардов журнала «Пионер» знаменитый вратарь Хомич рассказывает сегодня о технике ведения мяча. Теперешние глубокоуважаемые мальчишки еще на свет не родились, а Хомича уже каждый мальчишка того времени знал. Хомич с нашей командой в Англию по последней технике на самолете летал, но, чтобы задержать мяч, который выстреливал какой-нибудь из английских форвардов, Хомич не ждал самолета-вертолета, сам взлетал в воздух! А его товарища Константина Бескова англичане прозвали неистовым форвардом, потому что он их не на автомобиле обходил!

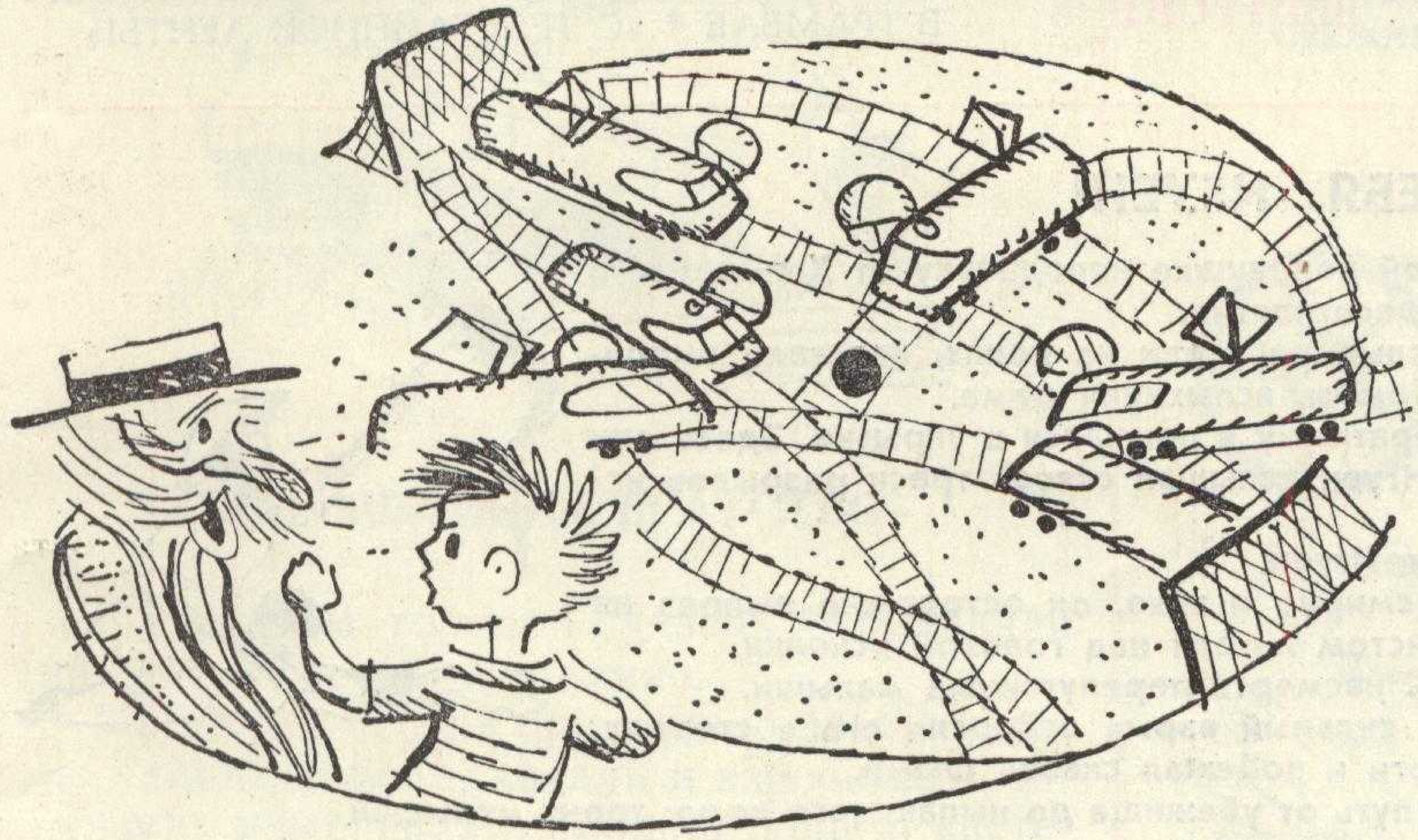
Но, увы, уши моего друга оставались закрытыми к моим убедительным доводам. Вместо того, чтобы согласиться, он сокрушенно покачал головой.

— Эх, Хоттабыч, Хоттабыч! Не понимаешь ты технического прогресса... Просто ужас, до чего ты отсталый!

Тут терпение мое лопнуло, и я вскипел, подобно чайнику, забытому на плите болельщиком, который смотрит по телевизору матч между сборными Советского Союза и Португалии.

— Кто отсталый? Я отсталый? Да если на то пошло, так я тут такую технику разведу...

Не щадя своей бороды, достойной зависти и восхищения, я выдернул еще один волосок, щелкнул большим и указательным пальцами правой ноги, и вмиг каждый из спортсменов оказался



сидящим на тепловозе новейшей марки, а нападающим я дал по электричке.

— С ума ты спятил, что ли? — сердито зашептал мне Волька.— У них же нет стрелочников. Сейчас все наедут друг на друга! Верни скорее все, как было, и пойдем отсюда...

Скрепя сердце я повиновался ибн-Алеше, но про себя подумал, что все-таки это игра для тех, кто боится трудностей. Ведь в шахматы, например, на мотоциклах не играют! Однако я видел, что Волька огорчен и хочет смотреть игру, и я обещал, что больше не буду вмешиваться, и мы оста-лись. И чем дольше продолжалась игра, тем больше я увлекался и против воли отдавал этому мотоболу кусочек своей души. И когда матч закончился, я с удивлением обнаружил, что у меня ее совсем не осталось.

— О Волька! — вскричал я.— Сними с моих плеч рюкзак неудовлетворенности! Запиши меня в секцию мотобола!

— Эх, Хоттабыч! Значит, футбол бросаешь? Настоящие спортсмены не бегают из секции в секцию: сегодня футбол, дескать, люблю, а завтра решил баскетболом заняться, а послезавтра ни то, ни другое его уже не интересует, потому что он увлекся собиранием фантиков.

И понял я, что прав ибн-Алеша. И холодная лягушка стыда забралась в озеро моей души, ибо не было у меня уверенности, что и я не увлекусь этими фантиками. И упали с глаз моих очки неведения, и открылась мне истина, что без упорства и целеустремленности нет истинного спортсмена.

Записали братья Кошаевы.

ВОКРУГ МЯЧА ВОКРУГ МЯЧА ВОКРУГ МЯЧА ВОКРУГ МЯЧА

ЛУЧШИЙ ГОЛ ПЕЛЕ

Известно, что бразильский форвард Пеле за свою футбольную карьеру забил в ворота противников уже более семисот мячей. Однако самым запоминающимся он считает гол, забитый как-то в игре «Сантоса» с «Флуминенсе». Пеле получил мяч невдалеке от своих ворот, обошел семь (!) игроков, в том числе и вратаря, и уже в чужих воротах исполнил свой традиционный «танец радости».

Операторы бразильского телевидения сочли этот гол лучшим из всех, забитых Пеле. И теперь каждая спортивная передача на телеэкране заканчивается демонстрацией киноленты с этим голом.

ФУТБОЛЬНЫЙ МАРАФОН

В розыгрыше кубка Португалии четвертьфинальная игра между командами «Лейкоэс» и «Бейра Мар», несмотря на добавочное время, закончилась вничью — 1 : 1. На следующий день — вновь ничья, и снова 1 : 1. Добавочное время истекло, а на табло цифры 2 : 2. Третья игра, и снова ничья. Лишь за три минуты до конца четвертого матча нападающий команды «Лейкоэс» забил гол, положивший конец этому марафону, длившемуся 480 минут.

УТРЕННИЕ ПТАШКИ

«Утренние пташки» — так называют игроков итальянского футбольного клуба «Салерно» за их весьма ранние тренировки, которые начинаются... в пять часов утра. Любопытно, что каждая минута опоздания на тренировку стоит игроку штрафа в размере тысячи лир. Руководство клуба, столь строго следя за дисциплиной, надеется на переход клуба в высшую лигу.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ТРИУМФ

Молодежная футбольная команда Австрии победой в финале над итальянцами завоевала первое место в турнире молодежных команд в Италии. Все было готово к вручению кубка победителям, но... его не вручили, так как семь австрийских футболистов из одиннадцати оказались старше двадцати трех лет, что запрещалось положением о соревнованиях.

ЖИЗНЬ ПОКАЖЕТ

Что и говорить! Трудно подчас футбольным судьям справиться с некоторыми не в меру ретивыми футболистами.

И вот в Аргентине нашли «выход» Теперь по окончании сезона судейская коллегия национальной Федерации футбола награждает самых корректных игроков ценными призами.

Поможет ли эта мера — жизнь покажет.

РЕКЛАМА ПРЕЖДЕ ВСЕГО

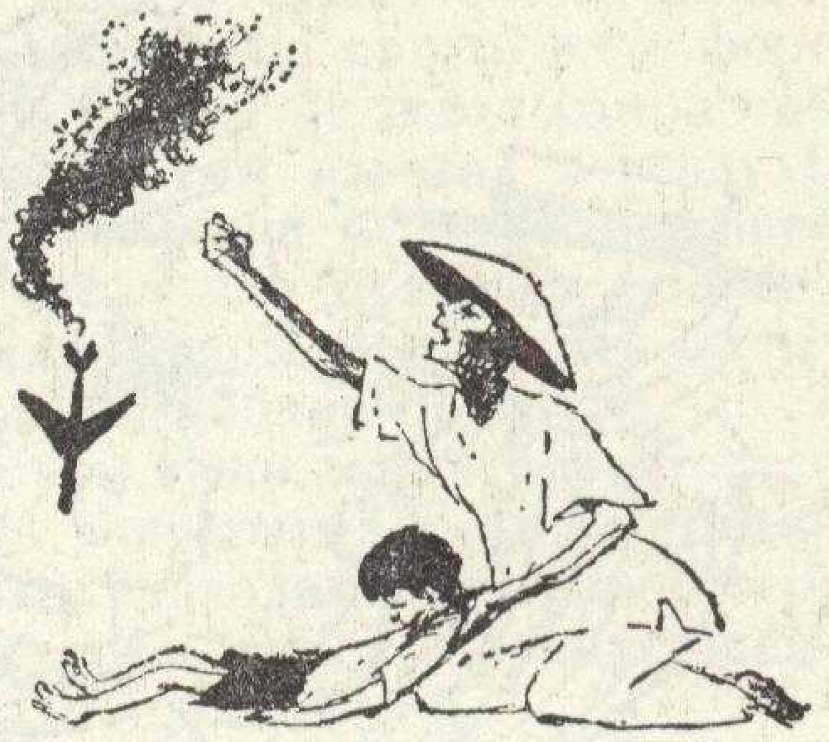
Лучший бомбардир западногерманского футбола Кристиан Мюллер, игрок «ФК Кельн»,— весьма скромный молодой человек. На вопросы журналистов и болельщиков о том, как ему удается забивать мячи, Кристиан отвечает: «Это не моя заслуга, это мои товарищи по команде так выкладывают мне мячи, что мячи летят сами в ворота. Можно даже спокойно выкурить сигару, а то и целую сигару». Некоторые подозревают, что Мюллер таким способом рекламирует свой товар. Ведь он — владелец десяти небольших магазинчиков ... бачных изделий ... тельных ... стей.

ПИОНЕРСКИЙ ГЛОБУС

СЕГОДНЯ В ВЫПУСКЕ

ПОДВИГ ВЬЕТНАМСКОГО МАЛЬЧИКА * ГАЗЕТЧИК С АВЕНИДО ХАИРЕС * СТО ЖЕЛАНИЙ МАЛЕНЬКИХ ТАНЗАНИЙЦЕВ * СЛАДКИЙ СОН В ТРАМВАЕ * «С ТЕЛЕТАЙПНОЙ ЛЕНТЫ»

ЗА ТЕБЯ, НГУЕН!



Нгуен Нгок жил в небольшой деревушке неподалеку от Ханоя. Всего два дня не дожил он до своего десятилетия.

В полдень, когда все взрослые работали на полях, налетели американские самолеты. Посыпались бомбы, вспыхнули дома.

Нгуен схватил маленького братишку и помчался в укрытие. Здесь они были в безопасности. Но вдруг Нгуен услышал сквозь треск разрывов испуганный детский плач.

— Где это? — забеспокоился Нгуен.

Приказав братишке сидеть смирно и тихо, он осторожно выполз из укрытия. Деревня горела. Со свистом летели над головой осколки.

В одном из домов метались насмерть перепуганные малыши.

Нгуен рванулся вперед, но сильный взрыв отбросил его в сторону. Мальчишка с трудом встал на ноги и побежал сквозь пламя...

Трижды преодолевал Нгуен путь от убежища до пылающего дома: троих малышей перенес в укрытие.

Но там, в чаду и пламени, оставался еще один малыш. И Нгуен снова выскочил на улицу.

Осколок бомбы настиг его на обратном пути.

Американские стервятники, бомбившие деревушку, не вернулись на базу.

На обломке сбитого самолета мальчишки написали:

«Это за тебя, Нгуен!»

БУДУЩИЙ ГИД

Вы не знакомы с Энгике Эрнандесом? Ему тринадцать лет, а живет он в столице Мексики городе Мехико.

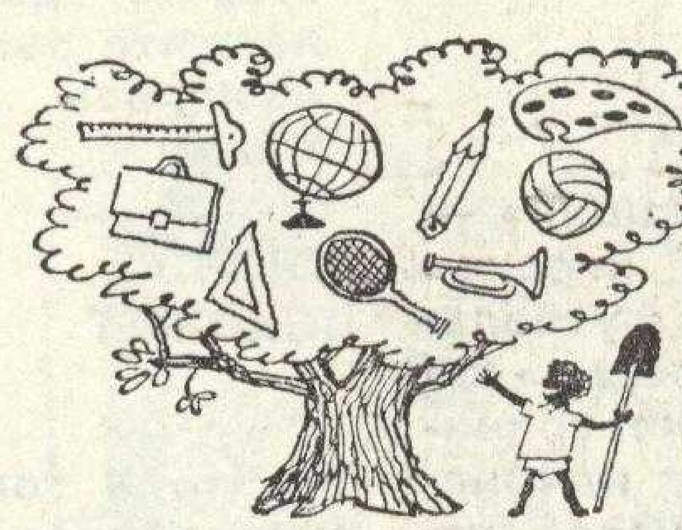
Каждое утро и вечер Энрике продает газеты на самой оживленной улице — Авенидо Хаирес. Это совсем нелегкое дело. Мимо с бешеной скоростью летят машины, и Энрике мечется между ними, успевая на ходу подавать водителям газеты и получать деньги.

Деньги, заработанные продажей газет, Энрике не тратит на покупки: эти деньги дают ему возможность учиться в школе.

Есть у Энрике самая заветная мечта: научиться говорить на разных языках. И через два года, когда в Мехико на Олимпийские игры съедутся спортсмены из всех стран мира, стать гидом: показывать гостям [illegible] город.

Артековцы горячо встречают своих гостей — малийских ребят. Впереди у них ласковые волны Черного моря, общие игры, костры, дружеские разговоры.

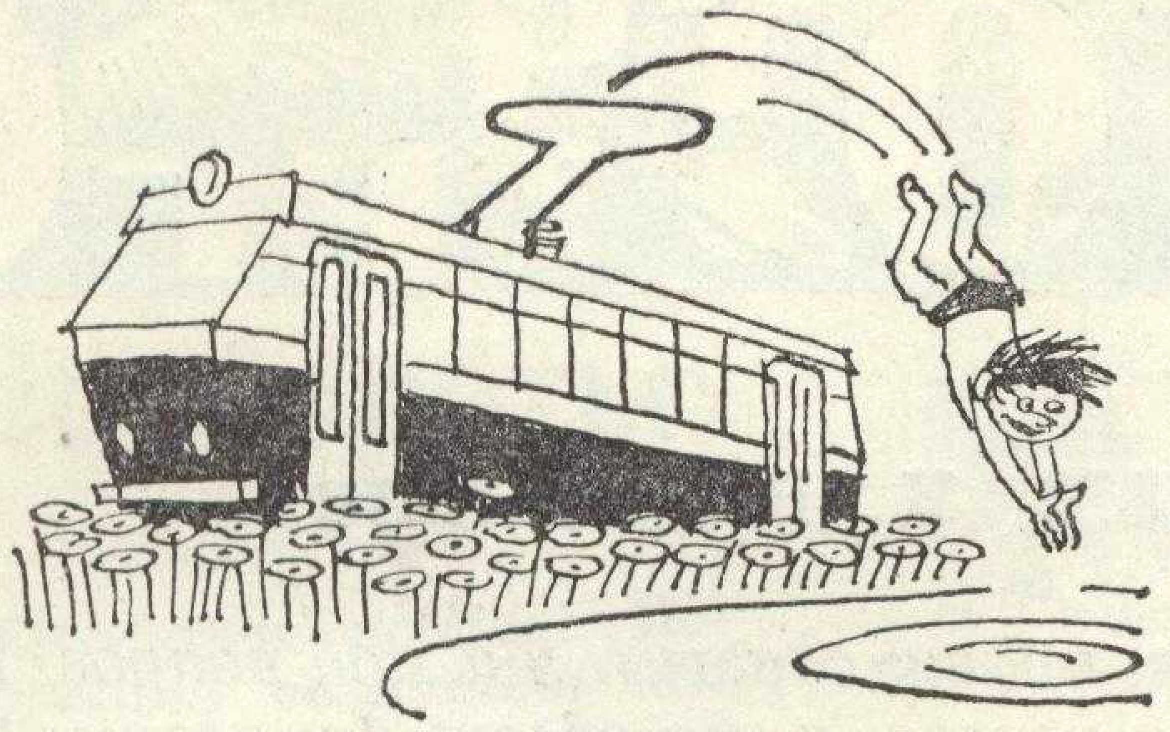
ДЕРЕВО МЕЧТЫ



В далекой африканской стране Танзании растет чудесное дерево. Говорят, если пройти мимо него в пору, когда на ветках вспыхивают алые, похожие на гвоздику цветы, и загадать какое-нибудь самое заветное желание, оно непременно сбудется. Дерево мечты — так называют его жители Танзании, молодой африканской республики, лишь недавно ставшей независимой.

Трудно вырастить дерево мечты. За ним надо много ухаживать, беречь от животных, поливать. Только трудолюбивых и заботливых одаривает оно своими цветами.

Вот сто мальчишек с острова Пемба не поленились и посадили сто деревьев мечты, целую аллею.



«ТРАМВАЙНОЕ БРАТСТВО»

В польском городе Грудзень отправляли на пенсию... старые трамваи.

Много лет бегали они, весело позванивая, по улицам города, катали и взрослых и маленьких жителей. Но пришла пора, и «ветераны» городского транспорта двинулись в последний рейс...

Судьба их была решена: списать в металлический лом, отправить на переплавку...

Но у старых трамваев нашлись друзья и защитники — харцеры. Они пришли в городской Совет и попросили: «Отдайте нам эти вагоны...»

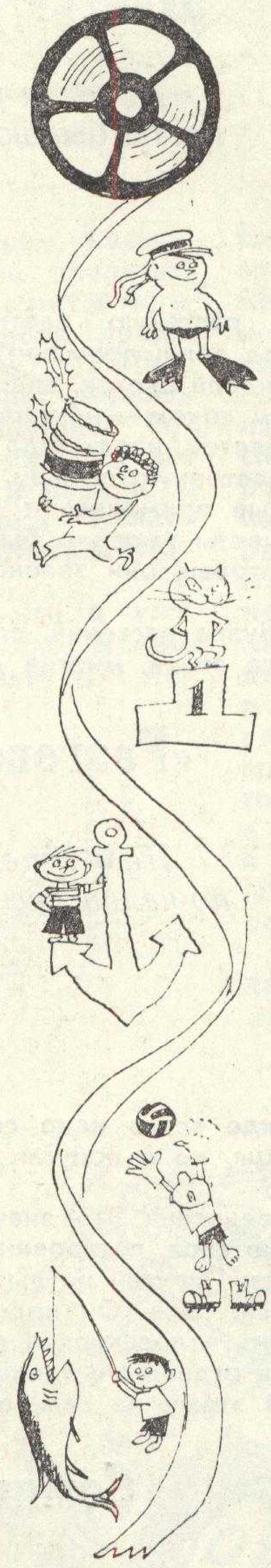
Трамваи вывезли за город, вкопали в землю на опушке леса, неподалеку от озера. И началась новая жизнь старых вагонов: в них харцеры устроили свой клуб. А летом здесь разбили настоящий лагерь. И назвали его «Трамвайное братство».

Если вам доведется побывать в Грудзене, местные мальчишки не преминут похвастаться:

— Я, знаете, недавно неделю проспал в трамвае. Ничего!

До зимы еще далеко, а хоккейный сезон у мальчишек Праги в разгаре. Счет достиг астрономических величин, но, заметьте, ни одного нарушения правил. Очень строг судья на пьедестале!

ВНИМАНИЕ! РАБОТАЕТ ТЕЛЕТАЙП «ПИОНЕРСКОГО ГЛОБУСА». САМЫЕ СВЕЖИЕ НОВОСТИ



*** Школа мореплавателей открыта в Венгрии, на озере Балатон. Каждый вступающий дает клятву стать настоящим «морским волком».

*** В Югославии строится дорога, которая пересечет страну. Каждый пионерский отряд собирает средства на сооружение своего участка.

*** Первая в мире выставка кошек действует в Англии. Ее устроители — четырнадцатилетний Нигель Лид, его ближайший друг и сестры.

Посетители получают консультации по уходу за домашними животными, рецепты кошачьих блюд.

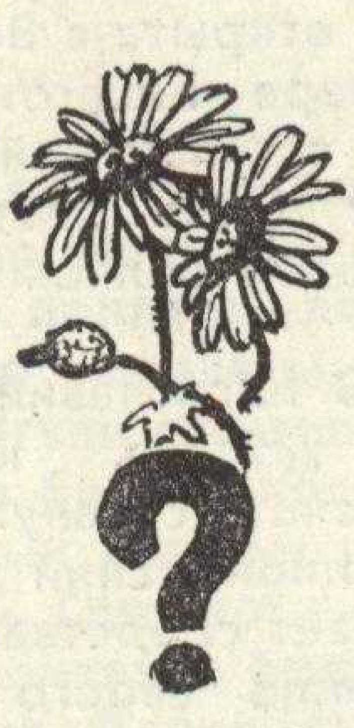
*** Вышел в плавание корабль «Тельмановец». Он построен на средства, собранные пионерами. На мачте корабля рядом с государственным флагом ГДР развевается флаг пионерской организации имени Тельмана.

*** Необыкновенный футбольный турнир прошел в болгарском городе Троян. Участники турнира чавдарчата (болгарские октябрята) долго боролись за победу. Жители города с напряжением следили за баталиями будущих Пеле.

*** Редкий случай в практике рыболовства: мальчишки из Токио, закинув в море обыкновенную удочку, поймали... акулу.

ПИОНЕРСКИЙ ГЛОБУС

Почему и Отчего



Цветы цветные и нецветные

Дорогая редакция, прошу ответить на мой вопрос. Почему цветы бывают разных цветов, а нет зеленых и черных?

Гриша Арион.

г. Красный Луч,
Луганская область.

— А зачем вообще нужен растению цветной венчик? Для украшения? Нет, для дела: приманивать насекомых, чтобы они издали видели цветок, спешили к нему полакомиться сладким соком — нектаром, а потом, перелетая на другой цветок, несли туда на брюшке и лапках прилипшую цветочную пыльцу.

У цветковых растений, которые приманивают насекомых с помощью запахов, цветы нередко бывают мелкие, невзрачные. У некоторых они зеленого цвета. Например, у резеды.

Существует также большая группа растений, опыляющихся с помощью ветра: все злаки, многие деревья и кустарники. У таких растений цветы зеленой окраски вовсе не редкость. Ветру не важен цвет.

Темные, почти черные венчики встречаются лишь у растений, искусственно выведенных человеком. Существуют сорта черных роз, черных тюльпанов, черных гладиолусов, виол. Но если всмотреться внимательнее, всегда оказывается, что это не черный, а очень темно-красный или темно-коричневый цвет.

Так ответил на вопрос Гриши заведующий филиалом ботанического сада МГУ Владимир Кириллович Мукосеев.

«Разговорные таланты»

Нам хотелось бы знать, почему попугай может говорить по-человечески, а другие птицы не могут.

Вова Чумаков, Саша Алешев.

г. Рузаевка.

Дорогие Вова и Саша! Прежде всего надо сказать, что не только другие птицы, но и попугаи не могут говорить по-человечески.

Что значит говорить по-человечески? Это значит выражать свои мысли с помощью слов, построенных в связные фразы и предложения. Попугай не выражает никаких мыслей с помощью слов. Он просто обладает способностью подражать человеческой речи — издавать звуки, похожие на отдельные слова и фразы. Обычно он выучивается этому не сам, а с помощью своего хозяина, который терпеливо день за днем говорит ему одно и то же слово, одну и ту же фразу, пока попугай не станет их повторять ради получения лакомства.

Но напрасно вы, мальчики, несправедливы к другим птицам! Такой же способностью «говорить» обладают: сорока, черный ворон, галка, скворец и даже грач. Мы, артисты цирка, используем «разговорные таланты» этих птиц в своей работе.

Наталья ДУРОВА

Соминый рост

Дорогая редакция!
Интересно узнать, до каких размеров может вырасти рыба сом за всю свою жизнь.

Валя Лосева.

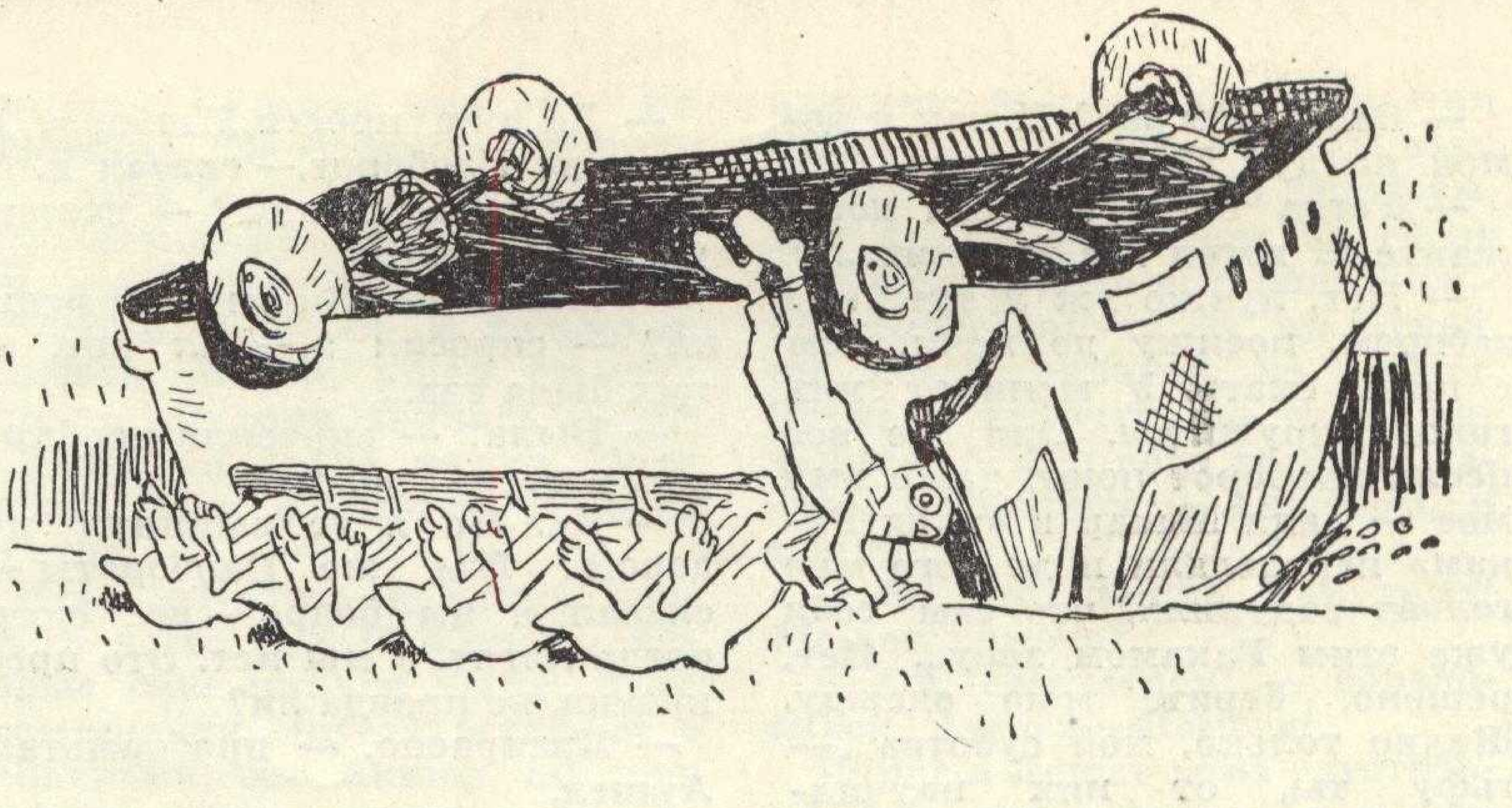
г. Ковылкино,
Мордовская АССР.

Видишь ли, Валя, все зависит от того, сколько времени живет этот сом и как много у него пищи. Если сом не станет добычей рыбаков, он может прожить очень долго, а поскольку рыбы, как ты, по-видимому, знаешь, растут всю жизнь, от появления на свет и до самой смерти, сомы бывают огромные: больше трех метров длиной и килограммов на четыреста.

С. ОШАНИН

СМЕХОТРОН

и Наобороты



Наш Смехотрон пропал! Исчез! Редакция волнуется. Мы звонили в милицию, и по нашей просьбе пустили трех ищеек искать следы. Бегают по городу наши знакомые ребята, тоже ищут. Вот уже пошли и прошли четвертые сутки, наступили пятые, скоро вечер, и никаких известий... И вдруг звонок!

Хватаем трубку: «Алло!» А из телефона слабо-слабо:

— Это я! Я в парке, в будке, без сил...— И мы услыхали тут звук падения тела, звон металлических частей, а Смехотрон (это был он) умолк, казалось, навсегда...

Сами понимаете, мы бегом вниз, хватаем на ходу такси, мчимся в парк. Там стали телефонную будку искать, а их полным-полно! В одной какой-то толстый гражданин, в другой даже двое, в третьей какие-то хулиганы кошку заперли, и она как прыгнет на нас! Мы назад! И бежать! Потом глядим, вот она, нужная будка: из двери знакомая ножка торчит, но — ужас! — и не шевелится даже... Подбегаем и видим — печальная картина: лежит на полу Смехотрон и почти не дышит. Мы его за ручки, за ножки и в машину скорей, да всыпали в рот тройную порцию самых отборных смешинок. Ожил Смехотрон.

— Где ты пропадал,— говорим,— разве так можно?

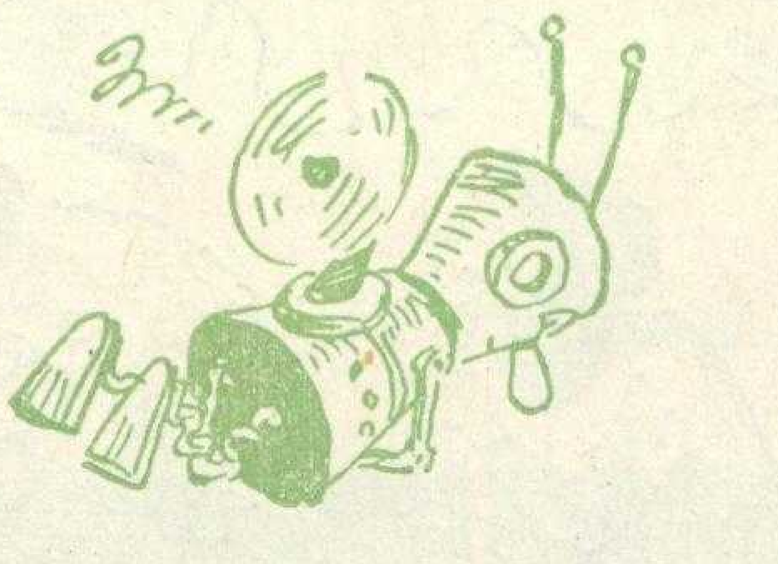
— Ах, ох,— застонал он,— и не спрашивайте. Лучше выньте из меня кассету с магнитной пленкой. Я записи там вел...

Мы так и сделали. Пленку — в магнитофон и услыхали:

«Понедельник. Утречком, пока никого нет в «Пионере», почистил я, как всегда, и смазал свои винтики и шестеренки, проверил все части тела — это моя физзарядка — и, взяв под мышку вентилятор для полетов, отправился на прогулку. И вдруг!

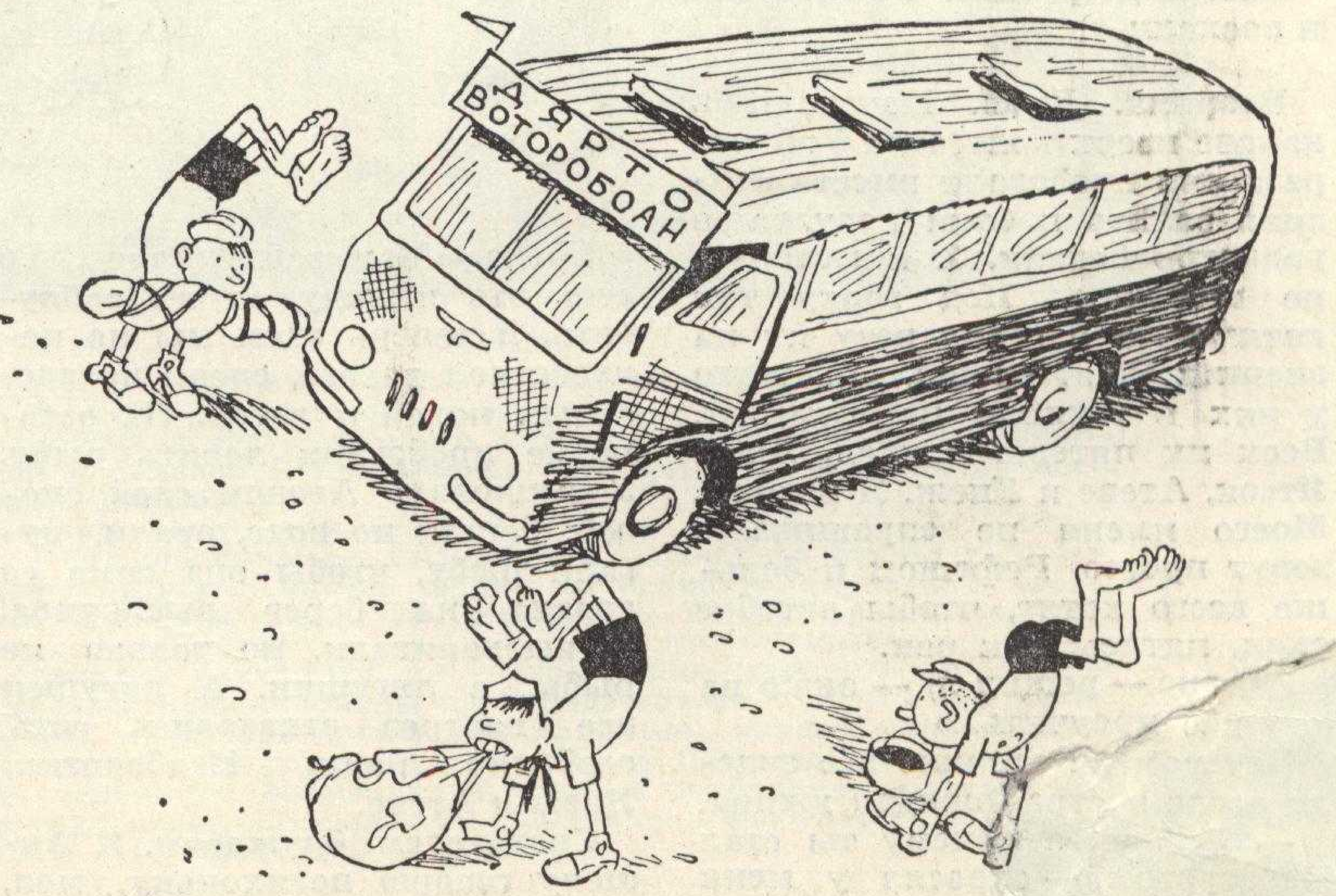
Недаром со слова «вдруг» начинается все неожиданное. Пролетая над одним двором, я вдруг увидел необычайное зрелище. Стоял посреди двора автобус, и впереди у него горела яркая надпись «ДЯРТО ВОТОРОБОАН» (читай шиворот-навыворот). Несколько мальчишек бегали по двору на руках, обутых в тапочки и кеды, и носили в зубах вещмешки, тюки с палатками, грузя все в «суботва» (читай задом-наперед).

Я вспомнил: кое-что я уже слышал об этом отряде, и мне давно хотелось узнать их поближе. Я стал приземляться за забором, стараясь быть незаметным, и угодил прямо на человека, который явно от кого-то удирал...



Мы упали. Одновременно схватили друг друга и оба спросили шепотом: «Кто вы?» Узнав, что я Смехотрон, человек успокоился. Оказалось, что он шофер автобуса, но ехать с Наоборотами не желает, потому что им надо без дороги, по полям, по лесам и куда глаза глядят... Однако привезти их надо в деревню Большие Сморчки, где эти Наобороты вызвали на спортивное состязание по многоборью другой дворовый отряд с соседней улицы, который ушел в поход еще на прошлой неделе и возле Больших Сморчков должен ждать Наоборотов.

— Тогда снимайте куртку, давайте мне ваши брюки и кепку,— сказал я.



— Это зачем же? И как я домой пойду? Мне совестно...

— Тогда сами с ними поезжайте. Я хотел вас заменить...

— Нет, лучше уж я тут, под забором, посижу до ночи, чем с ними ехать. У меня от них голова кружится. Они же все песни наоборот поют, даже имя мое — дядя Макар в «ядяд Ракам» переделали и до того мне голову задурили, что сам себя уже этим Ракамом зову... Нет, решено, берите мою одежду. Жалко только, мой суботва... — тьфу ты, от них научился! — жалко, автобус они мне изуродуют. Вы, товарищ Смехотрон, сами-то не шофер, а?

— Я все умею,— успокоил я дядю Макара. Надел его брюки на руки, куртку на ноги, а кепку так напялил, что сразу сделался неузнаваем.

Влез я на забор, они меня увидали, завопили «Ару, ару!» и от радости, что шофер тоже Наоборот, запели песенку:

Рос на крыше огород,
Лево — это право.
Мы народ Наоборот,
Нет на нас управы.
Кукареку, мяу, гав.
Кто не с нами — платит
штраф!

— Скорей, шофер, заводи мотор. Мы помчим во весь опор вон на тот большой бугор! — пели они, орали и прыгали.

«Ладно,— решил я про себя,— попробую я стать Наоборотом, но уж я таким буду Шиворот-навыворотом, что вам самим не поздоровится!»

Затем догрузили вещи, сели и поехали.

Вторник. Едем. Ночевали в канаве вверх колесами. Уже два раза они пробовали вместо бензина залить в баки воду, а в радиатор бензин. Я и мотор-то не включаю. Под горку так катимся, а в горку везу их на энергии ЧИ. Хорошо, что никто у них в технике не смыслит. Всех их пятеро: Акшел, Авов, Ятсок, Атевс и Янеж. Я шестой. Моего имени не спрашивали, зовут просто Рефошом и больше всего хотят, чтобы автобус ехал, пятясь, как рак.

«Ладно,— решил я, — знаю на чем вас проучить...»

Вечером на стоянке все сидели возле костра, ожидая ужина.

— Рефош, а почему ты стал Наоборотом? — спросил у меня Акшел, с удивлением разглядывая пустые мешки из-под провизии.

— Да я не просто Наоборот, я дважды Наоборот,— сказал я.

— Как это дважды? — вскричали все хором.

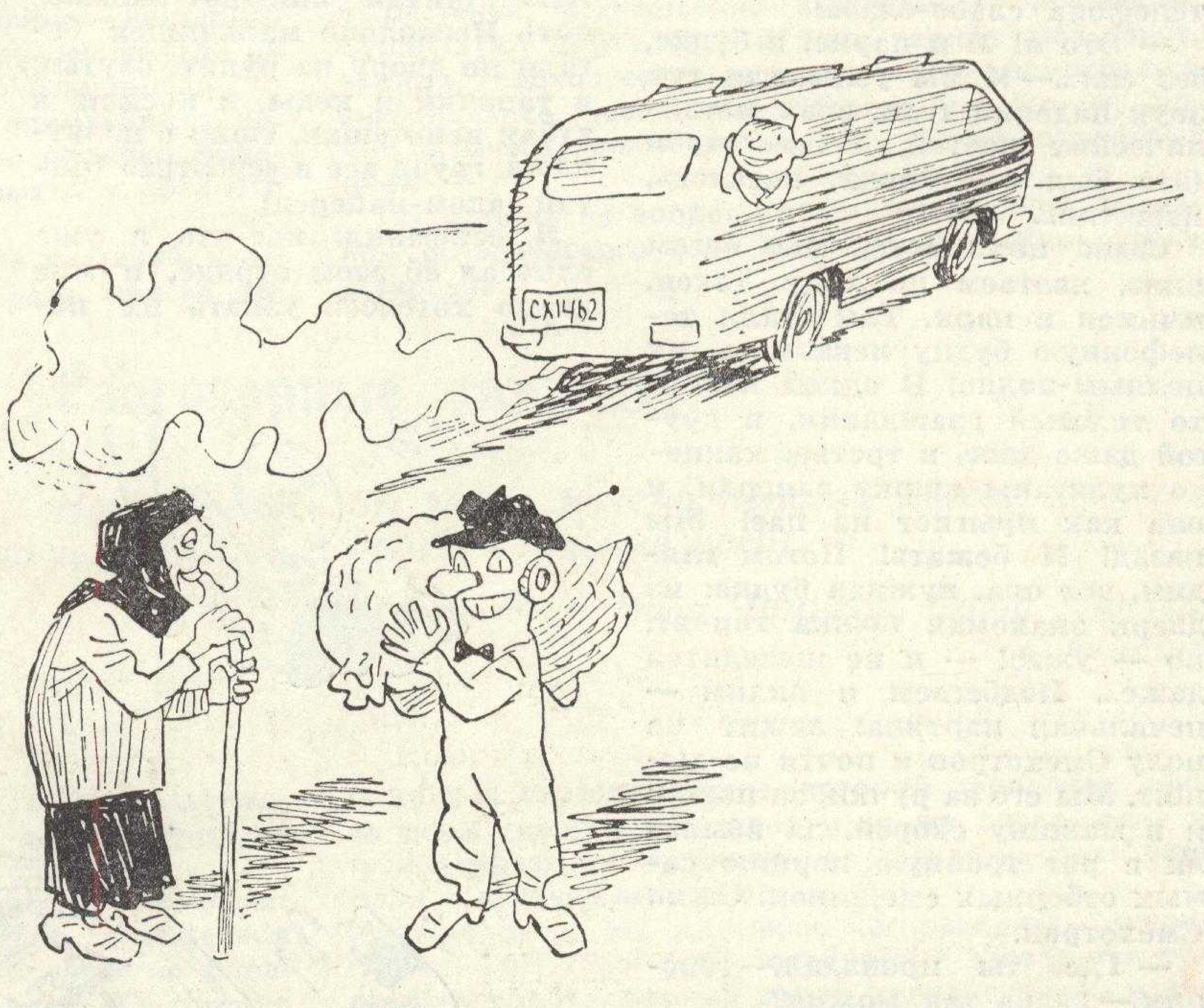
— А вот так. Видите эти мешки? — спросил я.— Так вот, в них была еда...

— Была? — спросили все хором и очень громко.

— Да. Но я ее выкинул по дороге. Мы же Наобороты,— сказал я им бодро,— все едят, когда хотят, а мы нет. Это прекрасно, не правда ли?

— Прекрасно, — пробормотал Акшел.

Спать ложились голодные и унылые, а ночью всем снились вкусные и сытные сны. Утром попили чаю без заварки и с солью, поехали дальше. Впрочем, это уже была среда.



Среда. Мы заблудились. То есть это я надумал их заблудить, и теперь едем мы по неизвестной дороге, среди неизвестных полей и лесов. На остановке пробовали ловить рыбу. У Акшела с Авовом свой способ: бегали по воде, орали, пугали рыбу, чтобы она сама со страха на берег выскочила. И выскакивали, но только не рыбы, а лягушки. А лягушек все наотрез отказались есть, особенно наши Наоборотки, Янеж и Атевс.

Снова едем, блуждаем. Я Акшелу говорю потихоньку, мол, надо же кормить отряд, то есть «дярто», а то какое же будет состязание, соревнование людей и скелетов, что ли? Но Акшел молчит. Тогда я ему говорю, что мы и едем-то, может, не туда. Тут Акшел усмехнулся загадочно и сказал тоже загадочно:

— Наобороты всегда едут не туда, а приезжают туда, куда надо!

На остановках ели траву: щавель, подорожник и лопухи. Мне стало их жалко, и я сделал вид, что нашлись нечаянно сухари и немного колбасы... Ведь я не выбрасывал еду, я припрятал ее!

Это был целый пир! Жевали, уписывали за обе щеки да похваливали. Кажется, скоро ряды Наоборотов поредеют. Один Акшел тверд по-прежнему: не ест и не хочет жить, как все. Даже поспорил со мной, что и сам до конца все выдержит и всех ребят сумеет уговорить! Ну, еще посмотрим, кто кого...

Четверг. На мою компанию нельзя смотреть без хохота, так что ЧИ пока хватает. Везу их, а куда — сам не знаю. Запутался. К тому же, когда мы перевернулись, то я себе погнул антенны и не могу теперь связаться с «Пионером». Это плохо.

Кажется мне, что по этим местам мы уже проезжали. Видимо, мы катим по кольцевой дороге, вот почему Акшел не волнуется. Ясно. Хитер!

По дороге шла старуха с большим мешком. Я предложил ее подвезти, и вот тут-то обнаружилось самое неприятное: Акшел запротестовал, мол, пусть

она сначала скажет, что хочет быть Наоборотской, тогда поможем, а иначе...

— Но ведь ей тяжело,— сказал Ятсок.

— Пусть отдыхает почаще,— бросил со смешком Авов.

— Тогда я вылезаю из машины,— сказал я и вышел из автобуса, но зря погорячился, потому что автобус тут же сорвался с места и укатил без меня. Все смешинки мои запасные там!

Отнес старушке мешок до дому. Устал. Сижу у дороги, жду. Может, вернутся они за мной? Но вечер уже, ночь близко, и дождь собирается, а для меня хуже всего — промокнуть и заржаветь!

Ночь. Сил мало. Кругом лес. Я еле-еле плетусь. Попробую залезть на дерево. Ого! Я, кажется, в самое время поспел и с дерева, как с трибуны стадиона, могу видеть... Что? Да это самое состязание между обыкновенными ребятами и моими Наоборотами.

Что ж, буду вести репортаж. Мой микрофон установлен на стадионе «Лесная поляна». Из компании Наоборотов прибыли на место лишь Акшел и Авов. Все остальные, как выяснилось позднее, покинули автобус сразу же после меня. И только я, принеся мешок, ушел от старушки, как они явились к ней и давай ей дрова колоть, воду носить. Она их потом усадила за стол...

Итак, осталось к концу четверга всего два Наоборота, которые сию минуту бегут: один стометровку, другой эстафету с барьерами; это Акшел, он уже партию в городки проиграл, через яму прыгал—в воду упал, но кому же он эстафетную палочку вручит, если Авов, закончив стометровку, сразу же стал играть в настольный теннис?

Ага, Авов забил мячик от пинг-понга далеко в кусты и кинулся к Акшелу, принял от того эстафету и побежал следующий этап, а Акшел скорей к пинг-понгу. Но впереди у них игра в волейбол, прыжки в высоту, плавание и что-то еще. Короче говоря, они так, бедняги, забегались и запрыгались, что все перепутали, и представьте себе картину: Акшелу надо с шестом прыгать, Авову — показывать скоростное лазание по деревьям, так Акшел с шестом на сосну запрыгнул, а Авов в волейбольной сетке запутался, ни рукой, ни ногой двинуть не может. Зрители хохочут, по траве катаются. А я, я ведь тоже на дереве, рядышком с Акшелом, и кричу ему:

— Ну что, Лешка, как дела? Может, помочь?

— Ой, Смехотрон! — обрадовался Акшел.—Помоги!

Помог я Лешке вниз спуститься, Авов сам распутался, и взяли мы пятиминутку, чтобы подумать. В это время другие бывшие Наобороты подоспели. Дело пошло совсем по-другому, и, когда кончилось состязание, судьи решили: ничья. Очков набрано поровну. Но время уже позднее, ночь на носу, пора домой ехать!

Пятница. Бензину нет, я устал, энергия ЧИ кончается, одно хорошо: справился я с Наоборотами, нету их больше. Еду домой!»

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ВЕСТИ ИЗ СТРАНЫ ХОББИ

Приглядись-ка повнимательнее к этим маркам. На одной — что за чудо! — аэроплан летит «вверх ногами». Может быть, он делает мертвую петлю? Тогда почему же стоит на голове почтенный юбиляр, в честь которого выпущена другая марка? И опрокинулся монумент английской королевы? И поменялись местами небо и земля на последней марке нашей небольшой коллекции?

Во всем виноваты печатники. Дело в том, что марки часто печатают в две и больше красок и, значит, в два и больше приемов. Сначала одна печатная форма наносит на будущую марку один цвет, другая печатная форма оттискивает на бумаге часть рисунка другим цветом. И вот тут-то и случается, что бумагу после первого прогона возьмут да и нечаянно перевернут. Тогда и получаются этакие марки-перевертыши.

Разумеется, смешные опечатки случаются не часто. Марки-перевертыши — большая редкость. Вот почему богатые коллекционеры на Западе готовы платить фантастические суммы, чтобы заполучить их в свои коллекции. Например, новозеландская марка (та, на которой снизу небо, а сверху горы), выпущенная в 1903 году, недавно [illegible]нена в Англии в 500 фунтов стерлингов. Знаменита и марка с аэропланом, поя[illegible]ся на свет в 1913 году. Два года назад на марочном аукционе в Нью-Йорке он[illegible] продана за баснословную цену — 15 тысяч 500 долларов!

ЧНЧ
Что нам читать?

На подмосковных рубежах

В честь двадцатипятилетия победы наших войск под Москвой журнал «Пионер» проводит операцию «Цветы на бруствере». Мы советуем тебе прочитать эти книги, они помогут воссоздать картину великой битвы на подмосковных рубежах, расскажут о беспримерной храбрости и мужестве ее участников, о защитниках столицы, не щадивших ни крови своей, ни самой жизни во имя победы над врагом.

БЕК А. **Волоколамское шоссе.**
БЕК А. **На фронте и в тылу.**
БЕЛОВ П. А. **За нами Москва.**
БЕЛОБОРОДОВ А. П. **Ратный подвиг.**
ВАХРУШЕВ А. М. **На Можайском направлении.**
Великая Отечественная война Советского Союза.
КОЛЕСНИК А. Д. **Немеркнущая слава защитников Москвы.**
НЕЧАЕВ Н. П. **На поле русской славы.**
СБОРНИК **«Народное ополчение Москвы».**
СБОРНИК **«Шаги в бессмертие».**
СЕЛИВАНОВ Ф. **Панфиловцы.**
СЕМЕНИХИН Г. **Над Москвою небо чистое.**
СЕВРЮГОВ С. Н. **Так это было...**
СОЛОВЬЕВ В. К. **Под Наро-Фоминском.**
ФРОЛОВ Г. **Вера Волошина.**

МИСТЕР РАДД И ЕГО СЕМЕЙСТВО

Раскрыв эту книгу, вы познакомитесь с семейством Стила Радда и окажетесь на ферме в самом центре австралийского буша.

Вы попадете в атмосферу труда, горестей и радостей, и близкими вам станут и «Па Радд», «Ма Радд», сестры и братья, и не только они, но и их многочисленные лошади и собаки.

Удивительно умеет автор рассказывать. Он рассказывает так, что далекая Австралия вдруг приближается и мы чувствуем себя с ней рядом.

Более того, мы будто ходим по ее земле, раскорчевываем ее леса, разводим кур, овец и коров, засеваем клевером и люцерной ее поля, возделываем кукурузу.

И люди, живущие на ферме, люди, работающие на ней, трудятся так близко от нас, что мы видим их, как говорится, невооруженным глазом. Впрочем, это неверно: наш глаз именно вооружен, и вооружил его австралийский писатель Стил Радд.

На родине, в Австралии, его любят и хорошо знают, а герои его книг стали нарицательными, как Фамусов и Чацкий или Хлестаков, Манилов, Чичиков у нас.

Фамилия Радд происходит от английского слова «радди», что значит румяный, здоровый, крепкий.

И действительно, все — и сам писатель и его герои — именно «радди», они крепки, румяны, здоровы. Писатель Алан Маршалл говорит в своем предисловии к изданию книги Стила Радда на русском языке:

«Австралия многим обязана этим людям, которые покоряли целинные земли диких зарослей топором, «Л[illegible]ой, огнем, своим потом, своими страданиями». [illegible] людей и вывел на страницы повестей [illegible] они близки ему, и он добивается [illegible]овятся и нашими друзьями.

[illegible]тся таких книг в мировой литера[illegible] [illegible]тся перечитывать снова и снова, [illegible]еднюю страницу.

[illegible]адда в самом деле такая. Поэтому не удивительно, что писатель написал ее продолжение «На нашей новой ферме», где снова действуют уже полюбившиеся читателю «Па Радд» и «Ма Радд» и все братья и сестры, все их лошади и собаки. Но этого оказалось мало: читатель требовал новых приключений... И подобно тому, как Конан Дойль всю свою жизнь писал рассказы про Шерлока Холмса, Стил Радд всю жизнь оставался верным своей семье.

Книга, которую я советую вам прочесть, первая из этой серии, первая и лучшая. Составлена она из двух повестей: «На нашей ферме» и «На нашей новой ферме».

В какие бы трудные положения ни попадали ее герои, им неизменно сопутствует юмор, и невзгоды они переносят с завидным спокойствием. Это смелые, честные люди, а главное, труженики, для которых никакая работа не в тягость. Жизнь их наполнена до краев, им не приходится скучать, и они знают, что если что-то сегодня не получится, терпение и труд перетрут все препятствия и в конце концов солнце прорвется сквозь тучи.

Я мог бы еще много говорить о ней, но мне кажется, что и того, что я уже сказал, достаточно, чтобы, придя в библиотеку, вы попросили ее.

Итак, на этот случай запомните:

Стил Радд. «На нашей ферме». Издательство «Детская литература». Повесть в двух частях. Перевод с английского Ирины Головня. Рисунки из австралийского издания. Москва, 1965 г.

И. РАХТАНОВ

Мой телескоп

Я сделал телескоп сам, без посторонней помощи. В постройке мне помогли: «ДЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ», том второй, и книга Л. ГАЛЬПЕРШТЕЙНА и П. ХЛЕБНИКОВА «ЛАБОРАТОРИЯ ЮНОГО ФИЗИКА». В этих книгах рассказывается о постройке телескопа, материалах, нужных для его постройки, о штативе и некоторых несложных оптических расчетах, которые нужны начинающему телескопостроителю.

Перед началом работы я еще почти ничего не знал по оптике, даже не знал, с чего начать. Но потом с помощью этих книг я разобрался в телескопостроении.

Игорь Даен,
г. Киев.

Бокс не драка

Признаемся откровенно. Кто из нас не мечтал когда-нибудь стать таким ловким и сильным, чтобы самому не бояться никого, а тебя бы все боялись? Подойти тогда к самому злому и задиристому силачу, расталкивающему малышей, и так ему стукнуть, чтобы он с одного удара полетел на землю!

Мечтал об этом и Гена Строганов, претерпевший множество обид и унижений от грозы всего двора — хулигана Митьки Рыжего.

Это обстоятельство, собственно, и побудило Гену записаться в детскую школу бокса.

«Стану сильным, как Попенченко, разучу все удары, выйду на двор и так изобью подлеца, что он чуть живой уползет!» — мечтал Гена, с трудом осваивая премудрости кожаных перчаток.

А получилось совсем иначе. Драться с Митькой не понадобилось. Достаточно было Гене почувствовать себя сильным и смелым, стоило лишь ему открыто и безбоязненно взглянуть в наглые глаза хулигана, как тот скис и трусливо, как нашкодивший щенок, уполз в свою конуру.

Хулиган нападает только на того, кто слаб и кто трусит, а натолкнувшись на подобранную и крепкую стойку боксера, предпочтет отступить и обойти его стороной.

Обо всем этом интересно рассказано в повести бывшего чемпиона Советского Союза по боксу **Виктора Пушкина «Самая крупная победа»**.

Рассказано там подробно и о том, чем отличается искусство бокса от простой драки на кулаках, как упорные пареньки овладевают этим нелегким мастерством, как проходят тренировки, упражнения на спортивных снарядах, «бои с тенью», соревнования на ринге.

Не так-то просто было пройти Гене этот долгий путь от робкого мальчишки до победителя в чемпионате. Неизвестно, что было поначалу труднее: мыться ли по утрам до пояса холодной водой, или отправиться ночью одному на темный чердак; избавиться от дурных отметок, или научиться твердо держаться на пружинистых ногах, закрывать в горячке боя себя от ударов, мгновенно разгадывать хитрые замыслы противника, вкладывать всю свою силу в решающий удар? Недаром повторял всегда тренер Вадим Вадимыч:

— Бокс не драка, а очень тонкое и трудное искусство, которым можно овладеть только в том случае, если будешь настойчиво и терпеливо работать над собой.

Этому искусству и посвящена повесть В. Пушкина.

А. АЛЕКСЕЕВ

РАССКАЗ О ПОДВИГЕ

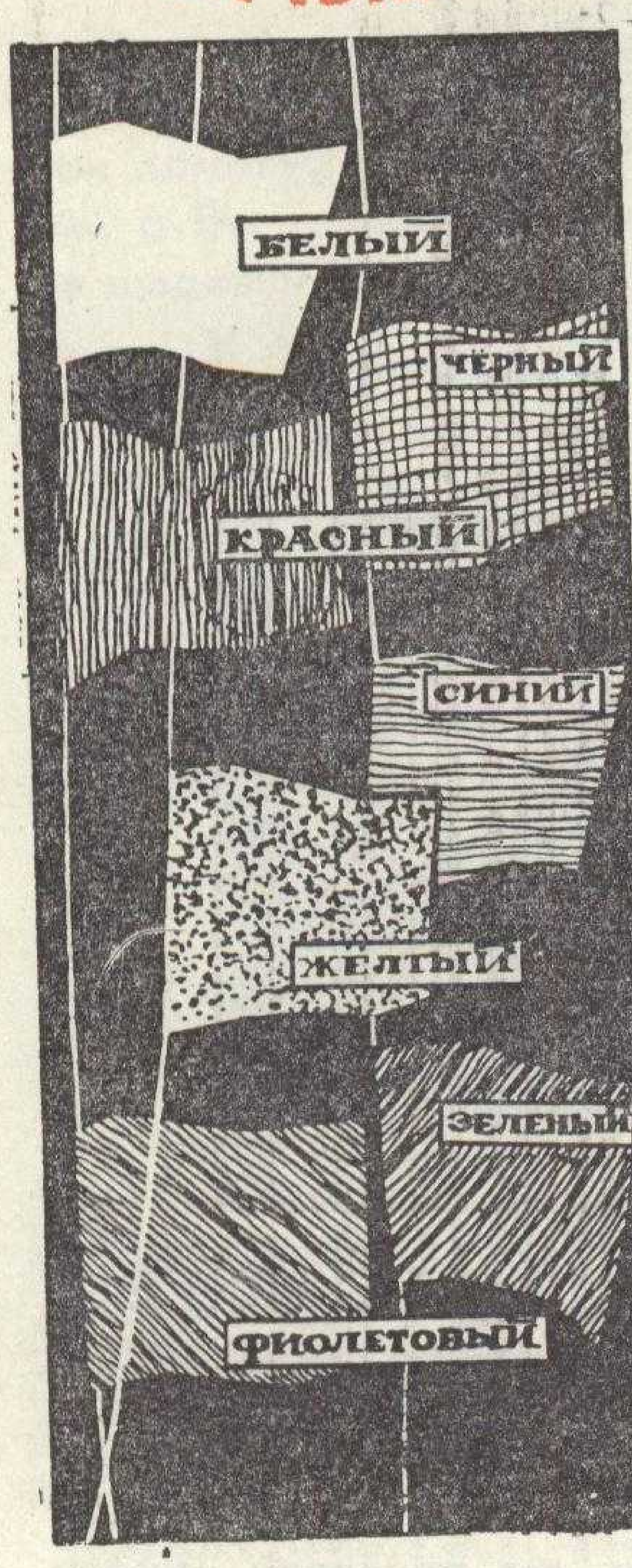
Встреча с героем всегда интересна, особенно если он твой ровесник. Такая встреча предстоит тебе, если ты прочтешь книгу А. ЛАЗЕБНИКОВА «МАЛЬЧИК ИЗ НАРВИКА».

Кто же этот мальчик?

Однажды русские военнопленные, находившиеся в 1944 году в фашистском лагере Баланген в Норвегии, на лесной тропинке, по которой их водили на работу, увидели мальчишку лет десяти. Маленький норвежец ждал их. Он сумел незаметно для конвоира сунуть пленным свертки с едой. Это было началом знакомства русских военнопленных и школьника Руальда Педерсена.

Мальчик понимал, что фашисты не помилуют его, если он им попадется, что он может поплатиться жизнью за связь с русскими, но он также знал, что русские защищали его народ от фаш...

Ты узнаешь о том, ка... альд Педерсен, кто б... зья, как, не зн... бывшие ... скали в...



Наш флаг красного цвета. Мы знаем с тобой, что этот цвет значит...

А тебе интересно узнать, что означают цвета флагов других стран! Что ж, давай познакомимся с цветами нашей планеты.

Только прежде условимся о том, как будет обозначен цвет на наших страницах. Посмотри на рисунок сверху.

БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ ОРЛА НА БАГРЯНОМ ФОНЕ ЗАКАТА

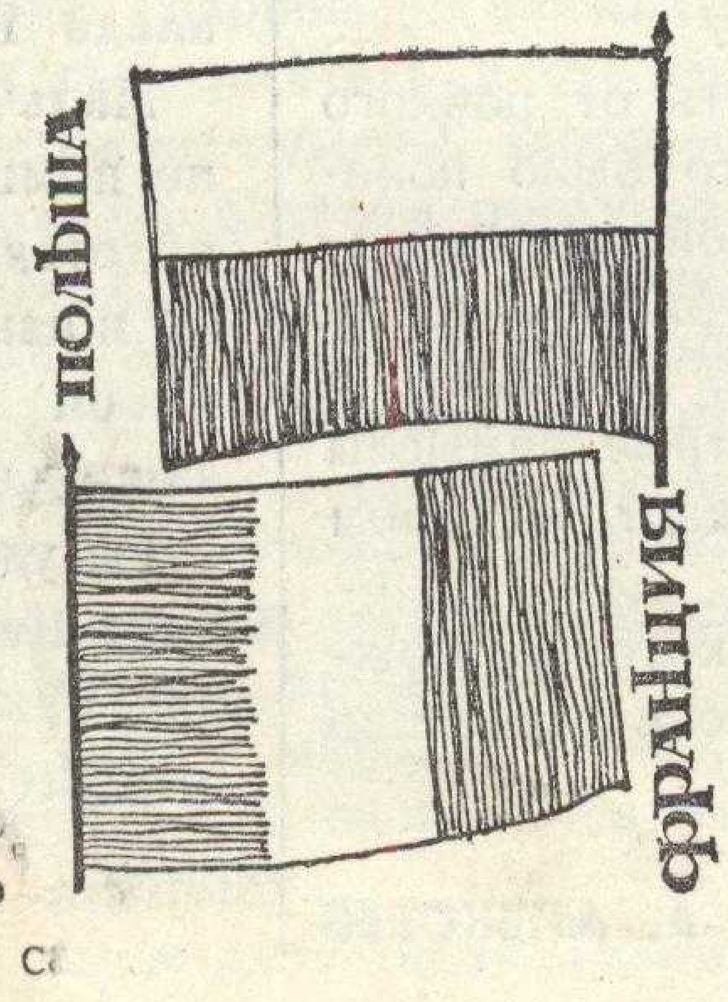
В этом году польский народ празднует тысячелетие своего государства. Примерно столько же ... и древнему поль-
«Ла... флагу. Когда исто-
чем вас ...ы и ее флага
Вечером ...бь веков,
ли возле костра... точно
— Рефош, а ...тся т...
Наоборотом? — с...тся пер...
Акшел, с удивлен...
вая пустые мешки ...еднюю
визии. ...адда в с...

...Это было очень давно. Над польскими землями нависла смертельная опасность: с запада вторглись бесчисленные полчища немецких рыцарей. Навстречу им вышло польское ополчение. Командовал полками могучий и храбрый Лехонс. Когда войска сошлись, чтобы начать жестокую сечу, заходящее солнце обагрило своими лучами вершину горы, и польские воины увидели огромного белого орла, парящего над полками. Все восприняли появление гордой и сильной птицы как доброе и славное предзнаменование и с воодушевлением бросились на врага. Захватчики были разбиты наголову. После этого, гласит легенда, был избран бело-красный флаг Польши. Белая полоса — цвет орлиных крыльев, красная — багряный закат в день битвы.

ПЛАЩ И ПЛАМЯ

Трехцветный флаг Франции родился в 1789 году, когда восставший народ Парижа штурмом взял Бастилию. День 14 июля стал национальным праздником.

Красный и синий — это древние цвета герба Парижа. По преданию, цвет плаща святого Мартина, легендарного покровителя города, был синим, а красный — это пламя восстаний, которые не раз поднимали свободолюбивые парижане. Белая полоса была взята якобинцами из флага Нидерландской республики — одной из первых республик Европы.



Шутки

— Good day! — сказал он, появившись у нас в редакции.— Happy to meet you.

— Who are you? — растерянно спросил сотрудник, немного говоривший по-английски.

— Oh, bitte, ich bin Doktor Polyglott,— представился гость на отличном немецком, и не успели мы виться, сердечно поинтересовался по-чешски:

— Rozumí te mně?

Потом он вдруг перешел на монгольский:

— Сайн сууж байна уу?

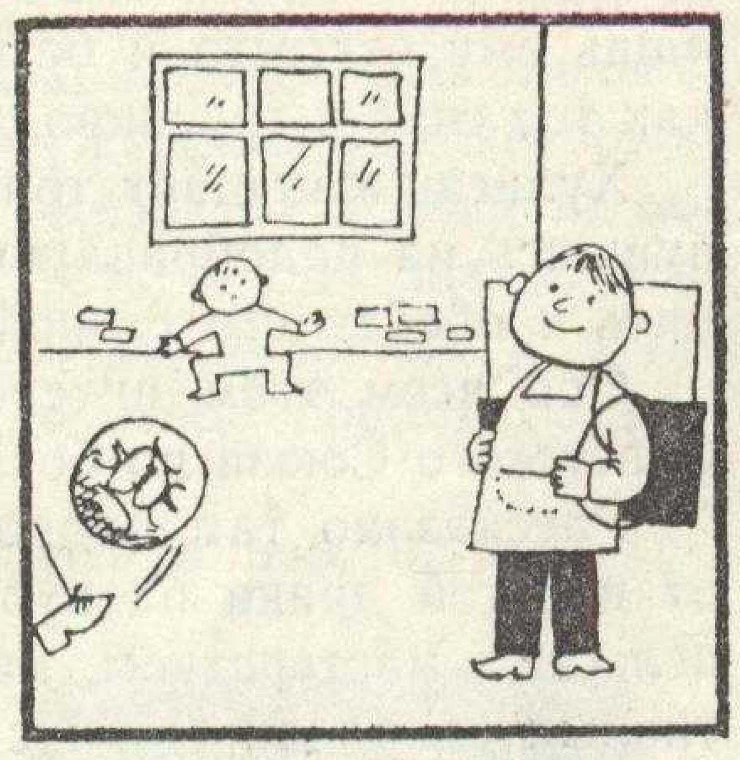
Мы смущенно промолчали.

Доктор Полиглот поговорил еще немножко поарабски, по-испански, по-узбекски и неожиданно заявил на чистейшем русском языке:

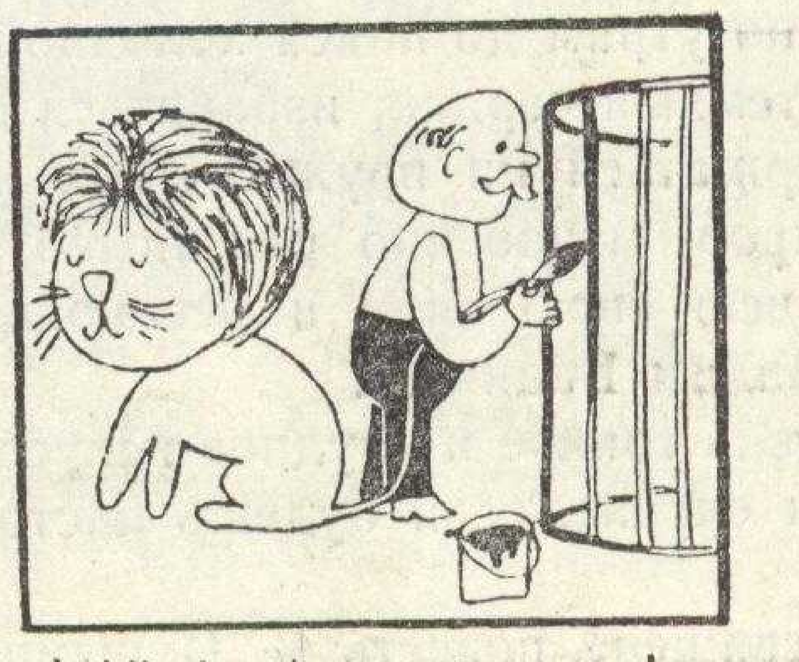
— Если хотите, я буду вашим сотрудником. Мне

UMOR

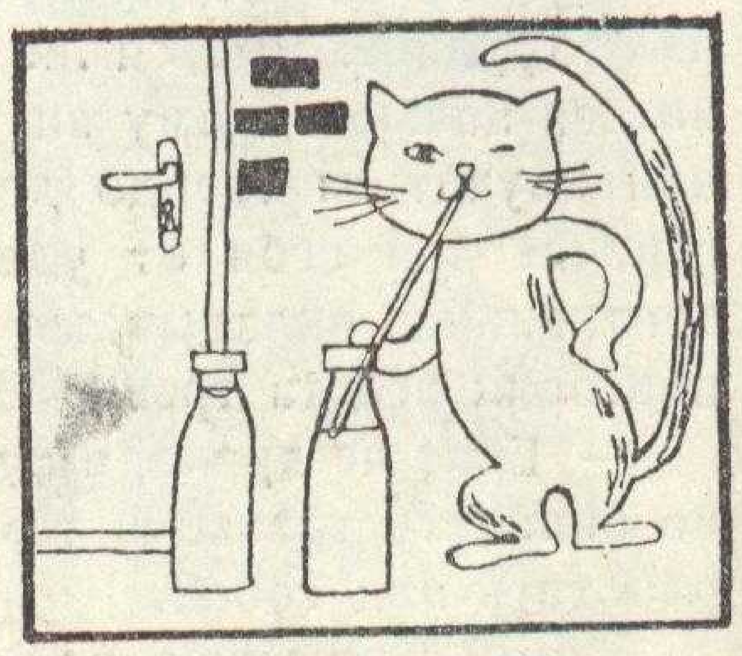
— Ce faci acolo?
— Antrenament pentru zborurile cosmice!



Fără cuvinte.

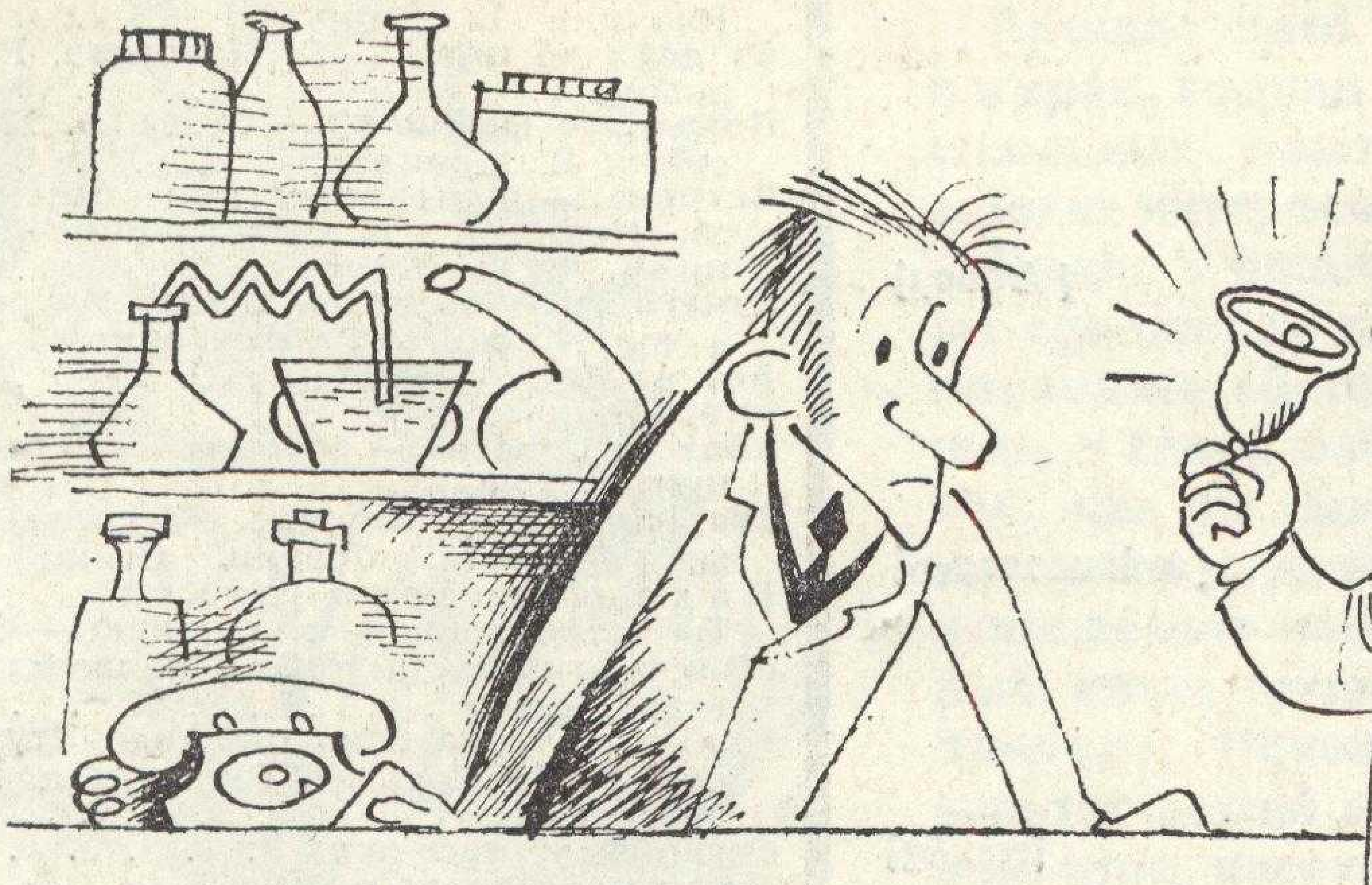


Imblinzitorul vopsește cușca leului.



Micul inventator.

ДОКТОРА ПОЛИГЛОТА



A man entered a chemist's and asked whether he could ring up. The chemist agreed and pointed to the telephone apparatus. The man then took a bell out of his pocket, rang it, raised his hat, bowed and left the shop.

ужасно нравится рассказывать ребятам занимательные истории, рисовать смешные картинки и придумывать всякие необыкновенные затеи.

— И будете при этом изъясняться на разных языках?

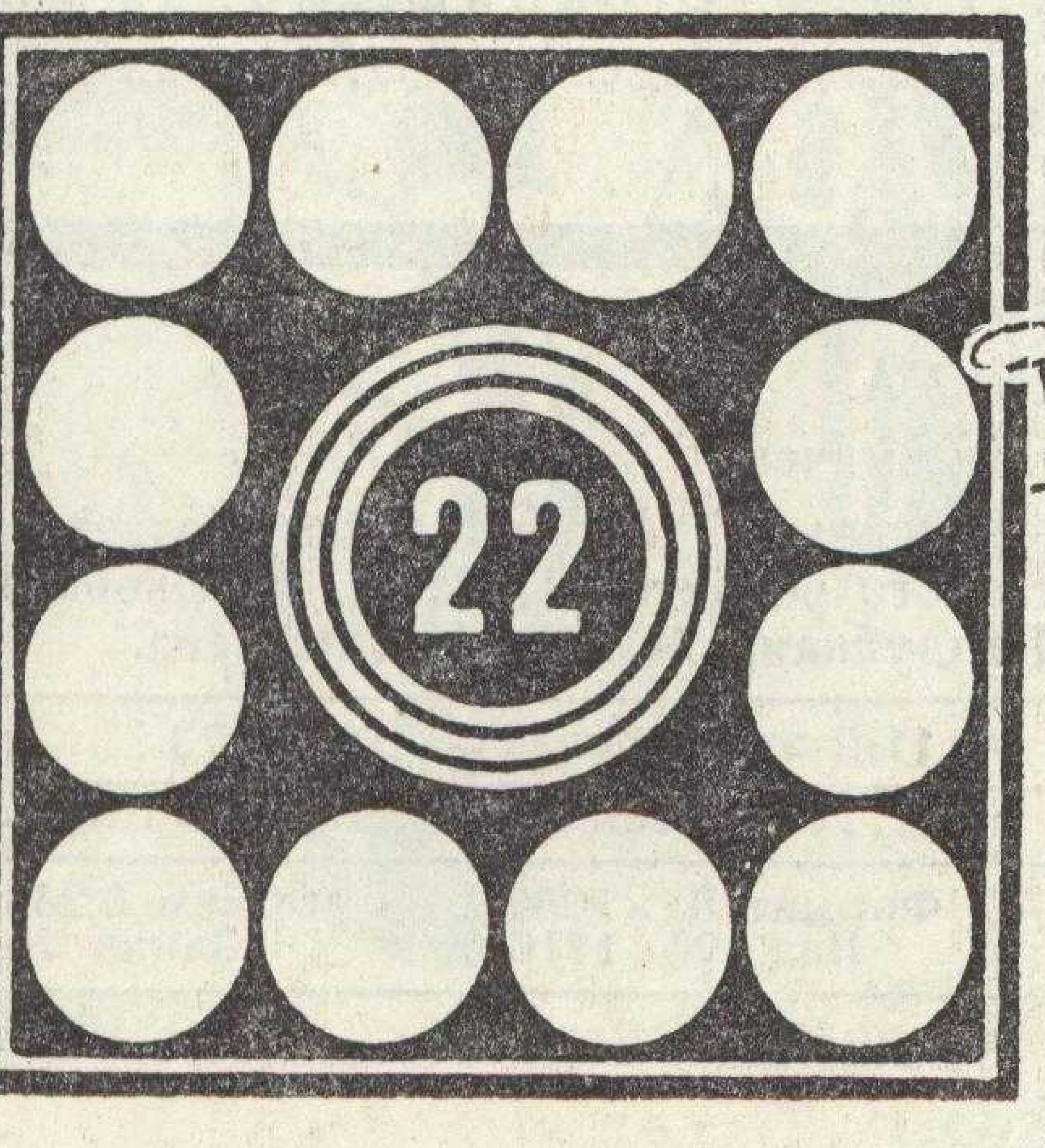
— Certainement,— сказал доктор по-французски.

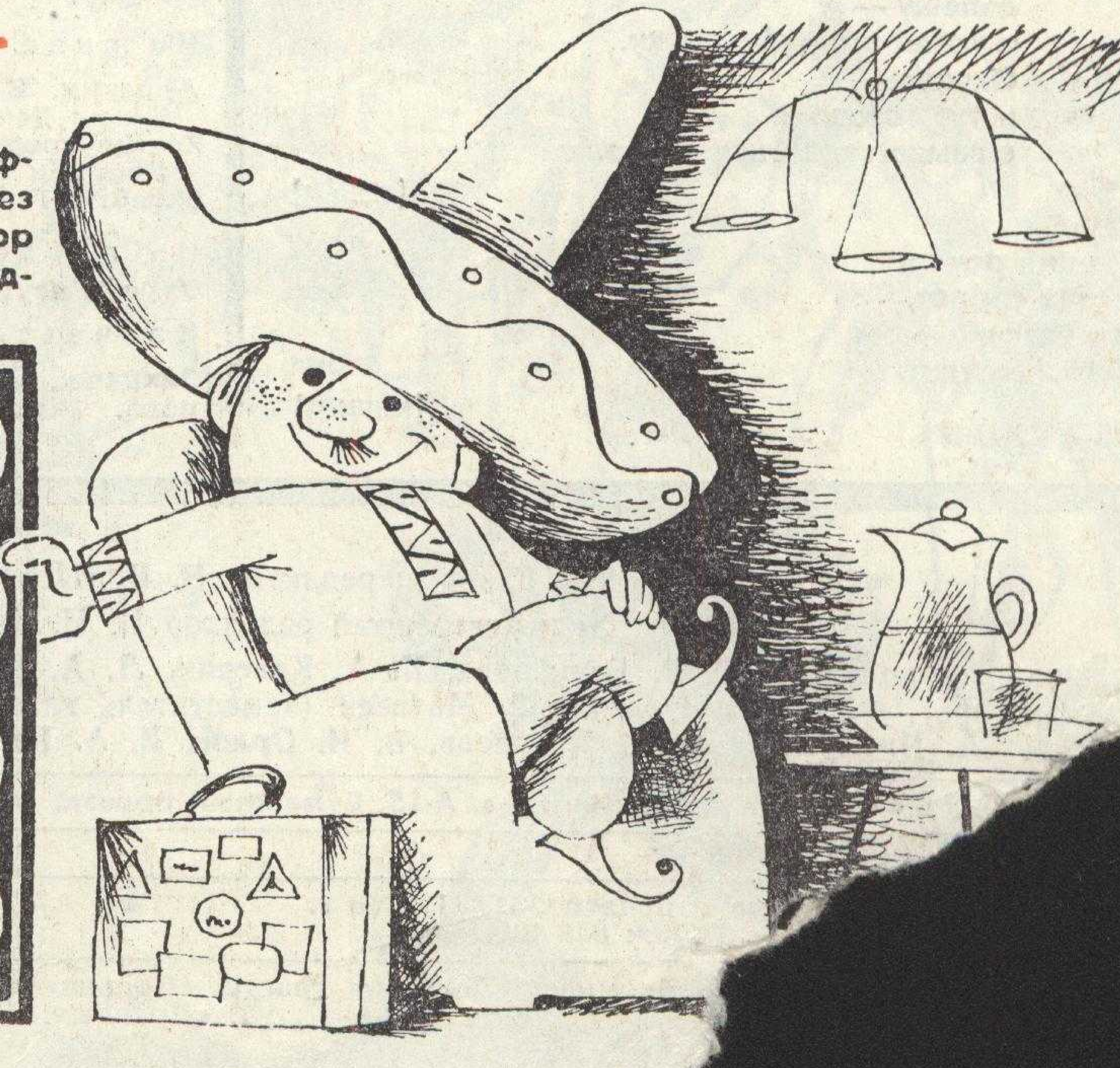
Вот так мы и познакомились с доктором Полиглотом, который знает все языки на свете.

Наш новый знакомец не заставил себя долго ждать. Он удобно расположился в мягком кресле, попросил себе чашечку кофе по-турецки (нелишне заметить, что он воспользовался для этой просьбы именно турецким языком) и тут же предложил вам, дорогие читатели, вот эти четыре картинки с подписями по-румынски, хитрую задачку на болгарском языке и вдобавок веселый английский рассказ-шутку.

ЦИФРОВ КВАДРАТ

Как трябва да разположите цифрите от 1 до 12 включително, без да се повтарят, за да получите сбор 22 по всяка една страна на квадрата?





В. ФЕТИСОВ

ЗАГАДКИ

Бьют парнишку
по фуражке,
чтоб пожил он
в деревяшке.

(Гвоздь)

Наведен
стеклянный глаз,
щелкнет раз —
и помнит вас!

(Фотоаппарат)

Сели птицы
на страницы —
знают быль
и небылицы.

(Буквы)

Подрастала —
хвост растила,
платье темное носила.
Подросла —
зеленой стала,
хвост на весла поменяла.

(Лягушка)

У чернушки кошки
белого ни крошки.
Только,
вроде запятой,
светлый коготь золотой.
Да она
глядит на нас
миллионом ясных глаз.

(Ночь)

Поскучаю,
полежу —
к синей проруби схожу.
Окунусь,
и тут готово
с языка сорваться слово.

(Ручка)

Цепкий рот
на тех сердит,
кто зазря
в доске сидит.

(Клещи)

Содержание

Ключ к номеру 1
Дети до шестнадцати. — Повесть Б. Никольского. Рисунки В. Перцова . . . 2
От двух до пяти. — Л. Матвеева. Рисунки Е. Медведева . . . 21
По дороге мы шли...— Стихи Э. Мошковской. Рисунки Е. Монина . . . 22
Встреча. — Фантастический рассказ И. Хорошухи. Перевел с польского Евг. Вайсброт. Рисунки Е. Ведерникова . . . 24
Отчего гуси вопят? — Стихи Улуро Адо. Перевел с юкагирского Г. Плисецкий . . . 27
Без разбега. — Рисунки О. Рево . . . 28
«Кораблик» . . . 31
«Вот я здесь»,— говорит ушебти. — Р. Рубинштейн. Рисунки О. Зотова и Я. Манухина . . . 33
Старые друзья. Кружка. Рассказы охотника. Время. Отчизна. Осадки. Стихи Л. Мартынова 34
Надо посоветоваться
Ты отвечаешь — я слушаю.— С. Гуревич . . 36
«Пишу эти строки тебе в наследство...» — А. Порозова . . . 40
Книжная лавка близ площади Этуаль.— Главы из романа Н. Кальмы. Окончание. Рисунки Г. Филипповского . . . 42
Сегодня у нас игра . . . 51
Театр «Фонарик» . . . 51
Зеленый мяч.— Пьеса Е. Васильевой и С. Маршака. Рисунки Э. Булатова . . . 52
О том, как С. Я. Маршак начал писать для детей. — И. Маршак . . . 57
Такие же, как ты.— Н. Аллахвердова . . . 57
Операция «Цветы на оруствере»
Истории героические, незабываемые . . . 58
Строчки из донесений . . . 59
Краткий военный словарик . . . 60
Там, где мы наступали.— Генерал-майор А. П. Еремин . . . 60
Икс, игрек, зет . . . 62
Жизнь — подвиг.— О. Тихомиров . . . 64
От двух до пяти.— Л. Матвеева. Рисунки Е. Медведева . . . 65
По Москве везут дрова.— Стихи Л. Николаенко 66
Клуб форвардов . . . 66
Пионерский глобус . . . 70
Почему и отчего . . . 72
Смехотрон и Наобороты. Рисунки Е. Ведерникова 73
Вести из страны Хобби . . . 75
Что нам читать? . . . 76
Цвета нашей планеты. — Л. Баскакова . . . 78
Шутки доктора Полиглота . . . 78
Загадки. — Стихи В. Фетисова . . . 80

На вклейках:
Арлекин. В средневековом городе. Марк Твен. Рисунки Дениса Драгунского
Хотим вперед идти, но ждет нас на пути... (Игра). Рисунок В. Чижикова.
Ушебти. Рисунок О. Зотова и Я. Манухина.

На первой странице обложки:
Утро. Рисунок Е. Монина и В. Перцова.

На четвертой странице обложки:
Захвачены врасплох. Цветные фотографии Н. Немнонова.

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.
Художественный редактор П. И. Кузьмичев.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж, Телефон Д 3-30-73.
Технический редактор В. Пархоменко.
...ано к печати 26/VIII 1966 г. Тираж 646 400 экз.
Формат 84×108 1/16. Изд. № 1716.
Объем 5,25 печ. л. Заказ № 2191.
...а Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

«Ла...
чем вас ...
Вечером ...
ли возле костра возвращаются.
— Рефош, а ...ся ...
Наоборотом» — с...тся пер...
Акшел, с удивлен...
вая пустые мешки ...днюю
визии. ...дда в с...

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Прошло лето. Вы побывали в пионерских лагерях, ходили в походы, работали на пришкольных участках, принимали участие во многих интересных делах.

Придя в школу, подведите итоги того, что вы сделали за лето. Организуйте выставки, проведите сборы, расскажите своим товарищам о своей работе в «Зеленом патруле», о том, как вы помогали ухаживать за полезащитными лесополосами, какие полезные ископаемые нашли, сколько спасли мальков рыб, какие провели сборы и беседы о нашей природе. Покажите своим товарищам результат вашей фотоохоты: фотографии зверей, птиц, насекомых, растений.

Принимайте участие в осенних посадках в лесу и саду, на улицах своих городов и поселков, заготовляйте корма для птиц на зиму, стройте кормушки, собирайте семена растений.

Лучшие из вас могут стать победителями всероссийского соревнования за ленинское отношение к природе и третьего всероссийского фотоконкурса «Охрана природы — дело всего народа».

Желаем вам успехов, ребята!

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

ЗАХВАЧЕНЫ ВРАСПЛОХ

Именно врасплох, иначе и не скажешь. Белочка так до конца и не заметила, что ее личные дела засняты на фотопленку. А дела-то у белочки секретные, и уж, конечно, она не стала бы прятать свои запасы на глазах у посторонних (снимок внизу).

Быстрый, как молния, горностай все же насторожился. Насторожился, но не убежал. Уж очень любопытен, да и отважен.

Вот он перед нами во всей красе. Стройная шея, круглые ушки, изящная треугольная головка, гибкое сильное тело, готовое к молниеносному прыжку. «Форма одежды» летняя; еще не сменил ее горностайка на белоснежный наряд.

А тушканчику не к чему менять одежду, он и так почти невидим на желто-сером фоне пустыни. Застыть бы ему в неподвижности—его и не приметил бы фотоохотник. Да куда там! Зачем тушканчику длинные ноги, если не для бегства! Вот и здесь он пустился наутек, едва услышал щелчок фотозатвора. И все же он пойман в кадр.